
СОЧИНЕНІЯ
БАТЮШКОВ
2

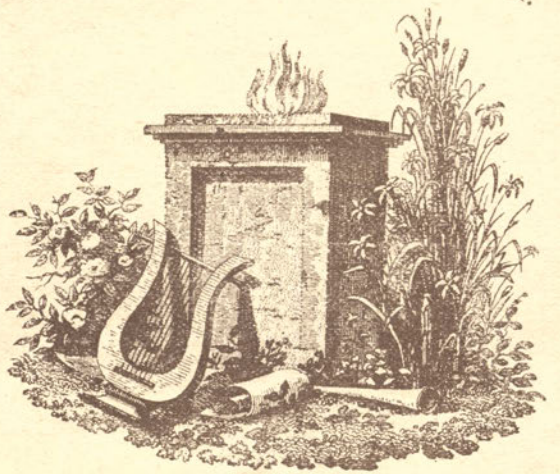
ИЗЪ КНИГЪ

П. А. ЕФРЕМОВА.

№ шк. пол.

48.7
1

БИБЛІОТЕКА ПУШКИНСКАГО ДОМА.

Изъ книгъ П. А. Ефремова.

ИНЛИ 48 7/1 Возврат

Каталог
1343
49.

1801. Перев. на фр. яз. Вилларса.
1805 — Париж (С. Вад.) ч. V № 3) сбр.
— на англ. Лондон (Св.) Сооф.
— (Соб. Нид.) № 4 (Посл. на об. сог.).
1806 в Лондон. Марк
1808 Константинополь 1807 г.
— Александровский.

СОЧИНЕНІЯ

БАТЮШКОВА.

СОЧИНЕНІЯ

ВАЛЬТЕРА СКОТТА.

СОЧИНЕНІЯ
КОНСТАНТИНА БАТЮШКОВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1834.

СОЧИНЕНІЯ

ВЪ

ПРОЗѢ и СТИХАХЪ,

Константина Батюшкова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА

1834.

— 9 —

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Санктпетербургъ, 19 Октября, 1833 года.

Цензоръ А. Никитенко.

Публичный Домъ
159003

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Вотъ списокъ мой стиховъ,
Который дружеству быть можетъ драгоцѣненъ.
Я добрымъ Геніемъ увѣренъ,
Что въ семъ Дедалѣ риѳмъ и словъ
Недостаетъ искусства:
Но дружество найдетъ мои, въ замѣну, чувства,
Исторію моихъ страстей,
Ума и сердца заблужденья,
Заботы, суеты, печали прежнихъ дней,
И легкокрылы наслажденья,
Какъ въ жизни падалъ, какъ вставалъ;
Какъ вовсе умиралъ для свѣта;
Какъ снова мой челнокъ фортунѣ повѣрялъ...
И словомъ, весь журналъ
Здѣсь дружество найдетъ безпечнаго Поэта,

Найденъ и молвитъ такъ,

» Нашъ другъ былъ часто легковѣренъ,

» Былъ вѣтренъ въ Пафосѣ, на Пиндѣ былъ чудакъ;

» Но дружбѣ онъ за то всегда остался вѣренъ,

» Стихами никому изъ насъ не докучалъ

» (А на Парнассѣ это чудо!)

» И жилъ такъ точно, какъ писалъ...

» Ни хорошо, ни худо! «

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЭЛЕГІИ.

	Стр.
Умирающій Тассъ	3
Надежда	10
На развалинахъ замка въ Швеціи	12
Элегія изъ Тибулла, вольный переводъ	17
Воспоминаніе	23
Воспоминанія, отрывокъ	25
Выздоровленіе	28
Мщеніе, изъ Парни	29
Привидѣніе, изъ Парни	32
Тибуллова Элегія III. Изъ III книги	35
Мой Геній	37
Дружество	38
Тѣнь друга	39
Тибуллова Элегія XI, изъ I-й книги, вольный переводъ	42
Веселый часъ	46
Въ день рожденія N.	50
Пробужденіе	51
Разлука	52
Таврида	54

Стр.

Судьба Одиссея 56
Послѣдняя весна 57
Къ Г-чу 59
Къ Д—ву 61
Источникъ 64
На смерть супруги Ѳ. Ѳ. К—на 66
Плѣнный 68
Вечеръ. (Подражаніе Петраркѣ, Canzone IX.) 72
Элегія 74
Отрывокъ изъ Элегіи 75

Гезіодъ и Омиръ соперники 79
Къ другу 85
Мечта 89
Къ Тассу 98
Отрывокъ изъ освобожденнаго Іерусалима 103
Отрывокъ изъ Шиллеровой трагедіи 107
Бесѣдка Музъ 119

ПОСЛАНІЯ.

Карамзину 123
Мои Пенаты, посланіе къ Ж. и В. 125
Посланіе Г. В—му 138
Посланіе къ Т—ву 141
Отвѣтъ Г—чу 144
Къ Ж—му 146
Отвѣтъ Т—ву 150
Къ П—ну 153
Посланіе И. М. М. А. 156
Посланіе къ А. И. Т—ву 161
Къ N. N. 164

Стр.

Кн. П. И. Шаликову (При полученіи отъ него въ подарокъ книги, имъ переведенной) 165

СМѢСЬ.

Хоръ для выпуска благородныхъ дѣвицъ Смольнаго монастыря 169

Пѣснь Гаральда смѣлаго 172

Вакханка 174

Сонъ воиновъ, изъ Поэмы Аснель и Аслега 176

Разлука. 179

Ложный спрахъ, подражаніе Парни 181

Сонъ Могольца. Басня 183

Пастухъ и Соловей, Басня (посвящена Озерову) 185

Любовь въ челнокѣ. 187

Счастливецъ, подражаніе Касти 189

Радость, подражаніе Касти. 192

Къ Н. 195

Эпиграммы, надписи и пр. 198

Спранспователь и домосѣдъ 205

Подражаніе Аріосту 220

Къ Машѣ 221

Изъ Антологіи 222

На смерть Лауры, изъ Петрарка 223

Изреченіе Мельхиседека 224

Переходъ черезъ Рейнъ 227

О Греческой Антологіи 237

Прибавленіе 259

Примѣчаніе къ Элегіи: Умирающій Тассъ 267

Примѣчаніе къ Элегіи: Гезіодъ и Омиръ. 265

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТЕКОТВОРЕНІЯ

ЭЛЕГІЯ.

...E come alpestre e rapido torrente,
Come acceso baleno
In noturno sereno,
Come aura o fumo, o come stral repente,
Volan le nostre fame: ed ogni onore
Sembra languido fiore!
Che più spera, oche s'attende omai?
Dopo trionfo e palma
Sol quì restano all'alma
Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.
Che più giova amicizia o giova amore!
Ahi lagrime! ahi dolore!

Torrismondo Trag. di T. Tasso.

УМИРАЮЩІЙ ТАССЪ.

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ аромапъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ правъ кругомъ кошницы полны?
До Капитолія опъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ спогнами всемірныя сполицы,
Къ чему раскинупты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ? къ чему пимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ, или побѣды вѣспникъ?
Почпо съ Хоругвіей печепъ въ молипвы домъ
Подъ митрою Апосполовъ Намѣспникъ?
Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признапельнаго Рима;

Кому тріумфъ? Тебѣ, божественный пѣвецъ!
Тебѣ сей даръ... пѣвецъ Ерусалима!
И шумъ веселія достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато:
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.
Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почестей столь поздняя награды,
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Незнающей къ великому пощады.
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ,
И, лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ
Онъ съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:

» Друзья, о! дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище.
Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
О древнее Квиринговъ пепелище!
Земля священная Героевъ и чудесъ!
Развалины и прахъ краснорѣчивый!
Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
Вы тополы, вы, древнія оливы,
И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
Засѣянный костьми гражданъ вселенной:
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
Безвременной кончинѣ обреченной!

Свершилось! Я спою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій;
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли.
Опъ самой юности игралище людей,
Младенцемъ былъ уже изгнанникъ;
Подъ небомъ сладостнымъ Ипалiи моей
Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
Гдѣ успокоился? гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?
Сорентo! колыбель моихъ нещастныхъ дней,
Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,
Опопорженъ былъ судьбой опъ матери моей,
Опъ сладостныхъ объятій и лобзаній:
Ты помнишь сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!
Увы! съ тѣхъ поръ добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія.
Форпуною изрытыя пучины
Разверзлись подо мной и громъ не умолкалъ!
Изъ веси въ весь, изъ странъ въ страну гонимый
Я тщетно на земли пристанища искалъ:
Повсюду перстъ ея неотразимый!
Повсюду молніи карающей пѣвца!
Ни въ хижинѣ орапая проспова,

Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,
Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ, не спасъ главы моей
Безславіемъ и славой удрученной,
Главы изгнанника, опъ колыбельныхъ дней
Карающей богинѣ обреченной...

Друзья! но что мою стѣсняетъ страшно грудь?
Что сердце шакъ и ноетъ и трепещетъ?
Опкуда я? какой прошелъ ужасный пупь,
И что за мной еще во мракѣ блещетъ?
Ферара... Фуріи... и зависти змія!...
Куда? куда, убійцы дарованья!
Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья!
Вопъ слезы ихъ и сладки лобызанья...
И въ Капитоліи — Виргиліевъ вѣнецъ!
Такъ, я свершилъ назначенное Фебомъ.
Опъ первой юности его усердный жрецъ,
Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ,
Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,
И въ узахъ я душой не измѣнился.
Музъ сладостный воспоргъ не гасъ въ душѣ моей,
И Геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сіонъ,
На берегахъ цвѣтущихъ Іордана;
Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,
Васъ, мирныя убѣжища Ливана!

Предъ нимъ воскресли вы, Герои древнихъ дней,
Въ величіи и въ блескѣ грозной славы:
Онъ зрѣлъ тебя, Гонфредъ, Владыко, вождь Царей
Подъ свиспомъ спрѣлъ спокойный, величавый;
Тебя, младый Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ,
Въ любви, въ войнѣ щасливый побѣдитель:
Онъ зрѣлъ, какъ ты лепалъ по трупамъ вражьихъ силъ
Какъ огнь, какъ смерть, какъ ангелъ-испребитель...
И тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!
О доблести неслыханной примѣры!
О нашихъ праотцевъ давно почившихъ сномъ
Тріумфъ святой! побѣда чистой Вѣры!
Торквато васъ исторгъ изъ пропасти временъ:
Онъ пѣлъ — и вы не будете забвенны —
Онъ пѣлъ: ему вѣнецъ безсмертья обреченъ,
Рукою Музъ и славы сплетенный.
Но поздно! я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славныя надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!« —

Умолкъ. Унылый огнь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучь таланта предъ кончиной;
И умирающій, казалося, хотѣлъ
У Парки взять Тріумфа день единой.

Онъ взоромъ все искалъ Капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ еще приподнимался;
Но мукой страшною кончины изнуренъ,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужь къ западу текло,
И въ заревѣ багряномъ утопало;
Часъ смерти близился... и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ...
И оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.
— »Смотрите, онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ,
Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное Свѣтило засіяетъ...
Ужь Ангелъ предо мной, вожатай оныхъ мѣстъ;
Онъ осѣнилъ меня лазурными крилами...
Приближьте знакъ любви, сей знаменитый крестъ...
Молитеся съ надеждой и слезами...
Земное гибнетъ все... и слава и вѣнецъ...
Искусствъ и Музъ творенья величавы:
Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небренной славы!
Тамъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели.

О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли.
Опытенъ съ міромъ онъ, и Вѣрой укрѣпленъ
Мучительной кончины не примѣтитъ:
Тамъ, тамъ... о щастіе!.. средь непорочныхъ женъ,
Средь Ангеловъ, Елеонора вспрѣтитъ!«

И съ именемъ любви божественный погасъ;
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
День тихо догаралъ... и колокола гласъ
Разнесъ кругомъ по спогнамъ вѣсть печали.
Погибъ Торквато нашъ! воскликнулъ съ плачемъ Римъ,
Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!...
На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ;
И трауромъ покрылся Капитолій.

НАДЕЖДА.

Мой духъ! довѣренность къ Творцу!
Мужайся; будь въ терпѣньи камень.
Не Онъ ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти, чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови мечь врага,
И градъ свинцовый отражала?
Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды и гладъ и непогоду,
И силу, въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня опъ юныхъ дней
Къ добру, стезею попаенной,
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ Вожатай неизмѣнной?

Онъ! Онъ! Его все даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой,
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!

Все даръ его: и краше всѣхъ
Даровъ, Надежда лучшей жизни!
Когда жь узрю спокойный брегъ,
Спрану желанную отчизны?
Когда спруей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

НА РАЗВАЛИНАХЪ ЗАМКА

въ Швеціи.

Уже свѣтило дня на западѣ горитъ,
И тихо погрузилось въ волны!...
Задумчиво луна сквозь тонкій паръ глядитъ
На хляби и брега безмолвны.
И все въ глубокомъ снѣ поморіе кругомъ.
Лишь изрѣдка рыбарь къ товарищамъ взываетъ;
Лишь эхо гласъ его протяжно повторяетъ
Въ безмолвіи ночномъ.

Я здѣсь, на сихъ скалахъ, висящихъ надъ водой,
Въ священномъ сумракѣ дубравы,
Задумчиво брожу, и вижу предъ собой
Слѣды протекшихъ лѣтъ и славы:
Обломки, грозный валъ, поросшій злакомъ ровъ,
Сполбы — и вѣтхій мостъ съ чугунными цѣпями,
Твердыни мшистыя съ гранитными зубцами
И длинный рядъ гробовъ.

Все тихо: мертвый сонъ въ обители глухой.
Но здѣсь живетъ воспоминанье:

И пупникъ, опершись на камень гробовой,
Вкушаетъ сладкое мечтанье.
Тамъ, тамъ, гдѣ вьется плющъ по лѣстницѣ крутой,
И вѣтръ колышетъ стебль изсохшія полыни,
Гдѣ мѣсяцъ осеребрилъ угрюмыя швердыни
Надъ спящею водой:

Тамъ воинъ нѣкогда, Одена храбрый внукъ,
Въ бояхъ приморскихъ посѣдѣлый,
Готовилъ сына въ брань, и спрѣлъ пернатыхъ пукъ,
Броню завѣтну, мечь тяжелый,
Онъ юношѣ вручилъ израненой рукой,
И громко восклицалъ, подъявъ дрожащи длани:
Тебѣ онъ обреченъ, о Богъ, властитель брани,
Всегда, и всюду твой!

А ты, мой сынъ, клянись мечемъ своихъ отцовъ,
И Гелы кляпвою кровавой,
На западныхъ спруяхъ быть ужасомъ враговъ,
Иль пасть, какъ предки пали, съ славой!
И пылкій юноша мечь прадѣдовъ лобзалъ,
И къ персямъ прижималъ родительскія длани,
И въ радости, какъ конь, при звукѣ новой брани,
Кипѣлъ и трепеталъ.

Война, война врагамъ отеческой земли! —
Суда на утро восшумѣли,
Запѣнились моря, и быстры корабли
На крыльяхъ бури полетѣли!
Въ долинахъ Нейстріи раздался браней громъ,
Туманный Альбіонъ изъ края въ край пылаетъ,
И Гела день и ночь въ Валкалу провождаетъ
Погибшихъ блѣдный сонмъ.

Ахъ, юноша! спѣши къ отеческимъ брегамъ,
Назадъ лети съ добычей бранной;
Ужь вѣетъ кропкій вѣтръ во слѣдъ твоимъ судамъ,
Герой, побѣдою избранной!
Ужь Скальды пиршество готовятъ на холмахъ,
Ужь дубы въ пламени, въ сосудахъ медъ сверкаетъ,
И вѣстникъ радости отцамъ провозглашаетъ
Побѣды на моряхъ.

Здѣсь въ мирной пристани, съ денницей золотой
Тебя невѣста ожидаетъ,
Къ тебѣ, о юноша, слезами и мольбой,
Боговъ на милость преклоняетъ...
Но вотъ въ туманѣ тамъ, какъ стая лебедей,
Бѣлѣютъ корабли, несомые волнами;
О, вѣй, попутный вѣтръ, вѣй тихими устами
Въ вѣтрила кораблей!

Суда у береговъ, на нихъ уже герой
Съ добычей женъ иноплеменныхъ;
Къ нему спѣшитъ отецъ съ невѣстою младой
И лики Скальдовъ вдохновенныхъ.
Красавица споитъ безмолвствуя, въ слезахъ,
Едва на жениха взглянуть украдкой смѣетъ,
Потупя ясный взоръ, краснѣетъ и блѣднѣетъ,
Какъ мѣсяцъ въ небесахъ....

И тамъ, гдѣ камней рядъ, сѣдымъ одѣтый мхомъ,
Помостъ обрушенный являетъ,
Повременно сова въ безмолвіи ночномъ
Пустыню крикомъ оглашаетъ;
Тамъ чаши радости стучали по столамъ.
Тамъ храбрые кругомъ съ друзьями ликовали,
Тамъ Скальды пѣли брань, и персты ихъ летали
По пламеннымъ струнамъ.

Тамъ пѣли звукъ мечей и свистъ пернатыхъ стрѣлъ,
И трескъ щитовъ и громъ ударовъ,
Кипящу брань среди опустошенныхъ селъ,
И грады въ заревѣ пожаровъ;
Тамъ старцы жадный слухъ склоняли къ пѣсни сей,
Сосуды полные въ десницахъ ихъ дрожали,
И гордыя сердца съ восторгомъ вспоминали
О славѣ юныхъ дней.

Но все покрыто здѣсь угрюмой ночи мглой,
Все время въ прахъ преобратило!
Гдѣ прежде Скальдъ гремѣлъ на арфѣ золотой,
Тамъ вѣперъ свищетъ лишь уныло!
Гдѣ храбрый ликовалъ съ дружиною своей,
Гдѣ жертвовалъ виномъ отцу и богу брани,
Тамъ дремлютъ припаясь двѣ пренетныя лани,
Иль слышенъ вой звѣрей.

Гдѣ жь вы, о сильные, вы Галловъ бичь и спрахъ,
Земель полнощныхъ Исполины,
Роальда спутники, на бренныхъ челнокахъ
Протекши дальныя пучины?
Гдѣ вы, отважныя толпы богатырей,
Вы, дикіе сыны и брани и свободы,
Возникшіе въ снѣгахъ, средь ужасовъ природы,
Средь копій, средь мечей? —

Погибли сильные! — Но странникъ въ сихъ мѣстахъ
Не тщетно камни вопрошаетъ,
И руны тайныя, останки на скалахъ
Угрюмой древности, читаетъ.
Оратай ближнихъ селъ, склонясь на посохъ свой,
Гласитъ ему: смотри, о сынъ иноплеменный,
Здѣсь плѣютъ праотцевъ останки драгоцѣнны;
Почти ихъ гробъ святой!

ЭЛЕГІЯ ИЗЪ ТИБУЛЛА.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ.

Месалла! безъ меня ты мчишься по волнамъ
Съ орлами Римскими къ восточнымъ берегамъ;
А я, въ Феакіи оставленный друзьями,
Ихъ заклинаю всѣмъ, и дружбой и богами,
Тибулла не забынь въ далекой сторонѣ. —
Здѣсь Парка блѣдная конецъ готовитъ мнѣ,
Здѣсь жизнь мою прервешъ безжалостной рукою.....
Неумолимая! Нѣтъ матери со мною!
Кто будетъ принимать мой пепелъ отъ костра?
Кто будетъ безъ тебя, о милая сестра,
За гробомъ слѣдовать въ одеждѣ погребальной,
И муро изливать надъ урною печальной?
Нѣтъ друга моего, нѣтъ Деліи со мной. —
Она, и въ самый часъ разлуки роковой
Обряды тайные и чары совершала:
Въ священномъ ужасѣ безсмертныхъ вопрошала;
И жребій щастливый намъ опрокъ вынималъ.
Что пользы отъ того? Часъ гибельный насталъ
И снова Делія печальна и уныла,
Слезами полный взоръ невольно обратила

Пушкинский Дом
Библиотека
Академии Наук СССР
— 9 —
159003
Библиотека

На дальный путь. Я самъ, лишенный скорбью
силъ,
Утѣшься, Делiи сквозь слезы говорилъ;
Утѣшься! и еще съ невольнымъ трепетаньемъ
Печальную лобзалъ послѣднимъ лобызаньемъ.
Казалось, нѣкiй богъ меня останавлялъ:
То воронъ мнѣ бѣду внезапно предвѣщалъ,
То въ день, отцу боговъ, Сатурну посвященный,
Я слышалъ громъ глухой за рощей отдаленной.
О вы, которые умѣете любить,
Спрашивается любовь разлукой прогнѣвить!
Но, Делiя, къ чему Изидѣ приношенья,
Сiи въ ночи глухой протяжны пѣснопѣнья,
И волхвованье жрицъ и мѣди звучной стонъ?
Къ чему, о Делiя, въ безбрачномъ ложѣ сонъ,
И очищенiя священною водою?
Все тщетно милая, Тибулла нѣтъ съ тобою.
Богиня грозная! спаси его отъ бѣдъ,
И снова Делiя маститки принесетъ,
Украситъ дивный храмъ весенними цвѣтами,
И съ распущенными по вѣтру волосами
Какъ дѣва чистая, во ткань облечена,
Возсядетъ на помостъ: и звѣзды и луна,
До восхожденiя румяныя Авроры,
Услышатъ гласъ ея и Жрицъ Фарiйскихъ хоры.
Отдай, богиня, мнѣ родимыя поля,
Отдай знакомый шумъ домашняго ручья,

Отдай мнѣ Делію: и вамъ дары богаты
Я въ жертву принесу, о Лары и Пенаты!
За чѣмъ мы не живемъ въ златыя времена?
Тогда безпечныя народовъ племена
Путей среди лѣсовъ и горъ не пролагали
И раломъ никогда полей не раздирали;
Тогда не мчалась ель на легкихъ парусахъ
Несома вѣпрами въ лазоревыхъ моряхъ,
И кормчій не дерзалъ по хлябямъ разъяреннымъ,
Съ Сидонскимъ багрецомъ и съ золотомъ безцѣнным,
На утломъ кораблѣ скитаться здѣсь и тамъ.
Дебелый волъ бродилъ свободно по лугамъ,
Топталъ душистый злакъ и спалъ въ тѣни зеленой;
Конь борзый не кропилъ узды кровавой пѣной;
Не зрѣли на поляхъ сполповъ и рубежей,
И кущи сельскія спояли безъ дверей;
Медъ капалъ изъ дубовъ янтарною слезою;
Въ сосуды молоко обильною струею
Лилося изъ сосцовъ пипающихъ овецъ. —
О мирны пастыри, въ невинности сердецъ
Безпечно жившіе среди пустынь безмолвныхъ!
При васъ, на пагубу друзей единокровныхъ,
На наковальнѣ млатъ не изваялъ мечей,
И рапникъ не гремѣлъ оружьемъ средь полей.
О вѣкъ Юпитеровъ! о времена нещастны!

*

Война, вездѣ война и гладъ и моръ ужасный,
Повсюду рыщетъ смерть, на сушѣ, на водахъ...
Но ты, держащій громъ и молнію въ рукахъ!
Будь мирному пѣвцу Тибуллу благосклоненъ.
Ни словомъ, ни душой я не былъ вѣроломенъ;
Я съ трепетомъ боговъ отчизны обожалъ,
И если мой конецъ безвременный настalъ —
Пусть камень обо мнѣ прохожимъ возвѣщаетъ:
»Тибуллъ, Месаллы другъ, здѣсь съ миромъ почиваетъ.«
Единственный мой богъ и сердца властелинъ
Я былъ твоимъ жрецомъ, Киприды милый сынъ!
До гроба я носилъ твои оковы нѣжны,
И ты, Амуръ, меня въ жилища безмятежны,
Въ Элизій приведешь таинственной стезей,
Туда, гдѣ вѣчный Май межъ рощей и полей;
Гдѣ расцвѣтаетъ нардъ и киннамона лозы
И воздухъ напоенъ благоуханьемъ розы;
Тамъ слышно пѣнье птицъ и шумъ бѣющихъ водъ;
Тамъ дѣвы юныя сплетяся въ хороводъ
Мелькаютъ межъ древесъ, какъ легки привидѣнья;
И тотъ, кого постигъ, въ минуту упоенья,
Въ объятіяхъ любви, неумолимый рокъ,
Тотъ носитъ на челѣ изъ свѣжихъ миртъ вѣнокъ.
А тамъ, внутри земли, во пропастяхъ ужасныхъ,
Жилище вѣчное преступниковъ несчастныхъ;
Тамъ рѣки пламенны сверкаютъ по пескамъ,

Мегера страшная и Тизифона тамъ:
Съ челомъ, опутаннымъ шипящими зміями,
Бѣгутъ на дикій брегъ за блѣдными тѣнями.
Гдѣ скрыться? адскій песъ лежитъ у мѣдныхъ врапъ,
Рыкаетъ зѣвъ его ... и рой тѣней назадъ!..
Богами ввержены во пропасти бездонны,
Ужасный Энкеладъ и Тифій преогромный
Питаетъ жадныхъ птицъ утробою своей.
Тамъ хищный Иксіонъ, окованный змѣей,
На быстромъ колесѣ вертится безконечно;
Тамъ въ жаждѣ пламенной Танталъ безчеловѣчной,
Надъ хладною рѣкой сгараетъ и дрожитъ;
Все тщетно! вспять вода коварная бѣжитъ
И черпаютъ ее напрасно Данаиды,
Всѣ жертвы вѣчныя карающей Киприды.
Пусть тамъ страдаетъ тотъ, кто рушилъ нашъ покой
И разлучилъ меня, о Делія, съ тобой!
Но ты, мнѣ вѣрная, другъ милой и безцѣнной,
И въ мирной хижинѣ, отъ взоровъ сокровенной,
Съ наперсницей любви, съ подругою твоей,
На мигъ не покидай домашнихъ алтарей.
При шумѣ зимнихъ вьюгъ, подъ сѣнью безопасной,
Подруга въ темну ночь зажжетъ свѣтильникъ ясной
И тихо вретено кружа въ рукѣ своей

Раскажетъ повѣсти и были старыхъ дней.
А ты, склоняя слухъ на сладки небылицы,
Забудешься, мой другъ; и томныя зѣницы
Закроетъ тихій сонъ, и прялица изъ рукъ
Падетъ... и у дверей предстанетъ твой супругъ,
Какъ небомъ посланный внезапно добрый Геній.
Бѣги на встрѣчу мнѣ, бѣги изъ мирной сѣни,
Въ прелестной наготѣ явись моимъ очамъ,
Власы развѣянны небрежно по плечамъ,
Вся грудь лилейная и ноги обнаженны...
Когда жь Аврора намъ, когда сей день блаженный
На розовыхъ коняхъ, въ блистаньи принесетъ,
И Делію Тибуллъ въ восторгѣ обойметъ?

ВОСПОМИНАНІЕ.

1807-го года.

Мечты! — повсюду вы меня сопровождали,
И мрачной жизни путь цвѣтами устилали!
Какъ сладко я мечталъ на Гейльсбергскихъ поляхъ,
Когда весь станъ дремалъ въ покоѣ,
И рапникъ, опершись на копіе, стальное,
Смотрѣлъ въ туманну даль! Луна на небесахъ
Во всемъ величіи блистала,
И низкій мой шалашъ сквозь вѣтьви освѣщала;
Аль свѣтлый чушь сирую лѣнивую кашилъ,
И въ зеркальныхъ водахъ являлъ весь станъ и рощи;
Едва дымился огнь въ часы туманной нощи,
Близъ кущи рапника, который сномъ почилъ.
О Гейльсбергски поля! о холмы возвышенны!
Гдѣ столько разъ въ ночи, луною освѣщенный,
Я въ думу погруженъ, о родинѣ мечталъ;
О Гейльсбергски поля! въ то время я не зналъ,
Что трупы рапниковъ устелютъ ваши нивы,
Что мѣдной челюстью громъ грянетъ съ сихъ
холмовъ,
Что я, мечтатель вашъ щастливый,
На смерть летя пронзивъ враговъ,
Рукой закрывъ тяжелу рану,

Едва ли на зарѣ сей жизни не увяну. — —
И буря дней моихъ исчезла какъ мечта!..
Осталось мрачно вспоминанье...
Между пропекшаго есть вѣчная черта:
Насъ сближитъ съ нимъ одно мечтанье.
Да оживлю теперь я въ памяти своей
Сію ужасную минуту,
Когда, болѣзнь вкушая люту
И видя спо смертей,
Боялся умереть не въ родинѣ моей!
Но небо, внявъ моимъ моленіямъ усерднымъ,
Взглянуло окомъ милосердымъ:
Я, Неманъ переплывъ, узрѣлъ желанный край
И землю лобызавъ съ слезами,
Сказалъ: блаженъ спокрашъ, кпо съ сельскими богами,
Спокойный домосѣдъ, земной вкушаетъ рай,
И шага не спупя за хижину убогу,
Къ себѣ богиню быспроногу
Въ молипвахъ не зоветъ!
Не слѣпъ ко славѣ онъ любовью,
Не жертвуетъ своимъ спокойствіемъ и кровью;
Могилу зритъ свою, и пихо смерти ждетъ.

. . . . . .

Семейство мирное! уже ль тебя забуду,
И дружбѣ и любви неблагодаренъ буду?..
Ахъ! мнѣ ли позабыть госпепріимный кровъ,

Въ сѣни домашнихъ гдѣ боговъ
Усердный Эскулапъ божественной наукой
Исторгъ изъ-подъ косы и дивно исцѣлилъ
Меня, борющагося уже съ смертельной мукой!...
Уже ли я тебя, красавица, забылъ,
Тебя, которую я зрѣлъ передъ собою
Какъ ушѣшителя, какъ Ангела добра!
Ты, Геба юная, лилейною рукою
Сосудъ мнѣ подала: *пей здравье и любовь!*
Тогда, казалося, сама природа вновь
Со мною воскресала
И новой зеленью вѣнчала
Долины, холмы и лѣса.
Я помню утро то, какъ слабою рукою
Склонясь на костыли, поддержанный тобою,
Я въ первой разъ узрѣлъ цвѣты и древеса...
Какое щастіе съ весной воскреснуть ясной!
(Въ глазахъ любви еще прелестнѣе весна)
Я, восхищенъ природой красной,
Сказалъ Эмиліи: ты видишь, какъ она,
Растворгнувъ зимній мразъ, съ весною оживаетъ,
Съ ручьемъ шумитъ въ лугахъ и съ розой расцвѣтаетъ;
Чтобъ было безъ весны?... Подобно такъ и я
На утрѣ дней моихъ увялъ бы безъ тебя!
Тутъ грудь ея кропя горячими слезами,
Соединивъ уста съ устами,

В. Евр. 1809 г. 43, № 21, с. 28–31.

Всю чашу радости мы выпили до дна. —
Увы! исчезло все, какъ прелесть сладка сна!
Куда дѣвалися восторги, лобызанья,
И вы таинственны во тмѣ ночной свиданья,
Гдѣ заключа ее въ объятіяхъ моихъ,
Я не завидовалъ судьбѣ боговъ самихъ!...
Теперь, я съ нею разлученный,
Считаю скукой дни, цѣпь горестей влачу.
Воспоминанія! лишь вами окриленный,
Къ ней мыслію лечу;
И въ часъ туманной полуночи
Мечтой обвороженны очи,
Какъ призракъ, красоту въ одеждѣ легкой зрятъ
Ея и станъ и взглядъ!
Я къ ней объятія въ восторгѣ проспираю,
И тѣнь лишь обнимаю....

ВОСПОМИНАНІЯ.

ОТРЫВОКЪ.

. . . . . .

Я чувствую, мой даръ въ Поэзіи погасъ,
И Муза пламенникъ небесный потушила;
Печальна опытность открыла
Пустыню новую для глазъ.
Туда влечетъ меня осиротѣлый Геній,
Въ поля безплодныя, въ непроходимы сѣни,
Гдѣ щастья нѣтъ слѣдовъ,
Ни тайныхъ радостей, неизъяснимыхъ сновъ,
Любимцамъ Фебовымъ отъ юности извѣстныхъ,
Ни дружбы, ни любви, ни пѣсней Музъ прелестныхъ,
Которыя всегда душевну скорбь мою,
Какъ Лотосъ, силою волшебной врачевали.
Нѣтъ, нѣтъ! себя не узнаю
Подъ новымъ бременемъ печали! —
Какъ странникъ, брошенный на брегъ изъ ярыхъ волнъ,
Вспаетъ и съ ужасомъ разбитый видитъ челнъ,
Рукою трепетной онъ мраки вопрошаетъ,
Ногой скользитъ надъ пропастями онъ,
И вѣтеръ буйный развѣваетъ
Моленій гласъ его, рыданія и стонъ....

На краѣ гибели какъ я зову въ спасенье
Тебя, послѣдняя надежда, упѣшенье!
Тебя, послѣдній сердца другъ!
Средь бурей жизни и недугъ
Хранитель ангелъ мой, оставленный мнѣ Богомъ!..
Твой образъ я таилъ въ душѣ моей залогомъ
Всего прекраснаго ... и благости Творца. —
Я съ именемъ твоимъ летѣлъ подъ знамя брани
Искать иль славы иль конца;
Въ минуты страшныя чистѣйши сердца дани
Тебѣ я приносилъ на Марсовыхъ поляхъ:
И въ мирѣ и въ войнѣ, во всѣхъ земныхъ краяхъ
Твой образъ слѣдовалъ съ любовію за мною;
Съ печальнымъ странникомъ онъ неразлученъ спалъ.
Какъ часто въ тишинѣ, весь занятый тобою,
Въ лѣсахъ, гдѣ Жувизи гордится надъ рѣкою,
И Сейна по цвѣтамъ льетъ сребренный кристалъ:
Какъ часто средь толпы и шумной и безпечной,
Въ столицѣ роскоши, среди прелестныхъ женъ,
Я пѣнье забывалъ волшебное Сиренъ
И о тебѣ одной мечталъ въ тоскѣ сердечной,
Я имя милое твердилъ
Въ прохладныхъ рощахъ Альбіона,
И Эхо называть прекрасную училъ
Въ цвѣтущихъ пажитяхъ Ричмона.
Мѣста прелестныя и въ дикости своей,
О камни Швеціи, пустыни Скандинавовъ,

Обитель древняя и доблестии и нравовъ!
Ты слышала обѣтъ и гласъ любви моей,
Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальныя скалы граиитныхъ береговъ
И села пахарей и кущи рыбаковъ,
Сквозь тонки утренни туманы
На зеркальныхъ водахъ пустынной Троллетаны.
. . . . . .

Кодонаѣ Транквеста, а не Троллетаи

(См. Сев. Зерк. изд. Ирр. III, 38)

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца
Склоняетъ голову и вянетъ:
Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца,
И думалъ: Парки часъ наспанетъ.
Ужь очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
Ужь сердце медленнѣе билось:
Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приближилась, о жизнь души моей,
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцѣлуевъ сочетанье,
И вздохи сладостные, и сила милыхъ словъ,
Меня изъ области печали,
Опять Орковыхъ полей, опять Лепты береговъ
Для сладостранія призвали.
Ты снова жизнь даешь; она, твой даръ благой;
Тобой дышать до гроба стану.
Мнѣ сладокъ будетъ часъ и муки роковой;
Я опять любви теперь увяну.

К. (1808?) А. Дмитриевъ (Мызникъ въ 1817 г. въ Вятке?)

МЩЕНІЕ.

Изъ Парни.

Невѣрный другъ и вѣчно милый!
Зарю моихъ щастливыхъ дней
И слезы радости и клятвы легкокрилы,
Все время унесло съ любовію твоей!
И все погибло невозвратно,
Какъ сладкая мечта, какъ утромъ сонъ пріятной
Но все любовью здѣсь исполнено моей,
И клятвы страшныя твои напоминаетъ.
Ихъ помнятъ и лѣса, ихъ помнитъ и ручей,
И эхо томное ихъ часто повторяетъ.
Взгляни: здѣсь въ первый разъ я встрѣтился съ тобой,
Ты здѣсь, подобная лилеѣ бѣлоснѣжной,
Взлелѣянной въ садахъ Авророй и весной,
Подъ сѣнью безмятежной,
Цвѣла невинностью близъ матери твоей.
Вотъ здѣсь я въ первый разъ вкусилъ надежды сладость;
Здѣсь жертвы приносилъ у мирныхъ алтарей,
Когда твою грозила младость
Болѣзнь жестокая во цвѣтѣ погубить:
Здѣсь клялся, милый другъ, тебя не пережить!

Но съ новой прелестью ты къ жизни воскресала,
И, въ первый разъ, *люблю* краснѣяся сказала.
(Тому сей дикій боръ нѣмый свидѣтель былъ).
Твоя рука въ моей, то млѣла, то пылала,
И первый поцѣлуй съ душею душу слилъ.
Тамъ взоръ попупленный назначилъ мнѣ свиданье,
Въ зеленомъ сумракѣ развѣсистыхъ древесъ,
Гдѣ льется въ воздухѣ сирень благоуханье
И облако цвѣтовъ скрываетъ сводъ небесъ;
Тамъ ночь ненастная спустила покрывало,
И страшно загремѣлъ надъ нами ярый громъ;
Все небо въ пламени зардѣлося кругомъ,
И въ рощѣ сумрачной сверкало.
Напрасно! ты была въ объятіяхъ моихъ,
И къ новымъ радостямъ ты воскресала въ нихъ!
О пламенный восторгъ! о страстпи упоенье!
О сладострастіе ... себя, всего забвенье!
Съ ея любовію упрачены на вѣкъ!
Вы будете всегда измѣнницѣ упрекъ:
Воспоминанье ваше
Опъ времени еще прелестнѣе и краше
Ея преступное блаженство помрачитъ,
И сердцу за меня коварному отмститъ,
Неизлѣчимою, жестокою тоскою.
Такъ! всюду образъ мой увидишь предъ собою,
Не въ видѣ прежняго любовника въ цѣпяхъ,
Который съ нѣжностью сквозь слезы упрекаетъ

И жребій съ трепетомъ читаетъ
Въ твоихъ потупленныхъ очахъ.
Нѣтъ, въ люпой ревности карая преступленье,
Явлюсь, какъ блѣдное въ полуночь привидѣнье,
И всюду слѣдовать я буду за тобой:
Въ безмолвіи лѣсовъ, въ поляхъ уединенныхъ,
Въ веселыхъ пиршествахъ, тобой одушевленныхъ,
Гдѣ юность пылкая и взоръ читаетъ твой.
Въ глазахъ соперника, на ложѣ Гименея —
Ты будешь съ ужасомъ о клятвахъ вспоминать,
При имени моемъ блѣднѣя
Невольно трепетать.
Когда жь безвременно съ полей кровавой битвы,
Къ Коциту позоветъ меня судьбины гласъ,
Скажу: будь щастлива, въ послѣдній жизни часъ;
И тщетны будутъ всѣ любовника молитвы!

Б.
В. Евр 1811, 7, №19–20, 204–6.

ПРИВИДѢНІЕ.

Изъ Парни.

Посмотрите! въ двадцать лѣтъ
Блѣдность щеки покрываетъ;
Съ утромъ вянетъ жизни цвѣтъ;
Парка дни мои щипаетъ,
И отсрочки не даетъ.
Что же медлишь! вѣдь Зевеса
Плачь и стонъ не укротишь.
Смерти мрачной занавѣса
Упадетъ — и я забытъ! —
Я забытъ ... но изъ могилы,
Если можно воскресать,
Я не стану, другъ мой милый,
Какъ мертвецъ, тебя пугать;
Въ часъ полуночныхъ явленій
Я не стану въ видѣ тѣни
То внезапу, то тишкомъ,
Съ воплемъ въ твой являться домъ.
Нѣтъ, по смерти, невидимкой
Буду въ кругъ тебя летать;
На груди твоей подъ дымкой
Тайны прелести лобзать;

Спану всюду развѣвать
Легкимъ успѣ прикосновеньемъ,
Какъ зефира дуновеньемъ,
Опъ кашпановыхъ волосъ
Тонкій запахъ свѣжихъ розъ.
Если лилія листами
Ко груди пвоей прильнепъ;
Если яркими лучами
Въ камелькѣ огонь блеснепъ;
Если пламень попаенной
По ланпшамъ пробѣжалъ;
Если поясъ сокровенной
Развязался и упалъ —
Улыбнися, другъ безцѣнной,
Эпо я! — Когда же пы,
Сномъ закрывъ прелеспны очи,
Обнажишь во мракѣ ночи
Розъ и лилій красопы,
Я вздохну ... и гласъ мой помной,
Арфы голосу подобной,
Тихо въ воздухѣ умрепъ.
Если жь легкими крилами
Сонъ глаза пвои сомкнепъ,
Я невидимо съ мечпами
Спану плавань надъ пюбой.
Сонъ пвой, Хлоя, будепъ дологъ...
Но когда блеснепъ сквозь пологъ

Лучь денницы золотой,
Ты проснешься ... о блаженство!
Я увижу совершенство ...
Тайны прелести красотъ,
Гдѣ самъ пламенный Эротъ,
Оттѣнилъ рукой своею
Розой дѣвственну лилею;
Все опять въ моихъ глазахъ
Всѣ покровы исчезаютъ;
Часъ блаженнѣйшій! ..... Но, ахъ!
Мертвые не воскресаютъ.

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГІЯ III.

Изъ III книги.

В. Евр. 1809 г. 48 № 23 стр. 193–199 подп. К.

Напрасно осыпалъ я жертвенникъ цвѣтами,
Напрасно ѳиміамъ курилъ предъ алтарями;
Напрасно: — Дѣли еще съ Тибулломъ нѣтъ.
Безсмертны! слышали вы скромный мой обѣтъ!
Молилъ ли васъ когда о почестяхъ и златѣ?
Желалъ ли обитать во мраморной палатѣ?
Къ чему мнѣ пажитей обширная земля,
Златыми класами вѣнчанныя поля,
И стадо кобылицъ, рабами охраненно?
О бѣдности молилъ, съ тобою раздѣленной!
Молилъ, чтобъ смерть меня застала, при тебѣ,
Хоть нища, но съ тобой! ... Къ чему желать себѣ
Богатства Азіи, или воловъ дебелыхъ?
Уже ли болѣе мы дней сочтемъ веселыхъ
Въ садахъ и въ храминахъ, гдѣ дивный рядъ столбовъ
Изсѣченъ хитростью наемныхъ пришлецовъ;
Гдѣ все одинъ Норфиръ, Тенера и Кариста,
Помосты мраморны и урны злата чиста;

Луга пространные, гдѣ силою трудовъ,
Легла священна пѣнь отъ кедровыхъ лѣсовъ?
Къ чему Эритрскія жемчужины безцѣнны
И волны Тирскія, багрянцемъ напоенны?
Въ богатствѣль ли счастіе? Въ немъ призракъ, пищетный видъ!
Мудрецъ отъ Ларъ своихъ за златомъ не бѣжитъ;
Колѣнъ предъ случаемъ во вѣкъ не преклоняетъ,
И въ хижинѣ своей съ фортуной обитаетъ!
И бѣдность, Делія, мнѣ дорога съ тобой!
Топъ кровъ соломенной чну крышей золотой,
Подъ коимъ сопряженъ любовію съ тобою,
Сто крапъ благословенъ!.... Но если предо мною
Безсмертные вѣсовъ судьбы не преклонятъ:
Упѣшитъ ли тогда Тибулла пышный градъ?
Ахъ! нѣтъ! — и золото блестящаго Пактола,
И громкой славы шумъ, и самый блескъ престола
Безъ Деліи ничто — а съ ней, и куща — храмъ,
Безвѣстность, нищета завидны небесамъ!
О дочь Сатурнова! услышь мое моленье!
И ты, любови мать! Когда же Паркъ сужденье,
Когда суровыхъ сестръ пропивно время,
И Делій владѣть Тибуллу не дано:
Пускай теперь сойду во области Плутона,
Гдѣ блата топкія и воды Ахерона
Широкой цѣпію вкругъ ада облежатъ,
Гдѣ безпробуднымъ сномъ печальны тѣни спятъ.

МОЙ ГЕНІЙ.

О память сердца! ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня въ странѣ плѣняешь дальной.
Я помню голосъ милыхъ словъ,
Я помню очи голубыя,
Я помню локоны златыя
Небрежно вьющихся власовъ.
Моей паступки несравненной
Я помню весь нарядъ простой,
И образъ милой, незабвенной,
Повсюду странствуетъ со мной.
Хранитель Геній мой — любовью
Въ упѣху данъ разлукѣ онъ:
Заснулъ? приникнетъ къ изголовью
И усладитъ печальной сонъ.

К. Б.

В. Евр. 1816 №15 (авг.), с. 176–177 Гиппиус.

ДРУЖЕСТВО.

Блаженъ, кто друга здѣсь по сердцу обрѣтаетъ,
Кто любитъ и любимъ чувствительной душой.
Тезей на берегахъ Коцита не страдаетъ:
Съ нимъ другъ его души, съ нимъ вѣрный Пиѳоой.
Атридовъ сынъ въ цѣпяхъ, но зависти достоинъ!
Съ нимъ другъ его, Пиладъ .... подъ лезвеемъ мечей.
А ты, младый Ахиллъ, великодушный воинъ,
Безсмертный образецъ героевъ и друзей!
Ты дружбою великъ, ты ей дышалъ одною!
И друга смерть отмстивъ безпрепѣшной рукою
Щастливъ! ты мертвъ упалъ на гибельный трофей!

Дружба
Восточная пословица

Сколь щастливъ тотъ, кто друга обрѣлъ,
Кто друга любитъ и другомъ любимъ!
Тезей и в Тартаре блаженство обрѣтает:
О чем сему тужить? Не Пирифой ли с ним?
Орест, горюя на злую судьбину
С Пиладом злобный рок в горести делил;
А Патрокловы ли дни, и рок и другину
Ахилл ещё всегда себя щастливым чтил,
Когда б самой Эреб не мог у него отнять
Того, в каком он зрел блаженство обрести.

К—ин.

Цветник 1810, ч. VI, с. 288–9

ТѢНЬ ДРУГА.

Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos.

Propert.

Я берегъ покидалъ пуманный Альбіона:
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ упопалъ.
За кораблемъ вилася Гальціона,
И тихій гласъ ея пловцевъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ дремлющей подъ говоромъ валовъ;
Все сладкую задумчивость пипало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ,
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила Сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ,
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли.
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели.
Мечты смѣнялися мечтами,
И вдругъ... то былъ ли сонъ?... предсталъ то-
варищъ мнѣ,

Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейсскими спруями.
Но видъ не спрашенъ былъ: чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ упро Майское веселіемъ цвѣло,
И все небесное душѣ напоминало.
»Ты ль эпо, милый другъ, поварищъ лучшихъ дней!
Ты ль эпо? я вскричалъ, о воинъ вѣчно милой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ,
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый брапъ!
Или пропекшее все было сонъ, мечтанье,
Все, все, и блѣдный прупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
О! молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный слухъ ласкаетъ;
Пускай рука моя, о незабвенный другъ!
Твою, съ любовію сжимаетъ....«
И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полуночи,
Исчезъ, — и сонъ покинулъ очи. —
Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины;

Стихіи грозныя казалися безмолвны.
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣперокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла:
Тебя, о милый брать! о лучшій изъ друзей!

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГІЯ

XI, изъ I-й книги.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ.

Кто первый изосприлъ желѣзный мечь и спрѣлы?
Жестокій! онъ изгналъ въ безвѣстные предѣлы
Миръ сладостный, и въ адъ открылъ обширный
путь!
Но онъ виновенъ ли, что мы на ближнихъ грудь
За золото, за прахъ, желѣзо устремляемъ,
А не чудовищей имъ дикихъ поражаемъ? —
Когда на пиршествахъ сосудъ святой
Изъ буковой коры межь утвари простой,
И сосудъ былъ опятченъ избыткомъ сельскихъ
брашенъ:
Тогда не знали мы щитовъ и твердыхъ башенъ,
И пастырь близъ овецъ спокойно засыпалъ;
Тогда бы дни мои я радостьми считалъ;
Тогда бъ не чувствовалъ невольно трепетанье
При гласѣ бранныхъ трубъ! О пищетное мечтанье!
Я съ Марсомъ на войнѣ: быть можетъ лукъ тугой
Напрянутъ на меня пернатою стрѣлой....

О боги! сей ударъ вы мимо пронесите,
Вы, Лары отчески, отъ гибели спасите!

О вы, хранившіе меня въ тѣни своей,
Въ безпечности злашой опъ колыбельныхъ дней;
Не постыдитеся, что ликъ боговъ священный,
Изсѣченный изъ пня и пылью покровенный,
Въ жилищѣ праотцевъ уединенъ спонитъ!
Не знали смертные ни злобы, ни обидъ,
Ни клятвъ нарушенныхъ, ни почестей, ни злата,
Когда священный ликъ домашняго Пената,
Еще скудельный былъ на пепелищѣ ихъ!
Онъ благодатенъ намъ, когда изъ чашъ простыхъ
Мы учинимъ предъ нимъ обильны возліянья,
Иль на чело его, въ знакъ мирнаго вѣнчанья,
Возложимъ мы вѣнки изъ мирповъ и лилей;
Онъ благодатенъ намъ, сей мирный богъ полей,
Когда на празднествахъ, въ дни Майскіе веселы,
Съ толпою чадъ своихъ, орашай престарѣлый,
Опрѣсноки ему священны принесетъ,
А дѣвы красныя изъ улья чистый медъ.
Спасите жь вы меня отеческіе боги
Опъ копій, опъ мечей! Вамъ даръ несу убогій:
Кошницу полную Цереринхъ даровъ,
А въ жертву — сей овенъ, краса моихъ луговъ.
Я самъ, увѣнчанный и въ ризы облеченный,
Явлюсь на утріе предъ вашъ олтарь священный.
Пускай, скажу, въ поляхъ неистовый герой,
Обрызганъ кровію, выигрываетъ бой;
А мнѣ — пусть благости сей буду я достоинъ —

О подвигахъ своихъ раскажетъ древній воинъ,
Товарищъ юности, и, сидя за сполномъ
Мнѣ лагерь начершитъ веселыхъ чашъ виномъ.
Почто же вызываешь намъ смерть изъ царства
шѣни,
Когда въ подземный домъ вездѣ равны ступени?
Она, какъ тать въ ночи, невидимой стопой,
Но быстро гонится, и всюду за тобой!
И низведетъ тебя въ тѣ мрачные вертепы,
Гдѣ лаетъ адскій песъ, гдѣ Фуріи свирѣпы,
И кормчій въ челнокѣ на Стиксовыхъ водахъ.
Тамъ тѣней блѣдный полкъ толпится на брегахъ,
Власы обожжены, и впалы ихъ ланиты!...
Хвала, хвала тебѣ, орашай домовитый!
Твой вечеръетъ вѣкъ средь щастливой семьи;
Ты самъ, въ тѣни дубравъ, пасешь стада свои;
Супруга между тѣмъ трапезу учреждаетъ,
Для омовенья ногъ сосуды нагрѣваетъ
Съ кристальною водой. О боги! еслибъ я
Узрѣлъ еще мои родительски поля!
У свѣтлаго огня, съ подругою младою,
Я бъ юность вспомянулъ за чашей круговою,
И были и дѣла давно протекшихъ дней!

Сынъ неба! свѣтлый Миръ! ты самъ среди полей
Вола дебелаго ярмомъ опягощаешь!
Ты благодать свою на нивы проливаешь,

И въ опческій сосудъ, наслѣдіе сыновъ,
Лiешь багряный сокъ изъ Вакховыхъ даровъ.
Въ дни мира остpый плугъ и заступъ намъ свя-
щенны;
А мечь, кровавый мечь, и шлемы опеpенны,
Снѣдаешь ржавчина безмолвно на спѣнахъ.
Оpашай изъ лѣсу шамъ ѣдешь на волахъ
Съ женою и съ дѣшьми, виномъ pазвеселенный!
Дни мира, вы любви игpивой дpагоцѣнны!
Подъ знаменемъ ея воюемъ съ кpасотой.
Ты плачешь, Ливiя? но побѣдишель швой —
Смотpи! — у ногъ швоихъ, колѣна пpеклоняешъ.
Любовь ковapная укpадкой подступаешъ,
И вошъ ужь среди васъ pазмолвившихъ сидишъ!
Пусшь молнiя боговъ безщадно поpазишъ
Того, кшо кpасошу обидѣлъ на сpаженьи!
Но щасшливъ, если могъ въ минушномъ изсшуп-
леньи
Вѣнокъ на волосахъ кашшановыхъ измяшь,
И поясъ невзначай у дѣвы pазвязашь!
Щасшливъ, шpи кpашъ щасшливъ, когда швои
угpозы
Испоpгли изъ очей любви безцѣнны слезы!
А шы, взлелеянный межь копiй и мечей,
Бѣги, кpовавый Маpсъ, опъ нашихъ олшapей!

ВЕСЕЛЫЙ ЧАСЪ.

Вы, други, вы опять со мною,
Подъ тѣнью тополей густою,
Съ златыми чашами въ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ!

Други! сядьте и внемлите
Музы ласковой совѣтъ.
Вы щастливо жить хотите
На зарѣ весеннихъ лѣтъ?
Отгоните призракъ славы!
Для веселья и забавы
Сѣйте розы на пути;
Скажемъ юности: лети!
Жизнью дай лишь насладиться;
Полной чашей радость пить:
Ахъ! не долго веселиться
И не вѣки въ щастьи жить!

Но вы, о други, вы со мною,
Подъ тѣнью тополей густою,
Съ златыми чашами въ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ.

Спанемъ други наслаждаться,
Спанемъ розами вѣнчаться;
Лиза! сладко пить съ тобой,
Съ нимфой рѣзвой и живой!
Ахъ! обнимемся руками,
Съединимъ уста съ устами,
Души въ пламени сольемъ;
То воскреснемъ, то умремъ!...

Выль, други милые, со мною,
Подъ шѣнью тополей густою,
Съ златыми чашами въ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ?

Я, любовью, упоенной,
Васъ забылъ, мои друзья!
Какъ сквозь облакъ вижу темной
Чаши золотой края!...
Лиза розою пылаетъ;
Грудь любовію полна;
Улыбаясь наливаетъ
Чашу свѣтлаго вина....
Мы потопимъ горесть нашу
Други! въ эту полну чашу;
Выпьемъ разомъ и до дна
Море свѣтлаго вина!...

Друзья! ужь мѣсяцъ надъ рѣкою;
Почили рощи сладкимъ сномъ;

Но намъ ли здѣсь искать покою
Съ любовью, съ дружбой и виномъ?
О радость! радость! Вакхъ веселой
Толпу ушѣхъ сзываетъ къ намъ;
А шутъ въ одеждѣ легкой, бѣлой,
Эратно гимнъ поетъ друзьямъ:
» Часы крылаты! не летите,
» И щастье мигомъ хоть продлите! «
Увы! бѣгутъ щастливы дни,
Бѣгутъ, летятъ стрѣлой они!
Ни лѣнь, ни щастья наслажденья,
Не могутъ ихъ сдержать стремленья,
И время, сильною рукой,
Погубитъ радость и покой.
Луга веселые, зелены,
Ручьи кристальные, и садъ,
Гдѣ тинисты дубы, древни клены,
Сплетаютъ вѣчну тѣнь прохладъ!
Уже ль васъ зрѣть не буду болѣ?
Уже ли намъ, на ранномъ полѣ,
Судилъ мнѣ рокъ сномъ вѣчнымъ спать?
Свирѣль и чаша золотая
Тамъ будутъ въ прахѣ истлѣвать;
Покроетъ ихъ трава густая,
Покроетъ, и ни чьей слезой
Забвенный прахъ не окропится...
Заранѣ должно ли крушиться?

Умру, и все умрешъ со мной!..
Но вы еще, друзья, со мною
Подъ шѣнью тополей густою,
Съ златыми чашами въ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ.

Первонач. ред. под наз. "Совѣт друзьямъ" См. Лицей 1806, ч. 1 кн. 1, с. 11—13. Подп. Бат.

В. Е. 1810 ч. 1 кн. №4, с. 280—282

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ N.

О ты, которая была
Ушѣхъ и радостей душою!
Какъ роза нѣкогда цвѣла
Небесной красотою;
Теперь оставлена, печальна и одна,
Сидя смиренно у окна,
Безъ пѣсней, безъ похвалъ встрѣчаешь день рожденья;
Прими отъ дружества сердечны сожалѣнья,
Прими и сердце успокой.
Что потеряла ты? Льстецовъ бездушныхъ рой,
Пугалищей ума, достоинства и нравовъ;
Судей безжалостныхъ, докучливыхъ нахаловъ.
Одинъ былъ нѣжный другъ... и онъ еще съ тобой!

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Зефиръ послѣдній свѣялъ сонъ
Съ рѣсницъ окованныхъ мечтами:
Но я — не къ счастью пробужденъ
Зефира тихими крилами.
Ни сладость розовыхъ лучей
Предтечи утренняго Феба,
Ни кроткій блескъ лазури неба,
Ни запахъ вѣющій съ полей,
Ни быстрый летъ коня ретива
По скату бархатныхъ луговъ,
И гончихъ лай, и звонъ роговъ
Вокругъ пустыннаго залива:
Ничто души не веселитъ,
Души, вспревоженной мечтами,
И гордый умъ не побѣдитъ
Любви, холодными словами.

---

*

РАЗЛУКА.

Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ,
Друзей души, блестящія искусства;
И въ шумѣ грозныхъ битвъ, подъ тѣнію шатровъ,
Старался усыпить встревоженныя чувства.
Ахъ! небо чуждое не лечитъ сердца ранъ!
Напрасно я скитался
Изъ края въ край, и грозный океанъ
Кругомъ меня роптalъ и волновался;
Напрасно отъ береговъ плѣнительныхъ Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посѣщалъ развалины Москвы,
Москвы, гдѣ я дышалъ свободою прямою!
Напрасно я спѣшилъ отъ сѣверныхъ степей,
Холоднымъ солнцемъ освѣщенныхъ,
Въ страну, гдѣ Тирасъ бьетъ излучистой струей,
Сверкая между горъ, Церерой позлащенныхъ,
И древнія поитъ народовъ племена.
Напрасно: всюду мысль преслѣдуетъ одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мнѣ священно,

Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей
Всѣ — неба на землѣ блаженства отверзаетъ,
И слово, звукъ одинъ, прелестный звукъ рѣчей
Меня мертвитъ и оживляетъ.

ТАВРИДА.

Другъ милый, ангелъ мой! сокроемся шуда,
Гдѣ волны кропкія Тавриду омываюпъ,
И Фебовы лучи съ любовью озаряюпъ
Имъ древней Греціи священныя мѣспа.
Мы шамъ, опверженные рокомъ,
Равны нещаспіемъ, любовію равны,
Подъ небомъ сладоспнымъ полуденной спраны
Забудемъ слезы лишь о жребіи жесшокомъ;
Забудемъ имена Форшуны и чесшей.
Въ прохладѣ ясеней, шумящихъ надъ лугами,
Гдѣ кони дикіе спремяшся шабунами
На шумъ спуденыхъ спруй, кипящихъ подъ землей,
Гдѣ пушникъ съ радоспью опъ зноя опдыхаепъ,
Подъ говоромъ древесъ, пуспынныхъ пшицъ и водъ:
Тамъ, шамъ насъ хижина проспая ожидаепъ,
Домашній ключь, цвѣпы и сельскій огородъ.
Послѣдніе дары Форшуны благосклонной,
Васъ пламенны сердца привѣпспвуюпъ спокраиъ!
Вы краше для любви и мраморныхъ палашъ
Пальмиры Сѣвера огромной!
Весна ли красная блисшаепъ средь полей,

Иль лѣто знойное палитъ изсохши злаки,
Иль урну хладную вращая водолей,
Валитъ шумящій дождь, сѣдый туманъ и мраки:
О радость! ты со мной встрѣчаешь солнца свѣтъ,
И ложе щастія съ денницей покидая,
Румяна и свѣжа, какъ роза полевая,
Со мною дѣлишь трудъ, заботы и обѣдъ.
Со мной въ часъ вечера, подъ кровомъ тихой ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи
Я вижу, голосъ твой я слышу, и рука
Въ твоей покоится всечасно.
Я съ жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяныхъ устъ, и если хоть слегка
Лепающій Зефиръ власы твои развѣетъ
И взору обнажитъ снѣгамъ подобну грудь,
Твой другъ — не смѣетъ и вздохнуть:
Ощупя взоръ спокоитъ, дивится и нѣмѣетъ.

СУДЬБА ОДИССЕЯ.

Средь ужасовъ земли и ужасовъ морей
Блуждая, бѣдствуя, искалъ своей Ишаки
Богобоязненный страдалецъ Одиссей;
Стопой безтрепетной сходилъ Аида въ мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стонъ
Не потрясли души высокой.
Казалось, побѣдилъ терпѣньемъ рокъ жестокой
И чашу горести до капли выпилъ онъ:
Казалось, небеса карать его устали,
И тихо соннаго домчали
До милыхъ родины давножеланныхъ скалъ.
Проснулся онъ: и что жъ? отчизны не позналъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ВЕСНА.

Въ поляхъ блистаетъ Май веселый!
Ручей свободно зажурчалъ,
И яркой голосъ Филомелы
Угрюмый боръ очаровалъ:
Все новой жизни ньепъ дыханье!
Пѣвецъ любви, лишь ты унылъ!
Ты смерпи вѣрной предвѣщанье
Въ печальномъ сердцѣ заключилъ;
Ты бродишь слабыми спопами
Въ послѣдній разъ среди полей,
Прощаясь съ ними и съ лѣсами
Пустынной родины пвоей.
» Простите рощи и долины
» Родныя рѣки и поля!
» Весна пришла, и часъ кончины
» Неопразимой вижу я!
» Такъ! Эпидавра прорицанье
» Вѣщало мнѣ: въ послѣдній разъ
» Услышишь горлицъ воркованье
» И Гальціоны тихій гласъ:
» Зазеленѣютъ гибки лозы,
» Поля одѣнутся въ цвѣпы,

» Тамъ первыя увидишь розы
» И съ ними вдругъ увянешь ты.
» Ужь близокъ часъ... Цвѣточки милы,
» Къ чему такъ рано увядать?
» Закройте памятникъ унылый,
» Гдѣ прахъ мой будетъ исплѣвать;
» Закройте путь къ нему собою
» Отъ взоровъ дружбы навсегда.
» Но если Делія съ тоскою
» Къ нему приближится: тогда
» Исполните благоуханьемъ
» Вокругъ пустынный небосклонъ
» И томнымъ листьевъ препетаньемъ
» Мой сладко очаруйте сонъ!«
Въ поляхъ цвѣты не увядали,
И Гальціоны въ тихой часъ
Спенанья рощи повторяли;
А бѣдный юноша... погасъ!
И дружба слезъ не уронила
На прахъ любимца своего;
И Делія не посѣтила
Пустынный памятникъ его:
Лишь пастырь, въ тихій часъ денницы,
Какъ въ поле спадо выгонялъ,
Унылой пѣснью возмущалъ
Молчанье мертвое гробницы.

К ъ Г***ч у.

Только дружба обѣщаетъ
Мнѣ безсмертія вѣнокъ;
Онъ примѣтно увядаетъ,
Какъ опъ зноя василекъ.
Мнѣ оставишь ли для славы
Скромную стезю забавы? —
Пусть къ забавамъ проложенъ;
Къ славѣ тѣсенъ и мудренъ!
Мнѣ ль за призракомъ гоняться,
Лавры съ скукой собирать?
Я умѣю наслаждаться,
Какъ ребенокъ всѣмъ играть;
И щастливъ!.. Досель цвѣтами
Путь ко щастью устилалъ;
Пѣлъ, мечталъ, подъ часъ стихами
Горесть сердца услаждалъ;
Пѣлъ опъ лѣни и досуга;
Муза — мнѣ была подруга;
Не былъ ей порабощенъ.
А теперь, весна какъ сонъ
Легкокрылый исчезаетъ,

И съ собою увлекаешь
Прелесть пѣсней и мечты!
Нѣжны мирты и цвѣты,
Чѣмъ прелестницы вѣнчали
Юнаго пѣвца, — завяли!
Ахъ! уже ли наградишь
Слава щастія упрану,
И ко дней моихъ закату
Какъ нарочно прилетишь?
Хоть, бывало, съ друзьями,
Славы я не сберу;
Чуть не весь мы и с лихами,
Хватим тебя, умрем.

Ал.

Къ Д. В. Д. (sic)

Къ Д***въ.

Къ Денису Васильевичу Давыдову

Мой другъ! я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары;
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ — гдѣ зданья величавы
И башни древнія Царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;

И шамъ — гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали
Святыни не касаясь ихъ; —
И шамъ, — гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады; —
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды щѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои вспрѣчали взоры!...
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость;
Среди военныхъ непогодъ,
При спрашномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзываешь пастушекъ въ хороводъ.
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтренныхъ Цирцей
Среди могилъ моихъ друзей,
Упраченныхъ на полѣ славы!..
Нѣтъ, нѣтъ! шаланшъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,

Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ —
Мой другъ, дополѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды Музы и Хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

Санктпетербургскій Вѣстникъ, издаваемый Обществомъ Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. №10. Октябрь 1812. стр. 26–28.

С. Отеч. 1813, ч. 7 №31, с. 209–210. Датиров. 31 іюля

ИСТОЧНИКЪ.

Буря умолкла, и въ ясной лазури
Солнце явилось на западѣ намъ!
Мутный источникъ, слѣдъ яростной бури,
Съ ревомъ и съ шумомъ бѣжитъ по полямъ!
Зафна! приближься: для дѣвы невинной
Пальмы подъ тѣнью здѣсь роза цвѣтетъ;
Падая съ камня источникъ пустынной
Съ ревомъ и съ пѣной сквозь дебри течетъ!

Дебри ты, Зафна, собой озарила!
Сладко съ тобою въ пустынныхъ краяхъ!
Пѣсни любови ты мнѣ повторила;
Вѣтеръ унесъ ихъ на тихихъ крылахъ!
Голосъ твой, Зафна, какъ утра дыханье,
Сладостно шепчетъ, несясь по цвѣтамъ:
Тише, источникъ! прерви волнованье,
Съ ревомъ и съ пѣной стремясь по полямъ!

Голосъ твой, Зафна, въ душѣ отозвался;
Вижу улыбку и радость въ очахъ!...
Дѣва любви! — я къ тебѣ прикасался,
Съ медомъ пилъ розы на влажныхъ устахъ!

Зафна краснѣешъ?... О другъ мой невинной!
Тихо прижмися устами къ устамъ!..
Будь же ты скроменъ, источникъ пустынной,
Съ ревомъ и съ шумомъ стремясь по полямъ!

Чувствую персей твоихъ волнованье,
Сердца біенье и слезы въ очахъ;
Сладостно дѣвы стыдливой роптанье!
Зафна! о Зафна!.. смотри ... шамъ въ водахъ
Быстро несется цвѣтокъ розмаринный;
Воды умчались, — цвѣточка ужь нѣтъ!
Время быстрѣе, чѣмъ токъ сей пустынный,
Съ ревомъ который сквозь дебри течетъ.

Время погубитъ и прелесть и младость!...
Ты улыбнулась, о дѣва любви!
Чувствуешь въ сердцѣ томленье и сладость,
Сильны восторги и пламень въ крови!...
Зафна! о Зафна! — шамъ голубь невинной
Съ страстной подругой завидуютъ намъ...
Вздохи любови — источникъ пустынной
Съ ревомъ и съ шумомъ умчитъ по полямъ!

НА СМЕРТЬ СУПРУГИ
О. О. К—на.

Nell' età più bella, e più fiorita...
... E viva, e bella al ciel salita
Petrarca.

Нѣтъ подруги нѣжной, нѣтъ прелестныя Лилы!
Все осиротѣло!
Плачь любовь и дружба, плачь Гименъ унылый!
Щастье улетѣло!

Дружба! ты всечасно радости цвѣтами
Жизнь ея дарила;
Ты свою богиню, съ воплемъ и слезами,
Въ землю положила.

Ты печальны тисы, кипарисны лозы,
Насади вкругъ урны!
Пусть приносятъ юность въ даръ чистѣйшій слезы
И цвѣты лазурны!

Все вокругъ уныло! Чуть Зефиръ весенній
Памятникъ лобзаетъ;
Здѣсь, въ жилищѣ плача, тихій смерти Геній
Розу обрываетъ.

Здѣсь Гименъ прикованъ, блѣдный и безгласный,
Вѣчною тоскою,
Гасишъ у гробницы свой свѣтильникъ ясный
Трепетной рукою!

ПЛѢННЫЙ.

Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ
По бархатнымъ лугамъ;
Гдѣ миртъ душистый расцвѣтаетъ,
Склонясь къ ея водамъ;
Гдѣ на горахъ роскошно зрѣетъ
Янтарный виноградъ,
Златый лимонъ на солнцѣ рдѣетъ,
И яворы шумятъ:

Въ часы вечернія прохлады
Любуяся рѣкой,
Споялъ, склоня на Рону взгляды
Съ глубокою тоской,
Добыча брани, Русской плѣнный,
Придонскихъ честь сыновъ,
Съ полей побѣды похищенный
Одинъ, толпой враговъ.

»Шуми« — онъ пѣлъ — »волнами, Рона,
И жатвы орошай,
Но, плескомъ волнъ, роднаго Дона
Мнѣ шумъ напоминай!

Я въ праздности теряю время,
Душою въ людстве сиръ;
Мнѣ жизнь не жизнь, безъ славы — бремя,
И пустъ прекрасный міръ!

»Весна вокругъ живитъ природу,
Яснѣетъ солнца свѣтъ;
Все славитъ щастье и свободу,
Но мнѣ свободы нѣтъ!
Шуми, шуми волнами, Рона,
И мнѣ воспоминай
На берегахъ роднаго Дона
Отчизны милый край!

»Здѣсь прелесть — сельскія дѣвицы!
Ихъ взоръ огнемъ горитъ,
И сквозь потупленны рѣсницы
Мнѣ радости сулитъ.
Какія радости въ чужбинѣ?
Онѣ въ родныхъ краяхъ;
Онѣ цвѣтутъ въ моей пустынѣ
И въ дебряхъ и въ снѣгахъ.

»Отдайте жь мнѣ мою свободу!
Отдайте край отцовъ,
Отчизны вьюги, непогоду,
На родинѣ мой кровъ,

Покрытый въ зиму яркимъ снѣгомъ!
Ахъ! дайте мнѣ коня;
Туда помчитъ онъ быстрымъ бѣгомъ
И день и ночь меня:

»На родину, въ сей теремъ древній,
Гдѣ ждетъ меня краса,
И подъ окномъ, въ часы вечерни,
Глядитъ на небеса;
О другѣ тайно помышляетъ...
Иль робкою рукой
Коня ретиваго ласкаетъ,
Тебя, сорапникъ мой!

»Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвы орошай;
Но, плескомъ волнъ, роднаго Дона
Мнѣ шумъ напоминай!
О вѣтры, съ полночи летите
Отъ родины моей;
Вы, звѣзды сѣвера, горите
Изгпанпику свѣтлѣй!« —

Такъ пѣлъ нашъ плѣнникъ одинокой
Въ виду Іонскихъ сгѣнъ,
Гдѣ юношѣ судьбой жестокой
Назначенъ долгій плѣнъ.

Онъ пѣлъ — у ногъ сверкала Рона,
Въ ней мѣсяцъ трепеталъ,
И на златыхъ верхахъ Ліона
Лучь солнца догаралъ.

ВЕЧЕРЪ.

(Подражаніе Петраркѣ, CANZONE IX.)

В. Евр. 1810 г. XIV, № 21 (XI) с. 37–39 К. Б.

Въ тотъ часъ, какъ солнца лучь потухнетъ за горою,
Склонясь на посохъ свой дрожащею рукою,
Пастушка, дряхлая отъ бремени годовъ,
Спѣшитъ, спѣшитъ съ полей подъ отдаленный кровъ,
И тамъ, пришедъ къ огню, среди лачуги дымной
Вкушаетъ трапезу съ семьей гостепріимной,
Вкушаетъ сладкій сонъ, замѣну горькихъ слезъ!—
А я, какъ солнца лучь потухнетъ средь небесъ,
Одинъ въ изгнаніи, одинъ съ моей тоскою,
Бесѣдую въ ночи съ задумчивой луною!

Когда вечерній лучь потухнетъ средь морей,
И ночь, угрюмая владычица тѣней,
Сойдетъ съ высокихъ горъ, съ отрадной тишиною;
Орашай острый плугъ увозитъ за собою,
И медленной стопой идя подъ отчій кровъ,
Поетъ простую пѣснь — въ забвенье всѣхъ трудовъ! —

Ло { Супруга, рай дѣй оправя, встрѣчаетъ
И трапезу семьей охотно предлагаетъ

Въ тѣни домашнихъ Ларъ, и всюду сынъ послушный,
Съ отцомъ и матерью вкушаетъ пиръ радушный:
Онъ счастливъ; я одинъ тоской усыновленъ,
Грущу и день и ночь среди безмолвныхъ стѣнъ!—

Лишь мѣсяцъ сквозь туманъ багряный ликъ успавшій
Въ недвижныя моря; пастухъ поля оставитъ,
Проснится съ нивами, съ дубравой и ручьемъ,
И гибкою лозой спада погонитъ въ домъ. —
Игралище вѣтровъ среди пучины пѣнной
И ты, рыбарь, спѣшишь на брегъ уединенной!
Тамъ сѣти преклонивъ ко уплой ладіѣ,
(Вотъ все отъ грозныхъ бурь убѣжище твое!)
При блескѣ молніи, при шумѣ непогоды
Заснулъ... и счастливъ ты, угрюмый сынъ природы!

Но се блѣднѣетъ тамъ багряный небосклонъ
И медленной стопой идутъ волы въ загонъ
Съ холмовъ и пажитей, туманомъ орошенныхъ.
О пѣснопѣній матерь! въ вертепахъ отдаленныхъ,
Въ изгнаньи горестномъ утѣха дней моихъ...
О лира!—возбуди бряцаньемъ струнъ златыхъ
И холмы спящіе и кипарисны рощи,
Гдѣ я, печали сынъ, среди глубокой нощи,
Объятый трепетомъ, склонился на гранитъ:
И надо мною тѣнь Лауры пролетитъ!—

ЭЛЕГІЯ.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю — но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ спалъ подъ холодомъ годовъ;
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить, душа не знаетъ спройныхъ словъ,
И какъ молчать объ нихъ, не знаю.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЭЛЕГІИ (*).

. . . . . .

О! пока безцѣнна младость
Не умчалася спрѣлой,
Пей изъ чаши полной радость,
И сливая голосъ свой
Въ часъ вечерній съ тихой люпней,
Славь безпечность и любовь!
А когда въ сѣни пріютной
Мы услышимъ смерти зовъ,
То какъ лозы винограда
Обвиваютъ тонкій вязъ,
Такъ меня, моя отрада,
Обними въ послѣдній часъ!
Такъ лилейными руками
Цѣпью нѣжною обвей,
Съедини уста съ устами,
Душу въ пламени излей!
И тогда пропой безвѣстной,
Долу, къ тихимъ берегамъ,
Самъ онъ, богъ любви прелестной,
Проведетъ насъ по цвѣтамъ—

(*) Начала сей піэсы не отыскано.

Въ шопъ Элизей, гдѣ все шаетъ
Чувствомъ нѣги и любви;
Гдѣ любовникъ воскресаетъ
Съ новымъ пламенемъ въ крови;
Гдѣ, любуясь пляской Грацій,
Нимфъ сплетенныхъ въ хороводъ,
Съ Делiей своей Горацій
Гимны радости поетъ.
Тамъ, подъ тѣнью мирновъ зыбкой,
Намъ любовь сплететъ вѣнцы,
И привѣтливой улыбкой
Встрѣтятъ нѣжные пѣвцы.

ГЕЗІОДЪ и ОМИРЪ,

СОПЕРНИКИ.

Посвящено

А. Н. О.

любителю древности.

ГЕЗІОДЪ и ОМИРЪ,

СОПЕРНИКИ.

Народы, какъ волны, въ Халхиду шекли,
Народы щаспливой Еллады!
Тамъ сильный Владыка, надъ прахомъ отца
Окончя печальны обряды,
Риспалище славы бойцамъ отверзалъ.
Три раза съ румяной денницей
Бойцы выступали съ бойцами на бой;
Три раза спремили возницы
Коней легконогихъ по звонкимъ полямъ;
И прижды владѣпель Халхиды
Доспойнымъ оливны вѣнки раздавалъ.
Но солнце на лоно Ѳепиды
Склонялось, и новый готовился бой. —
Очиспиме поле, возницы!
Спѣшиме! Залейме спуденой спруей
Пылающи оси и спицы;
Коней опрѣшиме опъ пягоспныхъ узъ
И въ спойлы прохладны ведиме!
Вы, пылью и потомъ покрыпы бойцы,
При пламени свѣтломъ вздохниме!
Внемлиме народы, Еллады сыны,
Высокія пѣсни внемлиме!

Пройдя изъ края въ край госпепрiимный міръ,
Лѣпами древними и рокомъ удрученный
Здѣсь пѣсней Царь, Омиръ,
И юный Гезіодъ, Каменамъ драгоцѣнный,
Вступаютъ въ славный бой.
Колебля маслину священную рукой,
Пѣвецъ Аскреи гимнъ высокой начинаетъ:
(Онъ съ лирой никогда свой гласъ не сочетаетъ.)

Гезіодъ.

Безвѣстный юноша съ стадами я бродилъ
Подъ пѣнью пальмовой близъ чистой Ипокрены;
Тамъ пастыря нашли прелестныя Камены,
И я въ обитель ихъ священную вступилъ.

Омиръ.

Мнѣ снилось въ юности: Орелъ громомегатель
Опъ Мелеса меня играючи унесъ
На край земли, на край небесъ,
Вѣщая: ты земли и неба обладатель.

Гезіодъ.

Тамъ лавры хижину простую осѣняютъ,
Въ пустыняхъ процвѣтутъ Темпейскія долины,
Куда вы бросите свой благопворный взглядъ,
О нѣжны дочери суровой Мнемозины!

Омиръ.

Хвала отцу боговъ! Какъ ясный сводъ небесъ
Надъ царствомъ высится плачевнаго Эреба,

Какъ радостный Олимпъ стоитъ превыше неба:
Такъ выше всѣхъ боговъ — властитель ихъ, Зевесъ!..

Гезіодъ.

Въ священномъ сумракѣ, въ сіяніи Діаны,
Вы, Музы, любите сплетаться въ хороводъ,
Или торжественный въ Олимпъ свершая ходъ
Съ безсмертными вкушать напиткомъ Гебы рьяный...

Омиръ.

Не знаетъ смерти онъ: кровь алая тельцовъ
Не брызнетъ подъ ножемъ надъ Зевсовой гробницей;
И кони бурные со звонкой колесницей
Предъ ней не будутъ прахъ крутить до облаковъ.

Гезіодъ.

А мы всѣ смертные, всѣ Паркамъ обреченны,
Увидимъ области подземнаго Царя,
И рѣки спящія, Тенаромъ заключенны,
Не лыощи дань свою въ бездонныя моря.

Омиръ.

Я приближаюся къ мечтѣ сей неизбѣжной.
Внемли, о юноша! ты пѣлъ Труды и Дни...
Для старца вещаго ужь кончились они!

Гезіодъ.

Сынъ дивный Мелеса! И лебедь бѣлоснѣжной
На синемъ Спримонѣ, провидя страшный часъ,
Не слаще твоего поетъ въ послѣдній разъ!
Твой геній проницалъ въ Олимпъ: и вѣчны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги.

И что жь? Въ юдоли сей страдалецъ искони,
Ты рокомъ обреченъ въ печаляхъ кончишь дни.
Пѣвецъ божественный, скитаяся какъ нищій,
Въ печальномъ рубищѣ, безъ крова и безъ пищи,
Слѣпецъ всевидящій! ты будешь проклинать
И день, когда на свѣтъ тебя родила мать!

Омиръ.

Твой гласъ подобится амврозіи небесной
Что Геба юная сапфирной чашей льетъ.
Пѣвецъ! въ успахъ твоихъ Поэзіи прелестной
Сладчайшій Ольмія благоухаетъ медъ.
Но ... Музъ любимый жрецъ!... страшись руки злодѣйской,
Страшись любви, страшись Эвбеи береговъ;
Твой близокъ часъ: увы! тебя Зевесъ Немейской,
Какъ жертву славную, готовитъ для враговъ.

Умолкли. Облако печали
Покрыло очи ихъ ... народъ рукоплескалъ.
Но снова сладкій бой Поэты начинали.
При шумѣ радостныхъ похвалъ.
Омиръ, возвыся гласъ, воспѣлъ народовъ брани,
Народовъ гибнущихъ по прихоти Царей;
Пріама древняго съ мольбой несуща дани
Убійцѣ грозному и кровныхъ и дѣтей;
Мольбу смиренную и быструю Обиду,

Харитъ и легкихъ Оръ и страшную Эгиду,
Нептуна области, Олимпъ и дикій Адъ.
А юный Гезіодъ, взлелеянный Парнасомъ,
Съ чудесной прелестью воспѣлъ веселымъ гласомъ
Весну, роскошную сопутницу Гіадъ:
Какъ Фебъ торжественно вселенну обтекаетъ,
Какъ дни и мѣсяцы родятся въ небесахъ;
Какъ нивой золотой Церера награждаетъ
Труды годичные орашая въ поляхъ.
Забопы сладкія при сборѣ винограда,
Тебя, желанный Миръ, лелеятель долинъ,
Благословенныхъ селъ, и пастырей и стада
Онъ пѣлъ. И слабый Царь, Халхиды властелинъ,
Отъ самой юности воспитанный средь мира,
Презрѣлъ высокій гимнъ безсмертнаго Омира,
И пальму первенства сопернику вручилъ.
Щастливый Гезіодъ въ награду получилъ
За пѣсни, мирною Каменой вдохновенны,
Сосуды сребряны, треножникъ позлащенный
И чернаго овна, красу веселыхъ стадъ.
За нимъ, предъ нимъ, сыны Ахейскіе, какъ волны,
На край ристалища обширнаго спѣшатъ,
Гдѣ побѣдитель самъ, благоговѣнья полный,
При возліяніяхъ, овна младую кровь
Довременно богамъ подземнымъ посвящаетъ,
И Музамъ свѣтлые сосуды предлагаетъ,
Какъ даръ, усердный даръ пѣвца, за ихъ любовь.

*

До самой старости преслѣдуемый рокомъ,
Но духомъ царь, не рабъ разгнѣванной судьбы,
Омиръ скрывается отъ суетной толпы,
Снѣдая грусть свою въ молчаніи глубокомъ.
Рожденный въ Самосѣ убогій сирота
Слѣпца изъ края въ край, какъ сынъ усердный, водитъ;
Онъ съ нимъ пристанища въ Елладѣ не находитъ;
И гдѣ найдутъ его таланты и нищета?

КЪ ДРУГУ.

Скажи, мудрецъ младой, что прочно на земли?
Гдѣ постоянно жизни щастье?
Мы область призраковъ обманчивыхъ прошли;
Мы пили чашу сладострастья;

Но гдѣ минутный шумъ веселья и пировъ?
Въ винѣ потопленныя чаши?
Гдѣ мудрость свѣтская сіяющихъ умовъ?
Гдѣ твой Фалернъ и розы наши?

Гдѣ домъ твой, щастья домъ?... Онъ въ бурѣ бѣдъ исчезъ,
И мѣсто поросло крапивой.
Но я узналъ его: я сердца дань принесъ
На прахъ его краснорѣчивой.

На немъ, когда окрестъ замолкнетъ шумъ градской
И яркій Весперъ засіяетъ
На темномъ Сѣверѣ: твой другъ, въ тиши ночной,
Въ душѣ задумчивость питаетъ.

Опъ самой юности служитель олтарей
Богини нѣги и прохлады,
Опъ пресыщенія, опъ пламенныхъ спрастей
Я сердцу въ ней ищу опрады.

Повѣришь ли? я здѣсь, на пеплѣ храминъ сихъ,
Вѣнокъ веселія слагаю,
И часпо въ горестпи, въ волненьи чувспвъ моихъ
Потупя взоры, восклицаю:

Минупны спранники мы ходимъ по гробамъ;
Всѣ дни упрапами щипаемъ;
На крыльяхъ радоспи лепимъ къ своимъ друзьямъ,
И чпо жь? ихъ урны обнимаемъ.

Скажи, давно ли здѣсь, въ кругу пвоихъ друзей,
Сіяла Лила красопою?
Благія небеса, казалось, дали ей
Все щасцье смерпной подъ луною:

Нравъ пихій Ангела, даръ слова, понкій вкусъ,
Любви и очи и ланипы,
Чело опкрыпое одной изъ важныхъ Музъ
И прелесць — дѣвспвенной Харипы.

Ты самъ, забывъ и свѣтъ и пщетный шумъ пировъ,
Ея бесѣдой наслаждался,
И въ тихой радости, какъ пустникъ средь песковъ,
Прелестнымъ цвѣтомъ любовался.

Цвѣтокъ (увы!) исчезъ, какъ сладкая мечта!
Она, въ страданіяхъ почила,
И съ міромъ, въ страшный часъ, прощаясь навсегда...
На другѣ взоръ остановила.

Но дружба, можетъ быть, ее забыла ты!..
Веселье слезы осушило;
И тѣнь чистѣйшую дыханье клеветы
На лонѣ мира возмутило.

Такъ все здѣсь суетно въ обители суетъ!
Пріязнь и дружество непрочно! —
Но гдѣ, скажи, мой другъ, прямой сіяетъ свѣтъ?
Что вѣчно чисто, непорочно?

Напрасно вопрошалъ я опытность вѣковъ
И Кліи мрачныя скрижали;
Напрасно вопрошалъ всѣхъ міра мудрецовъ:
Они безмолвны пребывали.

Какъ въ воздухѣ перо кружится здѣсь и тамъ,
Какъ въ вихрѣ тонкій прахъ летаетъ,
Какъ судно безъ руля стремится по волнамъ
И вѣчно пристани не знаетъ:

Такъ умъ мой посреди сомнѣній погибалъ.
Всѣ жизни прелести затмились;
Мой Геній въ горести свѣтильникъ погашалъ
И Музы свѣтлыя сокрылись.

Я съ страхомъ вопросилъ гласъ совѣсти моей...
И мракъ исчезъ, прозрѣли вѣжды:
И Вѣра пролила спасительный елей
Въ лампаду чистую Надежды.

Ко гробу путь мой весь, какъ солнцемъ, озаренъ:
Ногой надежною ступаю,
И съ ризы странника свергая прахъ и плѣнъ,
Въ міръ лучшій духомъ возлетаю.

МЕЧТА.

Подруга нѣжныхъ Музъ, посланница небесъ,
Источникъ сладкихъ думъ и сердцу милыхъ слезъ,
Гдѣ ты скрываешься, Мечта, моя богиня?
Гдѣ тотъ щасливой край, та мирная пустыня,
Къ которымъ ты стремишь таинственный полетъ?
Иль дебри любишь ты, сихъ грозныхъ скалъ хребетъ,
Гдѣ вѣтръ порывистый и бури шумъ внимаешь?
Иль въ Муромскихъ лѣсахъ задумчиво блуждаешь,
Когда на западѣ зари мерцаетъ лучь
И хладная луна выходитъ изъ-за тучь?
Или, влекомая чудеснымъ обаяньемъ
Въ мѣста, гдѣ дышетъ все любви очарованьемъ,
Подъ тѣнью яворовъ ты бродишь по холмамъ,
Студеной пѣною Воклюза орошеннымъ?
Явись, богиня, мнѣ, и съ трепетомъ священнымъ
Коснуся я струнамъ,
Тобой одушевленнымъ!
Явися! ждетъ тебя задумчивый Пиитъ,
Въ безмолвіи ночномъ сѣдящій у лампады;
Явись, и дай вкусить сердечныя отрады!
Любимца твоего, любимца Аонидъ,
И горесть сладостна бываетъ:
Онъ въ горести — *мечтаетъ*.

То вдругъ онъ пренесенъ во Сельмскіе лѣса,
Гдѣ вѣтръ шумитъ, реветъ гроза,
Гдѣ тѣнь Оскарова, одѣтая туманомъ,
По небу стелется надъ пѣннымъ океаномъ;
То, съ чашей радости въ рукахъ,
Онъ съ Бардами поетъ: и мѣсяцъ въ облакахъ
И Кромлы шумный лѣсъ безмолвно имъ внимаетъ,
И эхо по горамъ пѣснь звучну повторяетъ.

Или въ полночный часъ
Онъ слышитъ Скальдовъ гласъ
Прерывистый и томный.
Зритъ: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоятъ кругомъ костровъ,
Зажженныхъ въ полѣ брани,
И древній Царь пѣвцовъ
Просперъ на арфу длани.
Могилу указавъ, гдѣ вождь героевъ спитъ:
»Чья тѣнь, чья тѣнь,« — гласитъ
Въ священномъ исступленьи, —
»Тамъ съ дѣвами плыветъ въ туманныхъ облакахъ?
Се ты, младый Иснель, иноплеменныхъ страхъ,
Днесь падшій на сраженьи!
Миръ, миръ тебѣ, герой!
Твоей сѣкирою спальной
Пришельцы гордые разбиты!
Но самъ ты палъ на грудахъ тѣлъ,

Палъ, випязь знаменитый,
Подъ тучей вражьихъ стрѣлъ!..
Ты палъ! И надъ тобой посланницы небесны,
Валкиріи прелестны,
На бѣлыхъ, какъ снѣга Біарміи, коняхъ,
Съ златыми копьями въ рукахъ,
Въ безмолвіи спустились,
Коснулись до зѣницъ копьемъ своимъ, и вновь
Глаза твои открылись:
Течетъ по жиламъ кровь
Чистѣйшаго эѳира,
И ты, безплотный духъ,
Въ страны безвѣстны міра
Летишь стрѣлой .... и вдругъ —
Открылись предъ тобой тѣ радужны чертоги,
Гдѣ уготовали для сонма храбрыхъ боги
Любовь и вѣчный пиръ. —
При шумѣ горныхъ водъ и тихострунныхъ лиръ,
Среди полянъ и свѣжихъ сѣней,
Ты будешь поражать тамъ скачущихъ еленей
И златорогихъ серн. —
Склонясь на злачный дернъ
Съ дружиною младою
Тамъ снова съ арфой золотою
Въ восторгѣ Скальдъ поетъ
О славѣ древнихъ лѣтъ,
Поетъ, и храбрыхъ очи,

Какъ звѣзды тихой ночи,
Ушѣхою блестящъ.«
Но вечеръ припекаетъ,
Часъ нѣги и прохладъ;
Гласъ Скальда замолкаетъ;
Замолкъ — и храбрыхъ сонмъ
Идетъ въ Оденовъ домъ,
Гдѣ дочери Верисны
Власы свои душисты
Раскинувъ по плечамъ,
Прелестницы младыя,
Всегда полунагія,
На пиршества гостямъ
Обильны яствы носятъ
И пить умильно просятъ
Изъ чаши сладкій медъ. —
Такъ древній Скальдъ поетъ,
Лѣсовъ и дебрей сынъ угрюмый:
Онъ щастливъ, погрузясь о щасти въ сладки думы!

О сладкая Мечта! о неба даръ благой!
Средь дебрей каменныхъ, средь ужасовъ природы,
Гдѣ плещутъ о скалы Ботническія воды,
Въ краяхъ изгнанниковъ .... я щастливъ былъ тобой;
Я щастливъ былъ, когда въ моемъ уединеньи,
Надъ кущей рыбаря, въ часъ полночи нѣмой,

Раздастся вѣпровъ свистъ и вой
И въ кровлю застучитъ и градъ и дождь осенній.
Тогда на крыліяхъ Мечты
Леталъ я въ поднебесной,
Или, забывшися на лонѣ красоты,
Я сонъ вкушалъ прелестной,
И щастливъ наяву, былъ щастливъ и въ мечтахъ!

Волшебница моя! дары твои безцѣнны
И спарцу въ лѣта охлажденны,
Съ котомкой нищему и узнику въ цѣпяхъ.
Заклепы страшные съ замками на дверяхъ,
Соломы жесткій пукъ, свѣтъ блѣдный пепелища,
Изглоданный сухарь, мышей тюремныхъ пища,
Сосуды глиняны съ водой,
Все, все украшено тобой!...
Кто сердцемъ правъ, того ты ввѣкъ не покидаешь:
За нимъ во всѣ страны летаешь,
И щастіемъ даришь любимца своего.
Пусть міромъ позабытъ! что нужды для него?
Но съ нимъ задумчивость, въ день пасмурный, осенній,
На мирномъ ложѣ сна,
Въ уединенной сѣни,
Бесѣдуетъ одна.
О, тайныхъ слезъ неизъяснима сладость
Что предъ тобой сердецъ холодныхъ радость,

Веселій шумъ и блескъ честѝй
Тому, кто ничего не ищетъ подъ луною;
Тому, кто сопряженъ душою
Съ могилою давно утраченныхъ друзей!

Кто въ жизни не любилъ?
Кто разъ не забывался,
Любя мечтамъ не предавался,
И щастья въ нихъ не находилъ?
Кто въ часъ глубокой ночи,
Когда невольно сонъ смыкаетъ томны очи,
Всю сладость не вкусилъ обманчивой Мечты?
Теперь, любовникъ, ты
На ложѣ роскоши съ подругой боязливой,
Ей шепчешь о любви и пламенной рукой
Снимаешь со груди ея покровъ стыдливой;
Теперь блаженствуешь, и щастливъ ты — Мечтой!
Ночь сладострастія тебѣ даетъ призраки,
И нектаромъ любви кропитъ лѣнивы маки.

Мечтаніе — душа Поэтовъ и стиховъ.
И ѣдкость сильная вѣковъ
Не можетъ прелестей лишить Анакреона;
Любовь еще горитъ во пламенныхъ мечтахъ
Любовницы Фаона;
А ты, лежащій на цвѣтахъ
Межъ Нимфъ и сельскихъ Грацій,

Пѣвецъ веселія, Горацій!
Ты сладостно мечталъ,
Мечталъ среди пировъ и шумныхъ и веселыхъ,
И смерть угрюмую цвѣтами увѣнчалъ!
Какъ часто въ Тибурѣ, въ сихъ рощахъ успарѣлыхъ,
На скатѣ бархатныхъ луговъ,
Въ щастливомъ Тибурѣ, въ пивоемъ уединеньи,
Ты ждалъ Глицерію, и въ сладостномъ забвеньи,
Томимый нѣгою на ложѣ изъ цвѣтовъ,
При воскуреніи мастикъ благоуханныхъ,
При пляскѣ Нимфъ вѣнчанныхъ,
Сплетенныхъ въ хороводъ,
При отдаленномъ шумѣ
Въ лугахъ журчащихъ водъ,
Безмолвенъ въ сладкой думѣ
Мечталъ... и вдругъ, Мечтой
Воспорженъ сладострастной,
У ногъ Глицеріи спыдливой и прекрасной
Побѣду пѣлъ любви
Надъ юностью безпечной,
И первый жаръ въ крови
И первый вздохъ сердечной,
Щастливецъ! воспѣвалъ
Циперскія забавы,
И всѣ заботы славы
Ты въ тралъ отдавалъ!

Ужели въ испинахъ печальныхъ
Угрюмыхъ Спиноковъ и скучныхъ мудрецовъ,
Сидящихъ въ плапьяхъ погребальныхъ
Между обломковъ и гробовъ,
Найдемъ мы жизни нашей сладость? —
Опъ нихъ, я вижу, радость
Лепипъ, какъ бабочка опъ шерновыхъ кустовъ;
Для нихъ нѣпъ прелести и въ прелестяхъ природы;
Имъ дѣвы не поютъ, сплетяся въ хороводы;
Для нихъ, какъ для слѣпцовъ,
Весна безъ радости и лѣто безъ цвѣтовъ...
Увы! но съ юностью исчезнутъ и мечтанья,
Исчезнутъ Граціи лобызанья,
Надежда измѣнитъ, и рой крылатыхъ сновъ.
Увы! тамъ нѣтъ уже цвѣтовъ,
Гдѣ тусклый опытность свѣтильникъ зажигаетъ,
И время старости могилу опкрываетъ.

Но ты — пребудь вѣрна, живи еще со мной!
Ни свѣтъ, ни славы блескъ пустой,
Ничто даровъ твоихъ для сердца не замѣнитъ!
Пусть дорого глупецъ суетъ блистанье цѣнитъ,
Лобзая прахъ златый у мраморныхъ палатъ; —
Но я и щастливъ и богатъ,
Когда снискалъ себѣ свободу и спокойство,
А опъ суетъ ушелъ забвенія тропой!
Пусть будетъ навсегда со мной

Завидное Поэтовъ свойство:
Блаженство находишь въ убожествѣ, Мечтой!
Ихъ сердцу малость драгоцѣнна.
Какъ пчелка, медомъ опягченна,
Летаетъ съ правки на цвѣточекъ,
Щипая моремъ — ручеекъ;
Такъ хижину свою Поэтъ дворцомъ щитаетъ,
И щастливъ — *онъ мечтаетъ!*

КЪ ТАССУ.[1]

Позволь, священна пѣнь! безвѣстному пѣвцу
Коснуться къ твоему безсмертному вѣнцу,
И сладость пѣнія твоей Авзонской Музы,
Достойной береговъ прозрачной Аретузы,
Рукою слабою на лирѣ повторить
И новымъ языкомъ съ тобою говорить.[2]
Среди Элизія, близъ древняго Омира,
Почіетъ пѣнь твоя, и Аполлона лира
Еще согласьемъ духъ Поэта веселитъ!
Рѣка забвенія и пламенный Коцитъ
Тебя съ любовницей, о Тассъ, не разлучили![3]
Въ Элизіи теперь васъ Музы съединили:
Печалей нѣтъ для васъ, и скорбь пропекшихъ дней,
Какъ сладостну мечту, объемлетъ душей...

Торкватто! Кто испилъ всѣ горькія отравы
Печалей и любви, и въ храмъ безсмертной славы,
Ведомый Музами, въ дни юности проникъ,
Тотъ преждевременно несчастливъ и великъ.[4]
Ты пѣлъ — и весь Парнассъ въ восторгѣ пробудился,
Въ Феррару съ Музами Фебъ юный ниспустился;

1) Сія поэмія предположено было напечатать в полном виде, а отрывки оставлены во Фрагментах.
2) Должно до сих пор у нас книг перевод Тассовых творений в стихах.
3) Торкватто был очень влюблен в сестру, Леонору, любимицу Сигнора Альфонса, которая умерла.

Назонову тебѣ онъ лиру самъ вручилъ
И геній крыльями безсмертья осѣнилъ.
Воспѣлъ ты бурну брань, и блѣдны Эвмениды
Всѣхъ ужасовъ войны открыли мрачны виды:
Бѣгутъ среди полей и топчутъ знамена;
Свѣтильникомъ вражды ихъ ярость ражжена,
Власы распрепаны и ризы обагренны!...
Я самъ среди смертей ... и Марсъ со мною мѣдный...

Но ужасы войны, мечей и копій звукъ
И глаеы Марсовы... какъ сонъ исчезли вдругъ!
Я слышу въ далекѣ пастушечьи свирѣли
И чувствія душой иныя овладѣли.
Нѣтъ болѣе вражды, и богъ любви младой
Спокойно спитъ въ цвѣтахъ подъ мирною густой.
Онъ всталъ, и мечь опять въ рукѣ твоей блистаетъ!

Какой Протей тебя, Торквато, премѣняетъ?
Какой чудесной богъ чрезъ дивныя мечты
Разсѣялъ мрачныя и нѣжны красоты? —
То скиптръ въ его рукахъ, или перунъ зажженный,
То розы юныя Кипридѣ посвященны,
Иль факелъ Эвменидъ, иль лукъ злапой любви;
Въ глазахъ его любовь — вражда въ его крови.
Летитъ — и я за нимъ лечу въ предѣлы міра,
То въ адъ, то на Олимпъ! У древняго Омира

Такъ шагъ одинъ творилъ огромный богъ морей
И досягалъ другимъ краевъ подлунной всей.

Армиды чарами средь моря сотворенной,
Здѣсь тѣнью мирновой въ долинѣ осѣненной,
Ринальдъ, младой герой, забывъ воинской гласъ,
Вкушаетъ прелести любови и заразъ...
А тамъ что зрятъ мои обвороженны очи?..
Близъ стана воинска, подъ кровомъ черной ночи,
При заревѣ бойницъ, пылающихъ огнемъ,
Два грозныхъ воина, вооружась мечемъ,
Неистовой рукой струятъ потоки крови —
О, жертва ярости и плачущей любови!...
Постойте воины!... Увы!... одинъ падетъ...
Танкредъ въ врагѣ своемъ Клоринду узнаетъ
И моремъ слезъ теперь онъ платитъ, дерзновенной,
За каплю каждую сей крови драгоцѣнной.[5]

Чтожь было для тебя наградою, Торкватъ,
За пѣсни стройныя? — Зоиловъ острый ядъ,
Притворная хвала и ласки царедворцевъ,
Отрава для души и самыхъ стихотворцевъ.
Любовь жестокая, источникъ золъ твоихъ,
Явилася тебѣ среди палатъ златыхъ, —
И ты изъ рукъ ея взялъ чашу ядовиту,
Цвѣтами юными и розами увиту;

5) Gli occhi tuoi piangeran..
Di quel sangue ogni stilla un mar di pianto
La Gerusalemme, canto XII.

Испилъ ... и упоенъ любовною мечтой
И лиру и себя повергъ предъ красотой.
Но радость наша — ложь; но счастіе — крылато;
Завѣса раздрана! — Ты узникъ сталъ, Торкватo!
Въ темницу мрачную ты брошенъ какъ злодѣй,
Лишенъ и вольности и Фебовыхъ лучей. —
Печаль глубокая Поэтовъ духъ сразила,
Исчезъ талантъ его и творческая сила,
И разумъ весь погибъ! — О вы, которыхъ ядъ
Торквату далъ вкусить мученій люпыхъ адъ,
Придите зрѣлищемъ достойнымъ веселиться
И гибелью его таланта насладиться.
Придите! Вотъ Поэтъ, превыше смертныхъ хвалъ
Который говоритъ героевъ заставлялъ,
Проникнулъ взорами въ небесные чертоги —
Въ желѣзахъ стонетъ здѣсь ... О милосерды боги!
Доколѣ жертвою, невинность, будешь ты
Безчестной зависти и адской клевепы?

Имѣло ли конецъ несчастіе Поэта? —
Желѣзною рукой печаль и быстры лѣта
Уже безвременно бѣлятъ его власы;
Въ единобразіи бѣгутъ, бѣгутъ часы;
Что день, то прежня скорбь, что ночь, — мечты
ужасны...
Смягчился наконецъ завѣтъ судьбы злосчастной:
Свободенъ сталъ Поэтъ ... и солнца лучь златой

Льешъ въ хладну кровь его опраду и покой.
Онъ можешъ опочишь на лонѣ свѣтлой славы...
Средь Капитолія, гдѣ стѣны обвешшалы
И самый прахъ еще о Римлянахъ швердишъ,
Тамъ ждешъ его шріумфъ... Увы!... шамъ смершь
споишъ...
Неумолимая берешъ вѣнокъ лавровый,
Поэша увѣнчашь изъ давныхъ лѣшъ гошовый.
Премѣна жалкая сколь радосшнаго дни!
Гдѣ знаки почесшей — шамъ смершны пелены,
Не увѣнчаніе, но лики погребальны...

Такъ кончились швои, безсмершный, дни печальны!
Нѣшъ болѣе тебя, божесшвенный Поэшъ!
Но славы Тассовой исполненъ въ вѣки свѣшъ.
Едва ли прахъ одинъ осшался древней Трои,
Не знаемъ и могилъ, гдѣ спяшъ ея герои,
Скамандръ божесшвенный верпенами шечешъ —
Но въ памяши людей Омиръ еще живешъ,
Но человѣчесшво пѣвцемъ еще гордишся,
Но міръ ему есшь храмъ... И швой не сокрушишся.

Моск. б. с. 1808 (9?) ч. VI, с. 62–67.

Пустынникъ Петръ говорилъ въ Верховномъ Совѣтѣ. Онъ предложилъ Готфреда въ вожди.

Скончалъ пустынникъ рѣчь! — Небесно вдохновенье!
Не скрыто отъ тебя сердечное движенье:
Ты въ спарцовы уста глаголъ вложило сей
И сладость онаго влило въ сердца князей;
Ты укротило въ нихъ бунтующія спрасти,
Духъ буйной вольности, любовь врожденну къ власти. —
Вильгельмъ и мудрый Гельфъ, первѣйши изъ вождей
Готфреда нарекли вождемъ самихъ царей.

*

И плески шумные избранье увѣнчали!
Ему единому, всѣ рапники вѣщали,
Ему единому вести ко славѣ насъ;
Законы пусть даетъ его единый гласъ!
Доселѣ равные, его послушны волѣ,
Подъ знаменемъ святымъ пойдемъ на бранно поле,
Поганство буйное святынѣ покоримъ.
Награда Небо намъ; умремъ иль побѣдимъ!

*

Узрѣли воины начальника избранна
И властію почли достойно увѣнчанна.
Онъ плески радостны отъ войска воспріялъ;
Но видъ величія спокойнаго являлъ.

Клялися всѣ его повиноваться волѣ.
На утро онъ велѣлъ полкамъ сбираться въ полѣ,
Чтобъ рать подъ знамена священны припекла!
И слава царское велѣнье разнесла.

*

Торжественнѣй въ сей день явилось надъ морями
Свѣтило дня, лучи льющее рѣками!
Христово воинство въ порядкѣ потекло,
И долъ обширнѣйшій строями облегло.
Развились знамена и копья заблистали;
Скользящіе лучи сталь гладку зажигали;
Но войско двигнулось — передъ вождемъ шечепъ
Тяжела конница и ей пѣхота въ слѣдъ.

*

О память свѣтлая! Тобою озаренны
Протекши времена и подвиги забвенны;
О память! Мнѣ свои хранилища открой!
Чьи рапники сіи? Кто славной ихъ герой?
Повѣждь — да слава ихъ, утраченна вѣками,
Твоими возблеститъ небренными лучами!
Увѣковѣчи пѣснь нетлѣніемъ своимъ,
И время сокрушитъ желѣзо передъ нимъ.

*

Явились первые неустрашимы Галлы,
Ихъ грудь облечена въ сліянные металлы;
Оружіе звѣнитъ тяжелое въ рукахъ.

Гугъ, царскій брашъ, сперва былъ вождемъ въ сихъ полкахъ;
Онъ умеръ, и хоругвь трехъ лилій благородныхъ
Не въ длани перешла ея царей природныхъ,
Но къ мужу славному по доблести своей:
Клопарій избранъ былъ въ преемники царей.

*

Счастливой Иль де Франсъ, обильной, многоводной,
Вождя и рапниковъ страною былъ природной.
Нормандцы грозные текутъ симъ войскамъ въ слѣдъ,
Робертъ, ихъ кровный царь, ко брани днесь ведетъ.
На Галловъ сходствуетъ оружье ихъ и нравы;
Какъ Галлы, не щадятъ себя для царской славы.
Вильгельмъ и Адемаръ ихъ войски въ брань ведутъ,
Народовъ пастыри за Веру кровь льютъ.

*

Кадильницу они съ булатомъ сочетали
И длинные власы шеломами вѣнчали.
Святое рвеніе! — Ихъ мѣткая рука
Умѣетъ поражать враговъ изъ-далека.
Четыреста мужамъ, въ Орангіи рожденнымъ,
Вильгельмъ предшествуетъ со знаменемъ священнымъ;
Но равное число идетъ изъ Пуйскихъ спѣнъ,
И Адемаръ вождемъ той рати нареченъ.

*

Се идетъ Бодоинъ съ Болонцами своими!
Покрыты чела ихъ шеломами златыми.
Гонфреда воины за ними въ слѣдъ идутъ,
Вождемъ своимъ теперь царева брата чтутъ.
Корнутскій Графъ потомъ, вождь мудростии избранный,
Четыреста мужей ведетъ на подвигъ бранной,
Но прижды всадниковъ толикое число
Подъ Бодоиновы знамена притекло.

*

Гелфъ славный возлѣ нихъ покрылъ полками поле;
Гелфъ славенъ счастіемъ, но мудростію болѣ.
Изъ дома Эстскаго сей випязь родился,
Воспринятъ Гелфомъ былъ и Гелфомъ назвался;
Коринтіей теперь богатой обладаетъ
И власть на ближнія долины простираетъ,
По коимъ катитъ Рейнъ свой сребренной кристаллъ:
Свевъ дикій искони тамъ въ дѣтствѣ обиталъ.

N. N. N.
(городовой поэт)
Др. В. (1808–9?) ч. VI, с. 68–72.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ШИЛЛЕРОВОЙ ТРАГЕДІИ.

Д. ИЗАБЕЛЛА, ДОНЪ ЭММАНУИЛЪ И ДОНЪ ЦЕЗАРЬ (*Ея дѣти*).

Д. ИЗАБЕЛЛА (*выступая съ сынами*).

Приникни съ горней высоты,
Заступница печальныхъ смертныхъ,
И сердце удержи мое
Въ границахъ должнаго смиренья!
Я матерь: въ радости могу,
Взирая на сыновъ, забыться
И — жертвой гордости упасть.
Ахъ! въ первый жизни разъ
Ихъ совокупно обнимаю;
До сей минуты вожделѣнной
Таила въ сердцѣ глубоко
Горячность вѣчную къ сынамъ,
Равно для матери безцѣннымъ!
Въ объятьяхъ одного, другой
Мнѣ долженъ былъ казаться мертвымъ;
Два сына мнѣ дала судьба,
Но сердце, ихъ любитъ, одно.

Ахъ! дѣти, молвите: могу ли
Васъ обоихъ равно обнять,
Въ восторгахъ радости безмѣрной?

(*къ Д. Эммануилу.*)

Не раню ль ревность я твою,
Сжимая Цезареву руку?

(*къ Д. Цезарю.*)

Скажи: обидѣли ль тебя
Любви моей ко брату знаки?
Я трепещу: моя любовь
Въ васъ злобы пламень раздуваетъ!
Чего мнѣ ждать? Вѣщайте, дѣти:
Съ какою мыслію спеклись?
Иль древняя вражда воспрянетъ,
Непримиримая, и здѣсь,
Въ дому родителей священномъ?
Или за прагомъ, мечь и ножъ
И гнѣвъ, скрежещущій зубами,
Васъ ожидаютъ, несчастливцы?
Что шагъ — то новы преступленья!

Хоръ.

Миръ, или злоба! жребій не вынутъ;
Скрыто глубоко, что будетъ, онъ насъ:
Мечь, иль оливу братья отринутъ:
Мы не трепещемъ и станемъ за васъ!

Д. Изабелла.

Какія злобны восклицанья!
Что мужи бранные хотятъ?
Или войну готовятъ здѣсь
У олтарей госпепріимныхъ?
Къ чему мечи, когда съ любовью
Здѣсь матерь обняла дѣтей?
Или въ объятіяхъ ея
Страшитесь адскія измѣны
И змій предателей?... Враги —
Такъ! не друзья толпы наемныхъ,
Слѣпые слуги мести вашей,
Раздоръ несущи по слѣдамъ!
Нѣтъ! не друзья! не вѣрьте имъ:
Не молвятъ добраго совѣта!
Одна боязнь и вѣчный страхъ
Куютъ имъ рабольпны руки,
Всегда готовыя на зло.
Вы научитесь, дѣти, знать
Сей родъ и низкій и строптивый:
Онъ кровожадный власти червь,
Онъ силы тайный похититель!
О дѣти! сколь опасенъ міръ:
Онъ полонъ лести и лукавства!
Какія узы прочны здѣсь?
Гдѣ постоянны человѣки,
Поклонники корысти бренной?

Природа лишь одна вѣрна
На якорѣ своемъ неплѣнномъ,
И счастливъ тотъ, кому даетъ
Сопутникомъ въ сей жизни брата!

Хоръ.

Други! вѣщала вамъ правду она!
Ей вся открыта сердецъ глубина;
Мы же, какъ снасти лишенные челны,
Летимъ на погибель въ житейскія волны!

Д. Изабелла. *(Къ Д. Цезарю.)*

О, ты прижавшій мечь во длани,
Склонившій ницъ ревнивый взоръ!
Воззри окрестъ и будь судья:
Кто брату красотой подобенъ?

(Къ Д. Эммануилу.)

Отвѣтствуй мнѣ: изъ сей толпы
Кто Цезаря затмитъ красою?
Вы оба, юноши, равно
Надѣлены рукой природы.
Молю: воззрите на себя,
Увѣрьтесь въ истинѣ очами;
Изъ тысячи твоя рука,
Его, какъ друга бы прижала
И братомъ сердце нарекло.
О ослѣпленіе страстей!
Плодъ ревности и злости адской!

Когда судьбина въ колыбели
Другъ другомъ надѣлила васъ,
Забывъ родства и крови узы,
Въ кипящихъ, какъ волканъ, страстяхъ,
Къ ногамъ повергнувъ даръ природы,
Клевретовъ — нарекли друзьями,
Врагамъ — любовью поклялись!

Д. Эммануилъ.

О, выслушай меня!

Д. Цезарь.

(*Вступая въ рѣчь*) Дай слово
Мнѣ молвить, маперь...

Д. Изабелла.

Нѣтъ!
Слова неукротятъ вражды:
Здѣсь месть съ обидою взаимны,
Здѣсь ненависть таится глубоко.
Кто знаетъ: гдѣ огонь сей адскій,
Объявшій пламенемъ сердца,
Огонь ужасный, сокровенный,
Одѣтый лавой древнихъ дней?
Обида въ юной жизни здѣсь
Растетъ, мужаетъ безпрестанно,
И — мужъ за юношу, намъ врагъ!
Увы! отъ младости безумной
Вы братья дышете на зло;

Лѣпа-бъ должны обезоружить
Враждующихъ. Воззрите вспять:
Гдѣ ненависти первой сѣмя?
Среди гремушекъ, дѣтскихъ игръ,
И лепетанія младенцевъ:
Тамъ зла виновное начало,
Тамъ горести источникъ вѣчный!
Но устыдитеся; вы мужи!

(Беретъ обоихъ за руки.)

Желанный мною часъ насталъ!
Сойдитесь, милые! рѣшитесь
Вины взаимныя забыть!
Въ душѣ великой, благородной,
Прощенье выше всѣхъ побѣдъ!
Въ могилу древняго отца
Повергните вражды эхидну,
Гоповую известь безумныхъ.
Любви и миру дайте жизнь
И обновитеся сердцами;

(Отступаетъ шагъ назадъ, какъ будто желая дать мѣсто братьямъ приближиться взаимно; но они оба неподвижны, взоры ихъ устремлены въ землю.)

Хоръ.

Братья! почтите матери волю:
Слово святое вамъ зарекла:
Кончить годину мести и зла.

Брапья! иль снова къ рапному полю?
Слѣпо мы дѣлимъ ваши судьбы;
Вы власпелины; мы же рабы.

Изабелла.

(Въ молчаніи нѣсколько минутъ напрасно ожидая примиренія братьевъ, говоритъ съ чувствомъ глубокой горести.)

Довольно! силу словъ
И заклинаній испощила!
Въ могилѣ шопъ, кпо могъ владѣпь
Спроппивыми сыновъ сердцами.
Чпо я? увы! печальная вдова...
Мой гласъ — безсильный гласъ молипвы!
Довольно! полная свобода:
Опдайпесь демону вражды
На гнѣвъ, на новыя обиды!
Чего спыдипься вамъ? жены,
Сихъ спѣнъ, сихъ алпарей безмолвныхъ?
Подъ сѣнью ихъ, гдѣ ваши колыбели
На радоспь нѣкогда спояли,
Брапоубійспвомъ осквернипесь,
Облейпесь кровію своей,
И грудь на грудь, въ неисповомъ пылу,
Какъ Полиникъ, какъ Эпеоклъ прокляпый,
Другъ друга задушипе вы,
Въ объяпіяхъ доспойныхъ ада (*)....

(*) Здѣсь нѣсколько спиховъ недосшасшъ.

Хоръ.

О ужасъ! что матерь вамъ здѣсь зарекла!
Годину печали, тревоги и зла,
А въ жизни грядущей и скрежетъ и муки!
Да будутъ же чисты отъ гибели руки,
Да съ миромъ васъ приметъ родимелей домъ!
Смиритесь, о братья! есть на небѣ громъ!

Д. Цезарь. (*Не смотря на брата.*)

Ты старшій братъ: начни же рѣчь —
Я отвѣчать тебѣ готовъ.

Д. Эммануилъ. (*Въ подобномъ положеніи.*)

Самъ молви ласковое слово!
Ты младшій: дай любви примѣръ.

Д. Цезарь.

Не потому, что я виновенъ,
Иль брата старшаго слабѣй?

Д. Эммануилъ.

Всѣмъ доблестнѣ рыцаря извѣстна:
Ты скроменъ, слѣдственно, не слабъ.

Д. Цезарь.

Или такъ мыслишь ты о братѣ
Во истину?

Д. Эммануилъ.

Не знаю лжи;
Какъ ты, душою выше чванства.

Д. Цезарь.

Презрѣнья не могу снесши;
Но ты, въ пылу жестокой распри
О брашѣ низко не вѣщалъ!

Д. Эммануилъ.

Моей ты смерти не алкалъ;
Я знаю: ты казнилъ монаха,
Что мнѣ готовилъ тайно ядъ.

Д. Цезарь.

О! еслибъ брата прежде зналъ!
Что было.... вѣрно бъ не случилось.

Д. Эммануилъ.

Не зная сердца твоего,
Я матерь горестно обидѣлъ.

Д. Цезарь.

Ты мнѣ жестокимъ былъ описанъ.

Д. Эммануилъ.

Несчастіе Князей, клеврепы,
Владѣютъ тайно ихъ душой!

Д. Цезарь (*быстро*).

Всему виновники они....

Д. Эммануилъ.

Два сердца разлучивши злобой....

Д. Цезарь.

Навѣтомъ, хитрой клеветой....

Д. Эммануилъ.

И ядомъ лести и коварства....

*

Д. Цезарь.

Пищая яростную рану....

Д. Эммануилъ.

Насъ сдѣлали рабами ихъ....

Д. Цезарь.

Игралищемъ спрасшей чужихъ. —

Д. Эммануилъ.

Такъ, правда! чуждый другъ невѣренъ!

Д. Цезарь.

Опасный: матерь намъ вѣщала. —

Д. Эммануилъ.

Такъ дай же руку, милый брашъ!

Д. Цезарь.

Она швоя на вѣки, брашъ!

Д. Эммануилъ.

Чѣмъ болѣ на шебя смошрю,
Тѣмъ болѣ, съ сладкимъ удивленьемъ,
Срѣшаю машери черпы....

Д. Цезарь.

Вглядись: какъ сходенъ шы со мной —
Безцѣнное для брапа сходспво!

Д. Эммануилъ.

Ты ль это брашъ? швои ли рѣчи
И ласки къ младшему, скажи?

Д. Цезарь.

Ты ль это, юноша прелесшный,
Сшоль злобный нѣкогда мнѣ врагъ?

Д. Эммануилъ.

Какъ права, пребуя коней
Изъ славнаго отца наслѣдства,
Ты рыцаря прислалъ за ними
И я далъ рыцарю отказъ.

Д. Цезарь.

Они твои: не мыслю болѣ...

Д. Эммануилъ.

Нѣтъ! нѣтъ! твои — и колесница:
Прими, какъ брата первый даръ!

Д. Цезарь.

Приму; но ты сей твердый замокъ,
Воздвигнутый надъ моремъ шумнымъ,
(Вражды источникъ обоюдный)
Прими, какъ дань любви моей!

Д. Эммануилъ.

Я не приму, но вмѣстѣ тамъ,
Какъ братья, станемъ жить отнынѣ!

Д. Цезарь.

Ты правъ: къ чему добромъ дѣлиться,
Когда два сердца за одно?

Д. Эммануилъ.

Союзомъ будемъ мы сильнѣе;
Противъ враговъ, противъ судьбины
Намъ дружба неизмѣнный щитъ!

Д. Цезарь.

Отнынѣ мой ты сталъ на вѣки!

Хоръ.

Но что мы, клеврепы, споимъ въ непріязни?
Примѣры благіе даютъ намъ Князья:
Сомкнемъ же десницы безъ низкой боязни
И будемъ опнынѣ на вѣки друзья!

БЕСѢДКА МУЗЪ.

Подъ тѣнію черемухи млечной
И золотомъ блистающихъ акацій
Спѣшу возстановить олтарь и Музъ и Грацій,
Сопутницъ жизни молодой.

Спѣшу принесть цвѣты и ульевъ сотъ янтарный
И нѣжны первенцы полей:
Да будетъ сладокъ имъ сей даръ любви моей
И гимнъ Поэта благодарный!

Не злата молитъ онъ у жертвенника Музъ:
Онѣ съ Фортуною не дружны.
Ихъ крѣпче съ бѣдностью заботливой союзъ,
И болѣ въ шалашѣ, чѣмъ въ теремѣ досужны.

Не молитъ Славы онъ сіяющихъ даровъ:
Увы! талантъ его ничтоженъ.
Ему отважный путь за стаею орловъ
Какъ пчелкѣ, не возможенъ.

Онъ молитъ Музъ, душѣ успалой опъ суетъ
Отдашь любовь упраченну къ искусствамъ,
Веселость ясную первоначальныхъ лѣтъ
И свѣжесть — вянущимъ безпрестанно чувствамъ.

Пускай заботъ свинцовый грузъ
Въ рѣкѣ забвенія потонетъ,
И время жадное въ сей тайной сѣни Музъ
Любимца ихъ не тронетъ:

Пускай и въ сѣдинахъ, но съ бодрою душой,
Безпеченъ, какъ дитя всегда безпечныхъ Грацій,
Онъ нѣкогда придетъ вздохнуть въ сѣни густой
Своихъ черемухъ и акацій.

ПОСЛАНІЯ.

RINALDO

КАРАМЗИНУ.

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ,
Отецъ Исторіи чипалъ,
Какъ Грекъ разилъ вождей Азійскихъ,
И силы гордыхъ сокрушилъ —
Народъ, любитель громкой славы,
Забывъ ристанья и забавы,
Споялъ, и весь вниманье былъ.

Но въ сей толпѣ многонародной,
Какъ старца слушалъ Ѳукидидъ,
Любимый опрокъ Аонидъ,
Надежда крови благородной!
Съ какою жаждой онъ внималъ
Отцевъ дѣянья знамениты,
И на горящія ланиты
Какія слезы проливалъ!

И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою чипалъ,

И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ, сладкомъ умиленьи.
Пускай таланта не мой удѣлъ,
Но я для Музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ прекрасное, и съ жаромъ
Твой геній чувствованья умѣлъ.

МОИ ПЕНАТЫ.

Посланіе къ Ж. и В.

Отечески Пенаты,
О пѣстуны мои!
Вы златомъ не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Гдѣ васъ, на новосельи,
Смиренно здѣсь и тамъ
Разставилъ по угламъ;
Гдѣ странникъ я бездомный,
Всегда въ желаньяхъ скромный,
Сыскалъ себѣ пріютъ.
О боги! будьте тутъ
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный ѳиміамъ
Поэтъ приноситъ вамъ;
Но слезы умиленья,
Но сердца тихій жаръ,
И сладки пѣснопѣнья,
Богинь Пермесскихъ даръ!

О Лары! ужившесь
Въ обители моей,
Поэту улыбнешесь —
И будешъ щастливъ въ ней!...
Въ сей хижинѣ убогой
Стоишъ передъ окномъ
Сполъ вешхой и треногой
Съ изорваннымъ сукномъ.
Въ углу, свидѣшель славы
И суешы мірской,
Висишъ полузаржавый
Мечь прадѣдовъ шупой;
Здѣсь книги выписныя,
Тамъ жесшкая посшель —
Все ушвари просшыя,
Все рухлая скудель!
Скудель!... но мнѣ дороже,
Чѣмъ бархашное ложе
И вазы богачей!...

Ошеческіе боги!
Да къ хижинѣ моей
Не сыщешъ ввѣкъ дороги
Богашешво съ суешой,
Съ наемною душой
Развращные щаспливцы,
Придворные друзья

И блѣдны горделивцы,
Надутые Князья!
Но ты, о мой убогой
Калека и слѣпой,
Идя путемъ-дорогой
Съ смиренною клюкой,
Ты смѣло поспучися,
О воинъ, у меня;
Войди и обсушися
У яркаго огня.
О старецъ, убѣленный
Годами и трудомъ,
Трикраты уязвленный
На приступѣ штыкомъ!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про вишязя съ нагайкой,
Что въ жупелъ и въ огни
Леталъ передъ полками,
Какъ вихорь на поляхъ,
И вкругъ его рядами
Враги ложились въ прахъ!...
И ты, моя Лилета,
Въ смиренной уголокъ
Приди подъ вечерокъ
Тайкомъ переодѣта!
Подъ шляпою мужской

И кудри золотыя
И очи голубыя,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащъ широкой,
Мечемъ вооружись
И въ полночи глубокой
Внезапно поспучись...
Вошла — нарядъ военный
Упалъ къ ея ногамъ,
И кудри распущенны
Взвѣваютъ по плечамъ,
И грудь ея открылась
Съ лилейной бѣлизной:
Волшебница явилась
Паспушкой предо мной!
И вотъ съ улыбкой нѣжной
Садится у огня;
Рукою бѣлоснѣжной
Склонившись на меня,
И алыми устами,
Какъ вѣперъ межь листами,
Мнѣ шепчетъ: »я твоя,
Твоя, мой другъ сердечной!...«
Блаженъ, въ сѣни безпечной
Кто милою своей,
Подъ кровомъ отъ ненастья,
На ложѣ сладострастья,

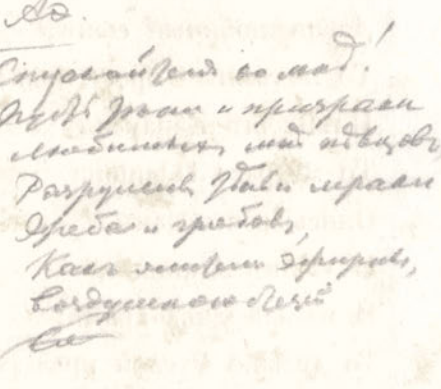
До утреннихъ лучей
Спокойно обладаешь,
Спокойно засыпаешь
Близъ друга сладкимъ сномъ!...

Уже попухли звѣзды
Въ сіяніи дневномъ,
И пташки теплы гнѣзды,
Что свипы надъ окномъ,
Щебеча покидаютъ
И нѣгу отрясаютъ
Со крылышекъ своихъ;
Зефиръ листы колышетъ
И все любовью дышетъ
Среди полей моихъ;
Все съ утромъ оживаетъ,
А Лила почиваетъ
На ложѣ изъ цвѣтовъ...
И вѣтеръ тиховѣйной
Съ груди ея лилейной
Сдулъ дымчатой покровъ....
И въ локоны златые
Двѣ розы молодыя
Съ нарциссами вплелись;
Сквозь тонкія преграды
Нога ища прохлады,
Скользитъ по ложу внизъ...

Я Лилы пью дыханье
На пламенныхъ устахъ,
Какъ розъ благоуханье,
Какъ нектаръ на пирахъ!..
Покойся, другъ прелестной,
Въ объятіяхъ моихъ!
Пускай въ странѣ безвѣстной,
Въ тѣни лѣсовъ густыхъ,
Богинею слѣпою
Забытъ я отъ пелены:
Но дружбой и тобою
Съ избыткомъ награжденъ!
Мой вѣкъ спокоенъ, ясенъ;
Въ убожествѣ съ тобой
Мнѣ милъ шалашъ простой;
Безъ злата милъ и красенъ
Лишь прелестью твоей!

Безъ злата и чести
Доступенъ добрый Геній
Поэзіи святой,
И часто, въ мирной сѣни,
Бесѣдуетъ со мной.
Небесно вдохновенье,
Порывъ крылатыхъ думъ!
(Когда страстей волненье
Уснетъ... и свѣтлый умъ

Летая въ поднебесной,
Земныхъ свободенъ узъ,
Въ Аоніи прелестной
Срѣтаешъ хоры Музъ)
Небесно вдохновенье!
За чѣмъ летишь спрѣлой,
И сердца упоенье
Уносишь за собой? —
До розовой денницы
Въ опрадной тишинѣ,
Парнасскія царицы,
Подруги будьте мнѣ!
Пускай веселы пѣни
Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
Оставя тайны сѣни
Спигійскихъ береговъ,
Иль области эѳирны,
Воздушною толпой
Слетятъ на голосъ лирный
Бесѣдовать со мной!...
И мертвые съ живыми
Вступили въ хоръ единъ!...
Что вижу? ты предъ ними,
Парнасскій исполинъ,
Пѣвецъ Героевъ, славы,
Въ слѣдъ вихрямъ и громамъ,
Нашъ лебедь величавый,

*

Плывешь по небесамъ.
Въ полѣ и Музъ и Грацій,
То съ лирой, то съ трубой,
Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій,
Сливаешъ голосъ свой.
Онъ громокъ, быстръ и силенъ,
Какъ Суна средь степей,
И нѣженъ, тихъ, уменъ,
Какъ вешній соловей. (*)
Фантазіи небесной
Давно любимый сынъ,
То повѣстью прелестной
Плѣняетъ Карамзинъ;
То мудраго Платона
Описываетъ намъ,
И ужинъ Агаѳона,
И наслажденья храмъ;
То древню Русь и нравы
Владиміра времянъ,
И въ колыбели Славы
Рожденіе Славянъ.
За ними Сильфъ прекрасной,
Воспитанникъ Харишъ,
На цитрѣ сладкогласной
О Душенькѣ бренчитъ;
Мелецкаго съ собою
Улыбкою зоветъ,

(*) Отн. к. Карамзину. Сн. Сд. Ура I, 459. Суна см. 16. и 806.

И съ нимъ, рука съ рукою,
Гимнъ радости поетъ!...
Съ Эротами играя,
Философъ и Пиитъ,
Близъ Федра и Пильная
Тамъ Дмитріевъ сидитъ;
Бесѣдуя съ звѣрями
Какъ щастливый дитя,
Парнасскими цвѣтами
Скрылъ истину шутя.
За нимъ въ часы свободы
Поютъ среди пѣвцовъ
Два баловня природы,
Хемницеръ и Крыловъ.
Наставники - Пииты,
О Фебовы жрецы!
Вамъ, вамъ плетутъ Харитны
Безсмертные вѣнцы!
Я вами здѣсь вкушаю
Восторги Піеридъ,
И въ радости взываю:
О Музы! я Пиитъ!

А вы, смиренной ханы
О Лары и Пенаты!
Отъ зависти людской
Мое сокройте щастье,

Сердечно сладострастье
И нѣгу и покой!
Фортуна! прочь съ дарами
Блистательныхъ сустъ!
Спокойными очами
Смотрю на твой полетъ:
Я въ пристань опъ ненастья
Челнокъ мой проводилъ,
И васъ, любимцы щастья,
На вѣки позабылъ...
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важныхъ Музъ,
Безпечные щастливцы,
Философы-лѣнивцы,
Враги придворныхъ узъ,
Друзья мои сердечны!
Придите въ часъ безпечный
Мой домикъ навѣстить —
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Жуковскій добрый мой!
Стрѣлою мчится время,
Веселіе спрѣлой!
Позволь же дружбѣ слезы
И горесть усладить,
И щастья блеклы розы

Эропамъ оживишь,
О Вяземскій! цвѣтами
Друзей пвоихъ вѣнчай.
Даръ Вакха передъ нами:
Вотъ кубокъ — наливай!
Пипомецъ Музъ надежный,
О Аристипповъ внукъ!
Ты любишь пѣсни нѣжны
И рюмокъ звонъ и стукъ!
Въ часъ нѣги и прохлады
На ужинахъ пвоихъ
Ты любишь томны взгляды
Прелестницъ записныхъ:
И всѣ забопы славы,
Суепъ и шумъ и блажь,
За быспрый мигъ забавы
Съ поклонами ощдашь.
О! дай же пы мнѣ руку,
Товарищъ въ лѣни мой,
И мы.... попопимъ скуку
Въ сей чашѣ золотой!
Пока бѣжипъ за нами
Богъ времени сѣдой
И губипъ лугъ съ цвѣтами
Безжалоспной косой,
Мой другъ! скорѣй за щасшьемъ
Въ пупь жизни полепимъ;

Уньемся сладоспрасньемъ,
И смерпь опередимъ;
Сорвемъ цвѣпы украдкой
Подъ лезвіемъ косы,
И лѣнью жизни крапкой
Продлимъ, продлимъ часы!
Когда же Парки пощи
Нипь жизни допрядупъ,
И насъ въ обипель нощи
Ко прадѣдамъ снесупъ —
Товарищи любезны!
Не сѣпуйпе о насъ.
Къ чему рыданья слезны,
Наемныхъ ликовъ гласъ?
Къ чему сіи куренья
И колокола вой,
И помны псалмопѣнья
Надъ хладною доской?
Къ чему?... Но вы полпами
При мѣсячныхъ лучахъ
Сберипесь, и цвѣпами
Усѣйпе мирный прахъ;
Иль бросьпе на гробницы
Боговъ домашнихъ ликъ,
Двѣ чаши, двѣ цѣвницы,
Съ лиспами повиликъ:

И пушникъ угадаетъ
Безъ надписей злапыхъ,
Что прахъ шупъ почиваетъ
Щаспливцевъ молодыхъ!

ПОСЛАНІЕ

Г. В — му.

Графу Велегорскому.

О ты, владѣющій гитарой Трубадура,
Эраты голосомъ и прелестью Амура,
Воспомни, милый Графъ, щастливы времена,
Когда насъ юношей увидѣла Двина!
Когда, оповоевавъ подъ знаменемъ Беллоны,
Подъ знаменемъ Любви я началъ воевать,
И новой регламентъ и новые законы
Въ глазахъ прелестницы читать! —
Заря весны моей! тебя какъ не бывало!
Но сердце въ той странѣ съ любовью отдыхало,
Гдѣ я узналъ тебя, мой нѣжный Трубадуръ!
Обѣтованный край! гдѣ вѣтренный Амуръ
Прелестнымъ личикомъ любезный полъ даруетъ,
Подъ дымкой на груди лилеи образуетъ,
(Какими бъ и у насъ гордилась красота!)
Вливаетъ томный огнь и въ очи и въ уста,
А въ сердце юное любви прямое чувство.
Щастливыя мѣста, гдѣ нравиться искусство
Не нужно для мужей,
Сидящихъ съ трубками вкругъ угольныхъ огней,

За сыромъ выписнымъ, за Гамбургскимъ журналомъ;
Межь тѣмъ какъ жены ихъ, смѣясь подъ опаха-
ломъ,
Люблю, люблю тебя! пришельцу говорятъ,
И руку жмутъ ему коварными перстами!

О мой любезный другъ! отдай, отдай назадъ
Зарю прошедшихъ дней и съ прежними бѣдами,
Съ любовью и войной!
Или, волшебникъ мой,
Одушеви мое музыкой пѣснопѣнье;
Вдохни огонь любви въ холодныя слова,
Еще отдай стихамъ потерянны права —
И камни приводишь въ движенье
И горы и лѣса!
Тогда я съ Сильфами взлечу на небеса,
И тихо, какъ призракъ, какъ лучь отъ неба ясный,
Спущусь на берега пологіе Двины
Съ твоей гитарой сладкогласной:
Коснусь волшебныя струны,
Коснусь... и Нимфы горъ при мѣсячномъ сіяньи
Какъ тѣни легкія, въ прозрачномъ одѣяньи,
Съ Сильванами сойдутъ услышатъ голосъ мой.
Наяды робкія, всплывая надъ водой,
Восплещутъ бѣлыми руками,
И Майскій вѣперокъ, проснувшись на цвѣтахъ
Въ прохладныхъ рощахъ и садахъ,

Повѣетъ тихими крилами:
Съ очей прелестныхъ дѣвъ онъ свѣетъ тонкій сонъ,
Отгонитъ легки сновидѣнья,
И тихимъ шопотомъ имъ скажетъ: »это онъ!
Вы слышите его знакомы пѣснопѣнья!«

Москва. Вод. — Б.
В. Евр. 1816 № 14 (апрель) с. 99—101

ПОСЛАНІЕ

Къ Т[illegible]ву.

О ты, который средь обѣдовъ,
Среди веселій и забавъ
Сберегъ для дружбы кропкій правъ,
Для дѣлъ — характеръ честный дѣдовъ!
О ты, который при дворѣ,
Въ чаду успѣховъ или щастья,
Найши умѣлъ въ одномъ добрѣ
Души прямое сладострастье!
О ты, который съ похоронъ
На свадьбы часто поспѣваешь,
Но, бѣднаго услыша стонъ,
Ушей не запыкаешь!
Услышь, мой вѣрный доброхотъ,
Пѣвца смиреннаго моленье,
Доставь крупицу опъ щедротъ
Сиротамъ двумъ на прокормленье!
Замолви слова два за нихъ
Краснорѣчивыми устами:
Лишь дайте илъ! промолви — вмигъ
Онѣ очутятся съ рублями.

Но кто *онъ*? — Скажу точь въ точь
Всю повѣсть ихъ передъ тобою,
Онъ — вдова и дочь,
Чета забытая судьбою.
Жилъ нѣкто въ мірѣ семъ..... *овъ*,
Царя усердный воинъ.
Былъ бѣденъ. Умеръ. Опъ долговъ
Онъ слѣдственно спокоенъ.
Но въ мірѣ онъ забылъ жену
Съ грудным ребенкомъ; и одну
Суму оставилъ имъ въ наслѣдство.....
Но здѣсь не все для бѣдныхъ бѣдство!
Имъ добры люди помогли,
Согрѣли, накормили,
И словомъ, какъ могли,
Сиротокъ пріюпили.
Прекрасно! славно! — спору нѣтъ!
Но.... здѣшній свѣтъ
Не рай — мнѣ сказывалъ мой дѣдъ.
Враги нахлынули рѣкою,
Съ землей сравнялася Москва....
И бѣдная вдова
Опять пошла съ клюкою....
А между тѣмъ все дочь растетъ
И нужды съ нею подрастаютъ.
День за день все идетъ, идетъ,
Недѣли, мѣсяцы мелькаютъ;

Старушка клонится, а дочь
Пышнѣе розы расцвѣтаетъ,
И спала.... Грація точь въ точь!
Прелестный взоръ, глаза большіе,
Румянецъ Флоры на щекахъ,
И кудри льняно-золотыя
На алебастровыхъ плечахъ.
Что слово молвитъ — то пріятство,
Что ни надѣнетъ — все къ лицу!
Краса (увы!) — ея богатство
И все приданое къ вѣнцу,
А крохи нѣтъ насущной хлѣба!
Т.....ъ, другъ нашъ! ради Неба,
Прійди на помощь красотѣ,
Несчастію и нищетѣ!
Онѣ предъ Образомъ, конечно,
Затеплятъ чистую свѣчу, —
За чье здоровье — умолчу:
Ты угадаешь, другъ сердечной!

6.

Москва.
14 Окт. 1816.

С. От. 1816 г. 33 — №45, стр. 262–264

ОТВѢТЪ

Г — чу.

Твой другъ тебѣ навѣкъ отнынѣ
Съ рукою сердце отдаетъ;
Онъ отслужилъ слѣпой богинѣ,
Безплодныхъ мапери суетъ.
Увы, мой другъ! я въ дни младые
Цирцеямъ такъ же отслужилъ!
Въ карманы заглянулъ пустые,
Покинулъ мирпъ и мечь сложилъ.
Пускай кто честолюбьемъ боленъ,
Бросаетъ съ Марсомъ огнь и громъ;
Но я — безвѣстностью доволенъ,
Въ Сабинскомъ домикѣ моемъ!
Тамъ, глиняны свои Пенаты
Подъ сѣнью дружней съединимъ,
Поставимъ брашны небогаты
А дни мечтой позолотимъ.
И если къ намъ любовь заглянетъ
Въ прiютъ, гдѣ дружбы храмъ святой...
Увы! твой другъ не переспанетъ
Еще ей жертвовать собой! —

Какъ гость, весельемъ пресыщенный,
Роскошный покидаетъ пиръ,
Такъ я, любовью упоенный,
Покину равнодушно міръ!

Къ Жуковскому.

Прости, Балладникъ мой,
Бѣлева мирный жилецъ!
Да будетъ Фебъ съ тобой,
Нашъ давній покровитель!
Ты щастливъ средь полей
И въ хижинѣ укромной.
Какъ юный соловей
Въ прохладѣ рощи темной
Съ любовью дни ведетъ,
Гнѣзда не покидая;
Невидимый поетъ,
Невидимо плѣняя
Веселыхъ пастуховъ
И жителей пустынныхъ:
Такъ ты, краса пѣвцовъ,
Среди забавъ невинныхъ,
Въ отчизнѣ золотой
Прелестны гимны пой!
О! пой, любимецъ щастья,
Пока веселы дни
И розы сладострастья

Кипридою даны,
И роскошь золотая,
Всѣ блага разсыпая
Обильною рукой,
Тебѣ подноситъ вины,
И порперъ выписной,
И сочны апельсины,
И съ прюфлями пирогъ,
Весь Амальтеи рогъ,
Вовѣкъ неистощимый,
На жирный пвой обѣдъ!
А мнѣ... покоя нѣтъ!
Смотри! неумолимый
Домашній Гиппократъ,
Наперсникъ Парки блѣдной,
Поповъ слуга усердной,
Чумѣ и Смерти братъ,
Поклявшися Лапынью
И пракшикой своей,
Поитъ меня полынью
И супомъ изъ костей;
Безъ дальняго спаранья
До смерти запоитъ,
И къ вамъ писать посланья
Отправитъ за Коцитъ! —
Все въ жизни измѣнило,
Что сердцу сладко льстило:

*

Все, все прошло, какъ сонъ:
Здоровье легкокрыло,
Любовь и Аполлонъ!
Я сталъ подобенъ тѣни,
Къ смиренію сердецъ,
Сухъ, блѣденъ, какъ мертвецъ;
Дрожатъ мои колѣни,
Спина дугой къ землѣ,
Глаза попухли, впали,
И скорби начертали
Морщины на челѣ;
Навѣкъ исчезла сила
И доблесть прежнихъ лѣтъ.
Увы! мой другъ, и Лила
Меня не узнаетъ.
Вчера, съ улыбкой злою,
Мнѣ молвила она,
(Какъ древле Громобою
Коварный Сатана)
»Усопшій! миръ съ тобою!
»Усопшій, миръ съ тобою!« —
Ахъ! это ли одно
Мнѣ рокомъ суждено
За древни прегрѣшенья?...
Нѣтъ, новыя мученья,
Достойныя бѣсовъ!
Свои стихотворенья

Чипаетъ мнѣ Свистовъ;
И съ нимъ пѣвецъ досужій,
Его покорный бѣсъ,
Какъ онъ, на риѳмы дюжій,
Какъ онъ, головорѣзъ,
Поютъ и напѣваютъ,
Съ ночи до бѣла дня;
Чипаютъ и чипаютъ,
И до смерти меня
Убійцы зачипаютъ!

ОТВѢТЪ

Т — ву.

Ты правъ! Поэтъ не лжецъ,
Красавицъ воспѣвая.
Но часто нашъ пѣвецъ,
Въ восторгѣ упоная,
Разсудка строгій гласъ
Забудетъ для Армиды,
Для двухъ коварныхъ глазъ;
Подъ знаменемъ Киприды
Сей новый Донъ-Кишотъ
Проводитъ вѣкъ съ мечтами:
Съ химерами живетъ,
Бесѣдуетъ съ духами,
Съ задумчивой луной,
И міръ смѣшитъ собой!
Для свѣта равнодушенъ,
Для славы и чести,
Одной любви послушенъ,
Онъ дышетъ только ей.
Вездѣ съ своей мечтою,
Въ столицѣ и въ поляхъ,

Съ поникшей головою,
Съ унынiемъ въ очахъ,
Какъ призракъ блѣдный бродишъ;
Одно пвердишъ, поешъ:
Любовь, любовь зовешъ...
И риѳмы лишь находишъ!
Такъ! вѣрно Аполлонъ
Давно съ любовью въ ссорѣ,
И мспишель Купидонъ
Судилъ Поэтамъ горе.
Всѣ Нимфы спроги къ намъ
За наши псалмопѣнья,
Какъ Дафна къ богу пѣнья;
Мы лавръ находимъ тамъ
Иль кипарисъ печали,
Гдѣ щасшья розъ искали,
Цвѣтущихъ не для насъ.
Взгляните на Парнассъ:
Любовникъ спрогой Лоры
Тамъ въ гореспи погасъ;
Скалы и дики горы
Его лишь знали гласъ
На берегахъ Воклюзы;
Тамъ Душеньки пѣвецъ,
Любимецъ нѣжный Музы
И пламенныхъ сердецъ,
Любилъ, вздыхалъ всечасно,

Вездѣ искалъ мечты;
Но лирой сладкогласной
Не тронулъ красоты.
Лезбосская пѣвица,
Прекрасная въ женахъ,
Любви и Феба жрица,
Дни кончила въ волнахъ...
И я — клянусь глазами,
Которые стихами
Мы въ запуски поемъ;
Клянуся Хлоей въ томъ,
Что Русскіе Поэты
Давно бъ на берегъ Леты
Толпами перешли,
Когда бъ скалу Левкада
Въ болота Петрограда
Судьбы перенесли!

Къ П[illegible]ну.

О любимецъ бога брани,
Мой товарищъ на войнѣ!
Я платилъ съ тобою дани
Богу славы, не однѣ:
Ты на киверѣ почтенномъ
Лавры съ миртомъ сочеталъ;
Я въ углу уединенномъ
Незабудки собиралъ.
Помнишь ли, пиѳомецъ славы,
Индесальми? страшну ночь? —
Не люблю такой забавы,
Молвилъ я, — и съ Музой прочь!
Между тѣмъ, какъ ты шпыками
Шведовъ за лѣсъ провожалъ,
Я геройскими руками...
Ужинъ вамъ пригоповлялъ.
Щасливъ ты, шалунъ любезный,
И въ Цицерской сторонѣ:
Я же всюду безполезный,
И въ любви и на войнѣ,
Время жизни въ скукѣ трачу,

(За крылатый щастья мигъ!)
Ночь зѣваю... утромъ плачу
Объ утрашѣ сновъ моихъ.
Тщетны слезы! мнѣ готова
Цѣпь, сопканна изъ суетъ;
Опъ родительскаго крова
Я опять на морѣ бѣдъ.
Мой челнокъ Любовь слѣпая
Правитъ дѣтскою рукой;
Между тѣмъ, какъ Лѣнь, зѣвая,
На кормѣ сидитъ со мной.
Можетъ быть, какъ быстра младость
Убѣжитъ опъ насъ бѣгомъ,
Я возьмусь за умъ... да радость
Уживется ли съ умомъ? —
Ахъ! почто же мнѣ заранѣ,
Другъ любезный, унывать? —
Вся судьба моя въ стаканѣ!
Станемъ пить и воспѣвать:
» Щастливъ! щастливъ, кто цвѣтами
» Дни любви украшалъ;
» Пѣлъ съ безпечными друзьями,
» А о щастіи... мечталъ!
» Щастливъ онъ, и впрос болѣ,
» Всѣхъ вельможей и царей!
» Такъ давай, въ безвѣстной долѣ,
» Чужды рабства и цѣпей,

» Кос-какъ пянуть жизнь нашу,
» Часто съ горемъ по поламъ;
» Наливать полнѣе чашу
» И смѣяться дуракамъ!« —

Напечатано под загл. Поэзия в труд. 1817
Общ. Люб. Рос. Сл. при Имп. Моск. Унив. ч. VII, стихотв. речей стр. 88—93. с подп. К. Батюшков.

ПОСЛАНІЕ

И. М. М. А.

Ивану Матвѣевичу
Муравьеву-Апостолу,

Ты правъ, любимецъ Музъ! отъ первыхъ впечатлѣній,
Отъ первыхъ, свѣжихъ чувствъ заемлетъ силу Геній
И имъ въ теченьи дней своихъ не измѣнитъ!
Кто-бъ ни былъ: пламенный ораторъ или піитъ,
Свѣтильникъ мудрости, науки обладатель,
Или кистью естества нѣмаго подражатель,
Наперсникъ Музъ, позналъ отъ колыбельныхъ дней,
Что долженъ быть жрецомъ Парнасскихъ олтарей.
Младенецъ щастливый, уже любимецъ Феба,
Онъ съ жадностью взиралъ на свѣтъ лазурный неба,
На зелень, на цвѣты, на зыбку сѣнь древесъ,
На воды быстрыя и полный мрака лѣсъ.
Онъ къ лону матери приникнувъ, улыбался,
Когда веселый Май цвѣтами убирался
И жавронокъ вился надъ зеленью полей.
Златая ль радуга, пророчица дождей,
Весь сводъ лазоревый подернетъ облистаньемъ?
Ее привѣтствовалъ невнятнымъ лепетаньемъ,
Ее манилъ къ себѣ младенческой рукой.

Что видѣлъ въ юности, предъ хижиной родной,
Что видѣлъ, чувствовалъ, какъ новый міра жи-
тель,
Того въ душѣ своей до позднихъ дней хранитель,
Желаетъ въ пѣсняхъ Музъ потомству передать.
Мы видимъ первыхъ чувствъ волшебную печать
Въ твореньяхъ Генія испытанныхъ вѣками:
Изъ мѣстъ, гдѣ Мантуа красуется лугами
И Минцій въ камышахъ недвижимый стоитъ,
Отъ милыхъ Ларъ своихъ отторженный Пиитъ
Въ чертоги Августа судьбой перенесенной,
Жалѣлъ о васъ, ручьи отчизны незабвенной,
О древней хижинѣ, гдѣ юность провождалъ,
И Титира свирѣль потомству передалъ.
Но тамъ ли, гдѣ всегда роскошная природа
И раскаленный Фебъ съ безоблачнаго свода
Обиліемъ поля щастливыя даритъ,
Таланта колыбель и область Піеридъ?
Нѣтъ! нѣтъ! И въ Сѣверѣ любимецъ ихъ не
дремлетъ;
Но гласу громкому самой природы внемлетъ,
Свершая славный путь, предписанный судьбой.
Природы ужасы, стихій враждебныхъ бой,
Ревущіе со скалъ угрюмыхъ водопады,
Пустыни снѣжныя, льдовъ вѣчныя громады,
Иль моря шумнаго необозримый видъ:
Все, все возноситъ умъ, все сердцу говоритъ

Краснорѣчивыми, но тайными словами,
И огнь Поэзіи питаетъ между нами.
Близъ Колы пасмурной, средь дикихъ рыбарей,
Въ прудахъ воспитанный, уже отъ юныхъ дней
Нашъ Пиндаръ чувствовалъ сей пламень попа-
енный,
Сей огнь зиждительный, даръ Бога драгоцѣнный,
Отъ юности въ душѣ Небеснаго залогъ,
Которымъ Фебовъ жрецъ исполненъ какъ пророкъ.
Онъ сладко трепеталъ, когда сквозь мракъ шумана
Спремился по зыбямъ холоднымъ Океана,
Къ необитаемымъ, безплоднымъ островамъ,
И мрежи разстилалъ по новымъ берегамъ.
Я вижу мысленно, какъ отрокъ вдохновенной
Стоитъ въ безмолвіи надъ бездной разъяренной
Среди мечтанія и первыхъ сладкихъ думъ,
Прислушивая волнъ однообразный шумъ...
Лице горитъ его, грудь тягостно вздыхаетъ,
И сладкая слеза ланиту орошаетъ,
Слеза, извѣстная таланту одному!
Въ красѣ божественной любимцу своему,
Природа! ты не разъ на Сѣверѣ являлась
И въ пламенной душѣ на вѣки начертялась.
Исполненный всегда видѣньемъ первыхъ лѣтъ,
Какъ часто воспѣвалъ воспорженный Поэтъ:
» Дрожащій, хладный блескъ полуночной Авроры,
» И льдяныя, въ моряхъ носимы вѣтромъ, горы,

» И Уну спящую средь звонкихъ камышей,
» И день, чудесный день, безъ ночи, безъ зарей!«
Въ Пальмирѣ Сѣвера, въ жилищѣ шумной славы,
Державинъ Камскія воспоминалъ дубравы,
Отчизны сладкій дымъ и древній градъ отцовъ.
На тучны пажити Приволжскихъ береговъ
Какъ часто Днипріевъ, распоргнувъ свѣтски узы,
Водилъ насъ по слѣдамъ своей щастливой Музы.
Сколь чистой, какъ струи царицы свѣтлыхъ
водъ,
На коихъ въ первый разъ зрѣлъ солнечный во-
сходъ
Пѣвецъ Сибирскаго Пизарра вдохновенный!....
Такъ, свыше нѣжною душею одаренный,
Пишетъ, отъ юности до сребряныхъ власовъ,
Лелѣетъ въ памяти страну своихъ отцовъ.
На жизненномъ пути ему даруетъ Геній
Неизсякаемый источникъ наслажденій
Въ замѣну щастія и скудныхъ міра благъ:
Съ нимъ Муза тайная живетъ во всѣхъ мѣстахъ
И въ мірѣ дивный міръ любимцу созидаетъ.
Пускай свирѣпый рокъ по волѣ имъ играетъ;
Пускай незнаемый, безъ злата и чести,
Съ главой поникшею онъ бродитъ межь людей;
Пускай Фортуною отъ дѣтства удостоенъ,
Онъ будетъ судія, министръ, иль въ полѣ воинъ:
Но Музамъ и себѣ нигдѣ не измѣнитъ.

Въ самомъ молчаніи онъ будетъ все Піитъ.
Въ самомъ бездѣйствіи онъ съ дѣятельнымъ духомъ,
Все сильно чувствуетъ, все ловитъ взоромъ, слухомъ,
Всѣмъ наслаждается, и всюду наконецъ
Готовитъ Фебу дань, его грядущій жрецъ.

288 ———
Казан. Еж. 1816 № 13 (2 кн.), с. 13—17.
(Помечен 11. III. 11. тот. Батюшкова
цензура — 17 мая?)
С. От. 1816 г. 31, № 29, с. 106—108. (без п.)
цензура 21 кн.
Тр. общ. ист. и р. ст. 1817 г. VII, 38—43

ПОСЛАНІЕ

къ А. И. Т — ву.

Есть дача за Невой,
Верстъ двадцать отъ столицы,
У Выборгской границы,
Близъ Парголы крутой;
Есть дача, или мыза,
Пріютъ для добрыхъ душъ,
Гдѣ добрая Элиза
И съ ней почтенный мужъ,
Съ открытою душою
И съ лаской на устахъ,
За трапезой простою,
На бархатныхъ лугахъ,
Безъ дальнаго наряда,
Въ свой маленькой пріютъ
Друзей изъ Петрограда
На праздникъ сельской ждутъ:
Тамъ мужъ, съ супругой нѣжной,
Въ часъ отдыха отъ дѣлъ,

Подъ кровъ свой безмятежный
Музъ къ Граціямъ привелъ.
Поэтъ, лѣнтяй, счастливецъ,
И тонкій Философъ,
Мечтаетъ тамъ Крыловъ,
Подъ тѣнію березы,
О басенныхъ звѣряхъ,
И рветъ Парнасски розы
Въ Пріютинскихъ лѣсахъ,
И Гнѣдичъ тамъ мечтаетъ
О Греческихъ богахъ,
Межь тѣмъ какъ замѣчаетъ
Кипренскій лица ихъ,
И кистію чудесной,
Съ безпечностью прелестной,
Вандиковъ ученикъ,
Въ одинъ крылатый мигъ
Онъ пишетъ ихъ портреты,
Которые отъ Леты
Спасли бы образцовъ,
Когда бы самъ Крыловъ
И Гнѣдичъ сочиняли
Какъ пишетъ Тянисловъ
Иль Бардусы писали,
Забывъ и вкусъ и умъ!
Но мы забудемъ шумъ
И суеты столицы,

Изладимъ колесницы,
Ударимъ по конямъ,
И пустимся стрѣлою
Въ Пріютино съ тобою.
Согласны? — По рукамъ.

---

*

Къ N. N.

(Гр.) С. С. Уварову.

Среди трудовъ и важныхъ Музъ,
Среди учености всемірной,
Ты не утратилъ нѣжный вкусъ:
Еще ты любишь голосъ лирной,
Еще въ душѣ твоей огонь,
И сердце наслажденій просишъ,
И Аполлоновъ борзый конь
Опъ Музъ тебя въ Киѳеру носишъ.
Опъ древней Спарты до Аѳинъ,
Опъ гордыхъ памятниковъ Рима
До стѣнъ Пальмиры и Солима
Умомъ ты міра гражданинъ.
Ты любишь отдыхать съ Эратой
Разнообразной и живой,
И насъ уносишь за собой
Въ міры фантазіи крылатой.
Тебѣ легко: ты награжденъ,
Благословленъ, взлелѣянъ Фебомъ;
Подъ сумрачнымъ родился небомъ,
Но будто въ Аттикѣ рожденъ.

К. Батюшковъ

С. Изв. на 1826 годъ, т. 4 Батюш.

КН. П. И. ШАЛИКОВУ.

(При полученіи отъ него въ подарокъ книги, имъ переведенной.)

Чѣмъ заплачу вамъ, милый Князь,
Чѣмъ отдарю почтеннаго Поэта? —
Стихами? Но давно я съ Музой рушилъ связь
И безъ нее кругомъ лепаю свѣта,
Съ Востока къ Западу, отъ Сѣвера на Югъ;
Не знамъ, гдѣ вы, гдѣ Граціи кругъ,
Гдѣ Аполлонъ съ Парнасскими сестрами!
Нѣтъ, нѣтъ! въ странѣ иной,
Гдѣ въ вѣкъ не повстрѣчаюсь съ вами:
Въ пыли, въ грязи, на тряской мостовой,
Въ картузѣ съ козырькомъ, съ небритыми усами,
Какъ П — на Герой,
Воспѣтый имъ сколь сильными стихами!
Такая жизнь для мыслящаго адъ.
Страданій вамъ моихъ не въ силахъ я исчислить.
Скачи туда, сюда, хошь радъ или не радъ;
Гдѣ жь время чувствовать и мыслить?
Но время, къ счастью, есть любить
Друзей, ихъ славу и успѣхи

И въ дружбѣ находишь
Неизъяснимыя для чорствыхъ душъ ушѣхи.
Вотъ мой удѣлъ, почтенный мой Поэтъ:
Оставя отчій край, увижу новый свѣтъ,
И небо новое, и незнакомы лицы,
Везувій въ пламени, и Этны вѣчный дымъ,
Каштановъ, Оперу, фигляровъ, Папскій Римъ,
И прахъ, священный прахъ всемірныя столицы.
Но гдѣбъ я ни былъ (такъ! я молвлю въ добрый часъ!)
Не измѣнюсь, душою тотъ же буду
И умирая не забуду
Москву, отечество, друзей моихъ и васъ!

11 Сентября 1818.

Прибавлено въ Дух. Журналу на 1822 годъ. Книга II. Новости литературы, издаваемыя А. Востоковымъ и В. Колосовымъ. Книга II. Спб. 1822, N XVII, с. 61–62.

СМѢСЬ.

ХОРЪ

ДЛЯ ВЫПУСКА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ СМОЛЬНАГО МОНАСТЫРЯ.

Одинъ голосъ.

Прости, госпепріимный кровъ,
Жилище юности безпечной!
Гдѣ время средь забавъ, веселій и трудовъ,
Какъ сонъ промчалось скоротечной.

Хоръ.

Прости госпепріимный кровъ
Жилище юности безпечной!

Подруги! сердце въ первый разъ
Здѣсь чувства сладкія познало;
Здѣсь дружество на вѣкъ златою цѣпью насъ,
Подруги милыя, связало.
Такъ! сердце наше въ первый разъ
Здѣсь чувства сладкія познало.

Виновница щастливыхъ дней!
Прими сердецъ благодаренья:

Къ Тебѣ летятъ сердца усердныя дѣтей
И тайныя благословенья.
Виновница щастливыхъ дней!
Прими сердецъ благодаренья!

Нашъ Царь, подруги, посѣщалъ
Сіе жилище безмятежно:
Онъ самъ въ глазахъ дѣтей признательность читалъ
Къ Его Родительницѣ нѣжной.
Монархъ великій посѣщалъ
Жилище наше безмятежно!

Простой, усердной гласъ дѣтей
Прими, о Боже, Покровитель!
Источникъ новый благъ и радости пролей
На мирную сію обитель.
И ты, о Боже, гласъ дѣтей
Прими, Всесильный Покровитель!

Мы чтили здѣсь отъ юныхъ лѣтъ
Законъ твой, благости зерцало;
Подъ сѣнью олтарей, тобой хранимый цвѣтъ,
Здѣсь юность наша расцвѣтала.
Мы чтили здѣсь отъ юныхъ лѣтъ
Законъ твой, благости зерцало.

Финалъ.

Проспи же ты, священный кровъ,
Обитель юности безпечной,
Гдѣ время средь забавъ, веселій и трудовъ
Какъ сонъ промчалось скоротечной!
Гдѣ сердце въ жизни въ первый разъ
Отъ чувствъ веселья трепетало,
И дружество на вѣкъ, златою цѣпью насъ,
Подруги милыя, связало!

ПѢСНЬ ГАРАЛЬДА СМѢЛАГО.

Мы, други, лѣтали по бурнымъ морямъ,
Отъ родины милой лѣтали далеко!
На сушѣ, на морѣ, мы бились жестоко;
И море и суша покорствуютъ намъ!
О други! какъ сердце у смѣлыхъ кипѣло,
Когда мы, содвинувъ спѣной корабли,
Какъ птицы неслися станицей веселой
Вкругъ пажитей тучныхъ Сиканской земли!...
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

О други! я младость не праздно провелъ!
Съ сынами Дронтгейма вы помните сѣчу?
Какъ вихорь, предъ вами я мчался на встрѣчу
Подъ камни и тучи свистящія стрѣлъ.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Какъ блѣдные класы подъ ливнемъ, упали
И всадникъ и пѣшій; владыка, и ты!...
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

Насъ было лишь трое на легкомъ челнѣ;
А море вздымалось, я помню, горами;

Ночь черная въ полдень нависла съ громами,
И Гела зіяла въ соленой волнѣ.
Но волны напрасно, ярася, хлеспали:
Я черпалъ ихъ шлемомъ; рабопалъ весломъ:
Съ Гаральдомъ, о други, вы страха не знали,
И въ мирную пристань влепѣли съ челномъ!
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

Вы, други, видали меня на конѣ?
Вы зрѣли, какъ рушилъ сѣкирой пвердыни,
Летая на бурномъ пипомцѣ пустыни
Сквозь пепелъ и вьюгу въ пожарномъ огнѣ?
Желѣзомъ я ноги мои окрыляя,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я хладную влагу рукой разсѣкая,
Какъ лебедь опважный по морю иду...
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

Я въ мирныхъ родился Полночи снѣгахъ;
Но рано опбросилъ доспѣхи ловипвы —
Лукъ грозный и лыжи, и въ шумныя бипвы
Васъ, други, съ собою умчалъ на судахъ.
Не пщепно за славой летали далеко
Опъ милой опчизны по дикимъ морямъ;
Не пщепно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорспвуютъ намъ!
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

(Переводъ К. Льбова, и др. см. Сѣв. Дѣтскій Муз. II, 723.) изд. Кашкина 1822

ВАКХАНКА.

Всѣ на праздникъ Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Вѣпры съ шумомъ разнесли
Громкій вой ихъ, плескъ и стоны.
Въ чащѣ дикой и глухой
Нимфа юная опснала;
Я за ней — она бѣжала
Легче серны молодой. —
Эвры волосы взвѣвали
Перевитые плющомъ;
Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ.
Спройный станъ, кругомъ обвитый
Хмѣля желтаго вѣнцомъ,
И пылающи ланиты
Розы яркимъ багрецомъ,
И уста, въ которыхъ таетъ
Пурпуровый виноградъ —
Все въ неистовой прельщаетъ,
Въ сердце льетъ огонь и ядъ!
Я за ней... она бѣжала

Легче серны молодой; —
Я наспигъ; она упала!
И шимпанъ подъ головой!
Жрицы Вакховы промчались
Съ громкимъ воплемъ мимо насъ;
И по рощѣ раздавались
Эвоэ! и нѣги гласъ! —

СОНЪ ВОИНОВЪ.

Изъ Поэмы Аснель и Аслега.

Битва кончилась: ратники пируютъ
вокругъ зажженныхъ дубовъ...

. . . Но вскорѣ пламень потухаетъ
И гаснетъ пепелъ черныхъ пней,
И томный сонъ опягощаетъ
Лежащихъ воевъ средь полей.
Сомкнулись очи; но призраки
Тревожатъ крапкій ихъ покой:
Иной лѣсовъ проходитъ мраки,
Звѣрей голодныхъ слышитъ вой;
Иной на лодкѣ легкой рѣетъ
Среди кипящихъ въ морѣ волнъ;
Веслomъ десница не владѣетъ
И гибнетъ въ безднѣ бренный чолнъ;
Иной мѣста узрѣлъ знакомы,
Мѣста отчизны, милый край!
Ужь слышитъ псовъ домашнихъ лай,
И зритъ отцовъ поля и домы,
И нѣжныхъ чадъ своихъ... Мечты!
Проснулся въ безднѣ темноты!

Иной чудовище сражаетъ —
Безплодно мечь его сверкаетъ,
Махнулъ еще, его рука
Подъята вверхъ.... окостенѣла;
Бѣжать хотѣлъ, его нога
Дрожитъ, недвижима, замлѣла;
Вспаетъ, и палъ! Иной плыветъ
Поверхъ прозрачныхъ, тихихъ водъ,
И пѣнитъ волны подъ рукою;
Волна, усиленна волною,
Клубится, пѣнится горой
И вдругъ обрушилась, клокочетъ;
Нещастный борется съ рѣкой,
Воззвать къ дружинѣ вѣрной хочетъ;—
И голосъ замеръ на устахъ!
Другой бѣжитъ на полѣ рашномъ,
Бѣжитъ, глотая пыль и прахъ;
Трикратъ сверкнулъ мечемъ булатнымъ,
И въ воздухѣ недвижимъ мечь!
Звеня, упали лапы съ плечь...
Копье рамена прободаетъ,
И хлещетъ кровь изъ нихъ рѣкой;
Нещастный раны зажимаетъ
Холодной, трепетной рукой!
Проснулся онъ... и тщетно ищетъ
И ранъ и вражьяго копья. —
Но вѣтръ шумитъ и въ рощѣ свищетъ;

И волны мутнаго ручья
Подошвы скалъ угрюмыхъ роютъ,
Клубятся, пѣнятся и воютъ
Средь дебрей снѣжныхъ и холмовъ.

Весь спитъ у тихаго костра,
Всѣ спятъ, одинъ Эрлъ жизнерадный
Поетъ — и въ мракѣ ночи чудесный
Отъ скалъ горахъ передаетъ:

«Сижу на брегу мутныхъ водъ,
Все спитъ кругомъ; лишь воръ ночи,
И Гельвъ тотъ во мнѣ реветъ.
Не страшенъ мнѣ призракъ ночи,
Мой мечъ сломитъ по вамъ водъ. —

«Сижу на брегу ярыхъ водъ.
Страшись, врагъ! Тотъ стрѣлокъ!
Ни мечъ, ни щитъ тебѣ не спасетъ
Тебя отъ возставшаго гарпа ...
Мой мечъ сломитъ по вамъ водъ!

«Сижу на брегу ярыхъ водъ;
Мнѣ ревность сердце раздираетъ
Супруга, боговъ! день придетъ
И мечъ отмщенья заблещетъ
По онъ сломитъ по вамъ водъ.

«Сижу на брегу мутныхъ водъ.
Все спитъ кругомъ; лишь воръ ночи,
Лишь Гельвъ тотъ во мнѣ реветъ:
Не страшенъ мнѣ призракъ ночи,
Мой мечъ сломитъ по вамъ водъ!»

Кедмонъ. Т. —

РАЗЛУКА.

Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести споялъ;
Надолго съ милой разлучаясь,
Вздыхая онъ сказалъ:

» Не плачь, красавица! слезами
Кручинѣ злой не пособить!
Клянуся честью и усами
Любви не измѣнить!

» Любви непобѣдима сила!
Она мой вѣрный щитъ въ войнѣ;
Булатъ въ рукѣ, а въ сердцѣ Лила:
Чего страшишься мнѣ?

» Не плачь, красавица! слезами
Кручинѣ злой не пособить!
А если измѣню..., усами
Клянусь, наказанъ быть!

» Тогда мой вѣрный конь споткнися,
Лишя во вражій станъ спрѣлой;

Уздечка браная порвися
И спремя подъ ногой!

» Пускай булатъ въ рукѣ съ размаха
Изломится какъ прутъ гнилой,
И я, блѣднѣя весь отъ страха,
Явлюсь передъ тобой! «

Но вѣрный конь не спотыкался
Подъ нашимъ всадникомъ лихимъ;
Булатъ въ бояхъ не изломался —
И честь гусара съ нимъ!

А онъ забылъ любовь и слезы
Своей пастушки дорогой,
И рвалъ въ чужбинѣ щастья розы
Съ красавицей другой.

Но что же сдѣлала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицамъ игрушка;
А клятвы ихъ — слова!

Все здѣсь, друзья! измѣной дышетъ;
Теперь нѣтъ вѣрности нигдѣ!
Амуръ, смѣясь, всѣ клятвы пишетъ
Спрѣлою на водѣ.

ЛОЖНЫЙ СТРАХЪ.

Подражаніе Парни.

Помнишь ли, мой другъ безцѣнный!
Какъ съ Амурами пишкомъ,
Мракомъ ночи окруженный,
Я къ тебѣ прокрался въ домъ?
Помнишь ли, о другъ мой нѣжной!
Какъ дрожащая рука
Опъ побѣды неизбѣжной
Защищалась — но слегка?
Слышенъ шумъ! ты испугалась!
Свѣпъ блеснулъ, и въ мигъ погасъ;
Ты къ груди моей прижалась,
Чупь дыша.... блаженный часъ!
Ты пугалась; я смѣялся.
» Намъ ли вѣдать, Хлоя, спрахъ!
» Гименей за все ручался,
» И Амуры на часахъ.
» Все въ безмолвіи глубокомъ,
» Все почило сладкимъ сномъ!
» Дремлетъ Аргусъ томнымъ окомъ
» Подъ Морфеевымъ крыломъ!«

Рано упреннія розы
Запылали въ небесахъ....
Но любви безцѣнны слезы,
Но улыбка на успахъ,
Томно персей волнованье
Подъ прозрачнымъ полотномъ,
Молча, новое свиданье
Обѣщали вечеркомъ.
Еслибъ Зевсова десница
Мнѣ вручила ночь и день,
Поздно бъ юная денница
Прогоняла черну тѣнь!
Поздно бъ солнце выходило
На восточное крыльцо;
Чуть блеснуло бъ, и сокрыло
За лѣсъ рдяное лицо;
Долго бъ тѣни пролежали
Влажной ночи на поляхъ;
Долго бъ смертные вкушали
Сладоспрасшіе въ мечтахъ.
Дружбѣ дамъ я часъ единый,
Вакху часъ и сну другой;
Оспальною жь половиной
Подѣлюсь, мой другъ, съ тобой!

В. Евр. 1810, ч. 51 № 11, с. 213–14 Гаспаров

СОНЪ МОГОЛЬЦА.

Басня.

Могольцу снилися жилища Елисейски:
Визирь блаженный въ нихъ
За добрыя дѣла жишейски,
Въ числѣ угодниковъ святыхъ,
Покойно спалъ на лонѣ Гурій.
Но сонный видитъ адъ,
Гдѣ пламенемъ объятъ,
Терзаемый бичами Фурій,
Пустынникъ испускалъ ужасный вопль и стонъ.
Моголецъ въ ужасѣ проснулся,
Не вѣдая, что значитъ сонъ.
Онъ думалъ, что пророкъ въ сихъ мерпвыхъ обманулся,
Иль тайну для него скрывалъ;
Тотчасъ гадателя призвалъ,
И тотъ ему въ отвѣтъ: »Я не дивлюсь ни мало,
Что въ снахъ есть разумъ, цѣль и складъ.
Намъ небо и въ мечтахъ премудрость завѣщало...
Сей праведникъ, Визирь, оставя дворъ и градъ
Жилъ честно и всегда любилъ уединенье;
Пустынникъ на поклонъ таскался къ Визирямъ.«

Съ гадателемъ сказавъ, что значитъ сновидѣнье,
Внушилъ бы я любовь къ деревнѣ и полямъ.
Обитель мирная! въ тебѣ успокоенье
И всѣ дары небесъ даются щедро намъ.

Уединеніе, источникъ благъ и щастья!
Мѣста любимыя! уже ли никогда
Не скроюсь въ вашу сѣнь отъ бури и ненастья?
Блаженству моему настанетъ ли чреда?
Ахъ! кто остановитъ меня подъ мрачной тѣнью?
Когда перенесусь въ священные лѣса?
О Музы! сельскихъ дней утѣха и краса!
Научите ль меня небесныхъ тѣлъ теченью?
Свѣтилъ блистающихъ несчетны имена
Узнаю ли отъ васъ? Иль если мнѣ дана
Способность малая и скудно дарованье,
Пускай плѣнитъ меня источниковъ журчанье,
И я любовь и миръ пустынный воспою!
Пусть Парка не прядетъ изъ злата жизнь мою,
И я не буду спать подъ бархатнымъ наметомъ;
Уже ли черезъ то я потеряю сонъ?
И меньше ль по прудахъ мнѣ будетъ сладокъ онъ?
Зимой, близъ огонька, въ тѣни древесной лѣномъ,
Безъ страха двери самъ для Парки отопру;
Безпечно вѣкъ проживъ, спокойно и умру.

Драматич. Вестн. 1808 (Сентябрь 1809?) ч. V, с. 78–80. Подп. Кон. Бат.
В. Евр. 1810, ч. 49 №4, с. 286–87.

ПАСТУХЪ и СОЛОВЕЙ.

Басня.

Владимиру Александровичу

(Посвящена Озерову.)

Любимецъ строгой Мельпомены,
Прости усердный стихъ безвѣстному пѣвцу;
Не лавры къ твоему вѣнцу
Рукою дерзкою сплетенны
Я въ даръ тебѣ принесъ; къ чему мой гимнамъ
Творцу Димитрія, кому безсмертны Музы,
Сложивъ признательности узы,
Открыли славы храмъ?
А храмъ сей заперенъ для всѣхъ Зоиловъ строгихъ,
Богатыхъ завистью, талантами убогихъ.
Ахъ, если и теперь они своей рукой
Посмѣютъ къ твоему творенью прикасаться,
А ты, нашъ Эврипидъ, чтобъ позабыть ихъ рой,
Захочешь съ Музами разстаться,
И болѣ не писать, —
Тогда прошу тебя разсказъ мой прочитать:
Пастухъ, задумавшись, въ ночи безмолвной Мая,
Съ высокаго холма вокругъ себя смотрѣлъ,
Какъ мѣсяцъ въ тишинѣ великолѣпно шелъ

Лучемъ серебрянымъ долины освѣщая;
Какъ въ рощахъ липовыхъ чуть легкимъ вѣтеркомъ
Листы колеблемы шептали
И свѣтлые ручьи, почивъ съ природой сномъ,
Едва межь береговъ спруей своей мельками;
Изъ рощи соловей
Долины оглашалъ гармоніей своей,
И эхо пѣснь его холмамъ передавало.
Все душу Пастуха задумчиво плѣняло,
Какъ вдругъ пѣвецъ любви на вѣтвяхъ замолчалъ.
Напрасно нашъ пастухъ просилъ о пѣсняхъ новыхъ.
Печальный соловей, вздохнувъ, ему сказалъ:
»Не долго въ рощахъ сихъ дубовыхъ
Я радостъ воспѣвалъ.
Пройдетъ и пѣтъ охота,
Когда съ сосѣдняго болота
Лягушки кваканьемъ какъ бы на зло глушатъ;
Пустъ эта шварь поетъ, а соловьи молчатъ.«
Пой, нѣжный соловей, Пастухъ сказалъ Орфею:
Для нихъ ушей я не имѣю;
Ты имъ молчаньемъ пѣтъ охоту придаешь;
Кто будетъ слушать ихъ, когда ты запоешь?

Драматич. Вѣстникъ № 3 (сент. 1808) №72, с. 175—176

ЛЮБОВЬ ВЪ ЧЕЛНОКѢ.

Мѣсяцъ плавалъ надъ рѣкою,
Все спокойно! вѣперокъ
Вдругъ повѣялъ, и волною
Принесло ко мнѣ челнокъ.

Мальчикъ въ немъ сидѣлъ прекрасный;
Тяжкимъ правилъ онъ весломъ.
»Ахъ, малюпка мой нещастный!
Ты потонешь съ челнокомъ.«

— Добрый пушникъ, дай помогу;
Я не справлю сидя въ немъ.
На, весло! и понемногу
Мы къ ночлегу доплывемъ. —

Жалко мнѣ малюпки спало;
Сѣлъ въ челнокъ, и за весло!
Парусъ вѣпромъ надувало,
Насъ стрѣлою понесло.

И вдоль берега помчались,
По теченью быспрыхъ водъ;

А на берегъ собирались
Спаей Нимфы въ хороводъ.

Рѣзвыя смѣялись, пѣли,
И цвѣпы кидали въ насъ;
Мы неслись, спрѣлой лешѣли...
О бѣда! о спрашный часъ!..

Я заслушался, забылся,
Вѣперъ съ моря заревѣлъ;
Мой челнокъ о мель разбился,
А малюшка... улешѣлъ!

Кое-какъ на голой камень
Вышелъ, съ горемъ пополамъ;
Я обмокъ — а въ сердцѣ пламень:
Изъ бѣды опянь къ бѣдамъ!

Всюду Нимфъ ищу прекрасныхъ,
Всюду въ горесши брожу,
Лишь въ мечпаньяхъ сладоспрасшныхъ
Тѣни милыхъ нахожу.

Добрый пупникъ! въ часъ погоды
Не садися пы въ челнокъ!
Знашь сіи опасны воды;
Знашь малюшка.... спрашный богъ!

СЧАСТЛИВЕЦЪ.

Подражаніе Касти: Odi le rapide ruote sonanti

Слышишь? мчится колесница
Тамъ по звонкой мостовой!
Правитъ сильная десница
Коней сребряной браздой!...

Ихъ копыта бьютъ о камень;
Искры сыплются струей;
Пышетъ дымъ, и черный пламень
Излетаетъ изъ ноздрей!

Рѣзьбой дивною и златомъ
Колесница вся горитъ:
На коврѣ ея богатомъ
Кто жь, Лизета, кто сидитъ?

Временщикъ, вельможъ любимецъ,
Что на откупъ городъ взялъ...
Ахъ! давно ли онъ у крылецъ
Пыль смиренно обметалъ?

Вотъ онъ съ нами поравнялся,
И едва кивнулъ главой;

Вотъ ужь молній промчался,
Пыль оставя за собой!

Добрый путь! пока лелѣетъ
Въ колыбели щастье васъ!
Поздно ль? рано ль? но приспѣетъ
И невзгоды страшный часъ.

Ахъ, Лизета! льзя ль прельщаться
И теперь его судьбой?
Не ему щастливымъ звашься
Съ развращенною душой!

Тамъ, гдѣ хитростью искусства
Розы въ зиму расцвѣли;
Тамъ, гдѣ все плѣняетъ чувства,
Дань морей, и дань земли:

Мраморъ дивный изъ Пароса,
И кораллы на спѣнахъ;
Тамъ, гдѣ въ роскоши Паоса,
На узорчатыхъ коврахъ,

Щастья шапкаго любимецъ
Съ Нимфами забвенье пьетъ:
Тамъ же слезы сей щастливецъ
Опъ людей украдкой льетъ.

Блѣденъ ночью Крезъ нещастный,
Шепчетъ тихо, чтобъ жена
Не вняла сей гласъ ужасный:
Мнѣ погибель суждена!

Сердце наше кладезь мрачной:
Тихъ, покоенъ сверху видъ;
Но спустись ко дну... ужасно!
Крокодилъ на немъ лежитъ!

Душъ великихъ сладострастье,
Совѣсть! зоркій стражъ сердецъ!
Безъ тебя ничтожно щастье;
Гибель — злато и вѣнецъ!

РАДОСТЬ.

Подражаніе Касти.

Любимца Кипридина
И мирпомъ и розою
Вѣнчайпте, о юноши
И дѣвы спыдливыя!
Толпами сбирайпеся,
Руками сплетайпеся,
И радоспно попая,
Скачипте и прыгайпте!
Мнѣ лиру Тіскую
Камены и Граціи
Вручили съ улыбкою:
И пѣсни веселію,
Пріяпнѣе некпара
И слаще амврозіи,
Чпо пьюпъ небожипели,
Въ блаженспвѣ безпечные,
Польюпся со спрунъ ея!
Сего дня — день радоспи —
Филлида суровая,
Сквозь слезы спыдливоспи,

Люблю! мнѣ промолвила.
Какъ роза, кропимая
Въ часъ утра авророю,
Съ главой опятченною
Безцѣнными каплями,
Румянѣй спановится:
Такъ ты, о прекрасная!
Съ главою поникшею,
Сквозь слезы спыдливосни,
Краснѣя промолвила:
Люблю! пихимъ шопопомъ.
Все мнѣ улыбнулося;
Тоска и мученія,
И спрахи и горесни
Исчезли — какъ не было!
Киприда, влекомая
По воздуху синему
Межь бисерныхъ облаковъ
Циперскими пицами,
Къ Циперѣ иль Пафосу,
Цвѣпами осыпала
Меня и красавицу.
Все мнѣ улыбнулося!
И солнце весеннее
И рощи кудрявыя,
И воды прозрачныя,
И холмы Парнасскіе! —

Любимца Кипридина
Въ любви побѣдителя,
И миртомъ и розою
Вѣнчайте, о юноши
И дѣвы стыдливыя!

Къ Н.

Какъ я люблю, товарищъ мой,
Весны роскошной появленье,
И въ первый разъ надъ муравой
Веселыхъ жаворонковъ пѣнье:
Но слаще мнѣ среди полей
Увидѣть первые биваки
И ждать безпечно у огней
Съ разсвѣтомъ дня, кровавой драки.
Какое щастье, рыцарь мой,
Узрѣть съ нагорныя вершины
Необозримый нашихъ строй
На яркой зелени долины!
Какъ сладко слышать у шапра
Вечерней пушки гулъ далекой,
И погрузиться до утра
Подъ теплой буркой въ сонъ глубокой!
Когда по утреннимъ росамъ
Коней раздастся первый топотъ
И ружій пропяженный грохотъ
Пробудитъ эхо по горамъ:
Какъ весело передъ строями

Летать на ухорскомъ конѣ,
И съ первыми въ дыму, въ огнѣ,
Ударить съ крикомъ за врагами!
Какъ весело внимать: Стрѣлки,
Впередъ! сюда Донцы! Гусары!
Сюда летучіе полки,
Башкирцы, Горцы и Тапары!
Свисти теперь, жужжи свинецъ!
Летайте ядры и картечи!
Что вы для нихъ? для сихъ сердецъ,
Природой вскормленныхъ для сѣчи?
И вотъ... о зрѣлище прекрасно!
Колонны сдвинулись какъ лѣсъ.
Идутъ, безмолвіе ужасно!
Идутъ, ружье на перевѣсъ;
Идутъ, ура! и все сломили,
Разсѣяли и разгромили:
Ура! ура! и гдѣ же врагъ?..
Бѣжитъ: а мы, въ его домахъ,
О радость храбрыхъ! киверами
Вино некупленое пьемъ
И подъ побѣдными громами
Мы хвалимъ Господа, поемъ!..

Но ты трепещешь, юный воинъ,
Склонясь на сабли рукоять:
Твой духъ встревоженъ, безпокоенъ;

Онъ рвется лавры пожинать:
Съ Суворовымъ онъ вѣчно бродитъ
Въ поляхъ кровавыя войны,
И въ вяломъ мирѣ не находитъ
Отрадной сердцу тишины.
Спокойся: съ первыми громами
Къ знаменамъ славы полетишь;
Но тамъ, о горе, не узришь
Меня, какъ прежде, подъ шатрами!
Забытый шумною молвой,
Сердецъ мучительницей милой,
Я сплю, какъ пруженикъ унылой,
Не оживляемый хвалой.

ЭПИГРАММЫ, НАДПИСИ, *и пр.*

I.

Всегдашній гость, мучитель мой,
О Балдусъ! долголь мнѣ зѣвать, дремать съ тобой?
Будь крошечку умнѣй, или — дай жить въ покоѣ!
Когда жестокій рокъ сведетъ тебя со мной —
Я не одинъ и насъ не двое.

II.

Какъ трудно Бибрису со славою ужиться!
Онъ пьетъ, чтобы писать, и пишетъ, чтобъ напиться!

III.

Памфилъ забавенъ за столомъ,
Хоть часто и на зло разсудку:
Веселостью обязанъ онъ желудку,
А памятни — умомъ.

IV.

Безриомина совѣтъ:
Безъ жалости все сжечь мое стихотворенье!
Быть такъ! Его жь, друзья, невинное творенье
Своею смертію умретъ!

V.

Теперь, съ сего же дня,
Прощай мой экипажъ и рыжихъ четверня;
Лизетта! ужины! — я съ вами распрощался,
Для мудрости святой. —
» Что сдѣлалось съ тобой? «
Бездѣлка ... проигрался.

VI.

Извѣстный откупщикъ Ѳаддей
Построилъ Богу храмъ ... и совѣсть успокоилъ.
И впрямь! на все цѣны удвоилъ;
Далъ Богу мѣдный грошъ, а сошни взялъ рублей
Съ людей.

VII.

СОВѢТЪ ЭПИЧЕСКОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Какое хочешь имя дай
Твоей Поэмѣ полудикой:
Петръ длинной, Петръ большой, но только
Петръ Великой —
Ее не называй.

VIII.

МАДРИГАЛЪ НОВОЙ САФѢ.(*)

Ты Сафо, я Фаонъ: объ этомъ и не спорю;
Но, къ моему ты горю,
Пути не знаешь къ морю.

IX.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ Н. Н.

И шѣломъ и душой ты на Амура схожа:
Коварна и умна, и столько же пригожа.

X.

КЪ ЦВѢТАМЪ НАШЕГО ГОРАЦІЯ.

Ни вьюги, ни морозы
Цвѣтовъ твоихъ не истребятъ.
Богъ лиры, богъ любви и Музы мнѣ твердятъ:
Въ саду Горація не увядаютъ розы.

(*) Стихи эти написаны на Анну Петровну Бу[illegible], которая была любима Н. М. Карамзинымъ. (Объ этомъ см. Сафо и Фаонъ — см. Дорог. изъ Гурз. II, 44. Объяснит. ст.

XI.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Подъ знаменемъ Москвы, предъ падшею Сполицей,
Онъ Храбрымъ Гимны пѣлъ, какъ пламенный Тирней;
Въ дни мира, новый Грей,
Плѣняетъ насъ задумчивой цѣвницей.

XII.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ ГРАФА ЭМАНУИЛА СЕН-ПРИ.

Надпись к портрету Графа Сен-Приста. С.О

Онъ родины его опшоргнула судьбина;
Но Лиліямъ опцовъ онъ всюду вѣренъ былъ:
И въ нашемъ станѣ воскресилъ
Баярда древній духъ и доблесть Дюгесклина.

NN.

С.От. №16, т. 28, №12, с. 216.

XIII.

НАДПИСЬ НА ГРОБѢ ПАСТУШКИ.

Подруги милыя! въ безпечности игривой
Подъ плясовой напѣвъ вы рѣзвились въ лугахъ:
И я, какъ вы, жила въ Аркадіи щастливой;
И я на упрѣ дней, въ сихъ рощахъ и лугахъ
Минутны радости вкусила:
Любовь въ мечтахъ златыхъ мнѣ щастіе сулила;
Но что жь досталось мнѣ въ прекрасныхъ сихъ
мѣстахъ?
Могила!

XIV.

НАДГРОБІЕ РУССКОМУ МЛАДЕНЦУ,

УМЕРШЕМУ ВЪ НЕАПОЛѢ.

О Русской, милый гость изъ отческой земли!
Молю тебя, замѣть сей памятникъ безвѣстный:
Здѣсь матерь и отецъ надежду погребли;
Здѣсь я покоюся, младенецъ ихъ прелестный.
— — Имъ молви отъ меня: не сѣтуйте, друзья;
Моя завидна скоротечность:
Не знала жизни я,
А знаю вѣчность.

XV.
ЭПИТАФІЯ.

Не нужны надписи для камня моего;
Пишите просто здѣсь: *онъ былъ и нѣтъ его!*

XVI.
СРАВНЕНІЕ ДВУХЪ ПОЛКОВОДЦЕВЪ.

Какое сходство Клипъ съ Суворовымъ имѣлъ? —
Сей былъ бичемъ враговъ, а Клипъ всего робѣлъ.
Великій вождь вставалъ съ зарей для ранныхъ дѣлъ;
А Клипъ, лѣнивецъ нашъ, спалъ часто по недѣлѣ.
Все такъ! — да умеръ онъ какъ вождь сей... на
постелѣ!

XVII.
СТИХИ НА СМЕРТЬ ДАНИЛОВОЙ,
Танцовщицы Ст. Петербургскаго Императорскаго Театра (*).

Впорую Душеньку, или еще прекраснѣй,
Еще, еще опаснѣй,
Межь Терпсихориныхъ любимицъ усмотрѣвъ,
Венера не могла сокрыть жестокой гнѣвъ;
Съ мольбою къ Паркамъ приступила,
И насъ — *Даниловой* лишила.

(*) Она представляла *Психею* въ славномъ балетѣ: *Амуръ и Психея.*

XVIII.

МАДРИГАЛЪ МЕЛИНѢ,

КОТОРАЯ НАЗЫВАЛА СЕБЯ НИМФОЮ.

Ты Нимфа, Іо; нѣтъ сомнѣнья!
Но только... послѣ превращенья!

XIX.

НА КНИГУ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

СМѢСЬ.

Но чесни, это *слизь*:
Тутъ проза, и стихи, и авторская спесь.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ и ДОМОСѢДЪ.

Объѣхавъ свѣтъ кругомъ
Спокойный домосѣдъ, передъ моимъ камином
Сижу и думаю о томъ,
Какъ трудно быть своихъ привычекъ властели-
номъ;
Какъ трудно вѣкъ дожить на родинѣ своей
Тому, кто въ юности изъ края въ край носился,
Все видѣлъ, все узналъ; и что жъ? изъ-за морей
Ни лучше, ни умнѣй,
Подъ кровъ домашній воротился:
Поклонникъ суетнымъ мечтамъ
Онъ осужденъ искать ... чего, не знаетъ самъ!
О странникѣ такомъ скажу я повѣсть вамъ.

Два брата, Филалетъ и Клитъ, смиренно жили
Въ предмѣстіи Аѳинъ, подъ кровлею одной;
Въ довольствѣ? Не скажу; но съ бодрою душой
Встрѣчали день, и ночь спокойно проводили,
За тѣмъ, что по трудахъ всегда пріятенъ сонъ.
Вдругъ умеръ дядя ихъ, Аѳинской Гарпагонъ,
И братья-бѣдняки, о радость! получили

Не помню, сколько минъ монеты золотой,
Да кучу серебра: сосуды и амфоры
Отдѣлки масперской. —
Наслѣдственнымъ добромъ свои насытя взоры,
Такіе завели другъ съ другомъ разговоры:
Какъ думаешь своей казной расположить?
Клитъ спрашивалъ у брата;
А я, такъ домъ хочу купить,
И въ немъ тихохонько съ женою вѣкъ прожить
Подъ тѣнью отчаго Пената.
Землицы уголокъ не будетъ лишній намъ:
Отъ дѣтства я любилъ ходить за виноградомъ,
Водиться знаю съ стадомъ,
И дѣтямъ я мой плугъ въ наслѣдство передамъ;
А ты какъ думаешь? — О! я съ тобой несходенъ;
Я пресмыкаться не способенъ
Въ толпѣ гражданъ простыхъ,
И съ помощью наслѣдства,
Для дальнихъ замысловъ моихъ,
Благодаря богамъ, теперь имѣю средства! —
Чего же хочешь ты? — Я? ... славенъ быть хочу.
Но чѣмъ? — Какъ чѣмъ? — умомъ, дѣлами,
И краснорѣчьемъ и стихами
И мало ль чѣмъ еще? Я въ Мемфисъ полечу
Дѣлиться мудростью съ жрецами:
За чѣмъ сей созданъ міръ? кто правитъ имъ и какъ?
Гдѣ кончится земля? гдѣ гордый Нилъ родится?

За чѣмъ подъ пеленой сокрытъ Изиды зракъ,
За чѣмъ горящій Фебъ все къ западу спремится?
Какое щастье, милый брашъ!
Я буду въ мудрости соперникъ Пиѳагора!
Въ Аѳинахъ обо мнѣ тогда заговорятъ;
Въ Аѳинахъ? — что сказалъ! — отъ Нила до Босфора
Прославится твой брашъ, твой вѣрный Филалетъ!
Какое щастье! десять лѣтъ
Я спану ѣсть праву и нѣмъ какъ рыба буду;
Но краснорѣчья даръ конечно не забуду.
Ты знаешь, я всегда краснорѣчивъ бывалъ
И площадь нашу посѣщалъ
Не даромъ.
Не спану я моимъ превозноситься даромъ,
Какъ нашъ Алкивіадъ, оратоpъ слабыхъ женъ,
Или надутый Демосѳенъ
Кичася въ пурпурѣ предъ царскими послами:
Нѣтъ! нѣтъ! я каждаго полезными рѣчами
На площади градской намѣренъ просвѣщать.
Ты самъ, оставя плугъ, придешь меня внимать,
Съ народомъ шумные восторги раздѣляя
И слезы радости подъ мантіей скрывая,
Краснорѣчивѣйшимъ изъ Грековъ называть.
Ты обоймешь меня дрожащею рукою,
Когда (. повѣришь ли? Гликерія сама
На площади, съ толпою,
Меня провозгласитъ оракуломъ ума,

Ума, и можешь быть любезности.....,конечно:
Любезностью сердечной
Я буду нравиться и въ сорокъ лѣтъ еще.
Тогда Аѳиняне забудутъ Демосѳена
И Крапеса въ плащѣ
И бочку шута Діогена,
Которую, смотри....онъ катится мимо насъ!—
Прощай же, братецъ, въ добрый часъ!
Щастливаго пути къ премудрости желаю,—
Клитъ молвилъ краснобаю;
Я вижу, намъ тебя ничѣмъ не удержать!
Вздохнулъ, пожалъ плечьми, и къ городу опять
Пошелъ — домашній бытъ и домикъ снаряжать.—
А Филалетъ? Къ Пирею,
Чтобъ судно Тирское застать
И въ Мемфисъ полетѣть съ румяною зарею.
Признайся, онъ вздохнулъ, начавши Одиссею...
Но кто не пожалѣлъ объ отческой землѣ,
На долго разставаясь съ нею?...
Семь дней на кораблѣ,
Зѣвая,
Проказникъ нашъ сидѣлъ
И на море глядѣлъ,
Отъ скуки самъ съ собой въ полголосъ разсуждая:
Да гдѣ Тритоны всѣ? гдѣ спаи Нереидъ?
Гдѣ скрылися онѣ съ толпой Океанидъ?
Я ни одной не вижу въ морѣ?...

И не увидѣлъ ихъ. Но вѣтеръ свѣжій вскорѣ
Въ Египетъ странника принесъ;
Уже онъ въ Мемфисѣ, въ обителяхъ чудесъ;
Уже въ святилище премудрости вступаетъ,
Какъ мумія, сидитъ среди бородъ сѣдыхъ,
И десять дней зѣваетъ
За поученьемъ ихъ;
О жертвахъ каменной Изидѣ,
Объ Аписѣ-быкѣ, иль грозномъ Озиридѣ,
О псахъ Анубиса, о чеснокѣ святомъ,
Усердно славимомъ на Нилѣ,
О кровожадномъ крокодилѣ
И [illegible]о котѣ большомъ!..
Какія глупости! какое заблужденье!
Клянуся Поллуксомъ! нѣтъ слушать болѣ силъ!
Грекъ молвилъ, поперявъ и важность и терпѣнье,
Съ скамьи какъ бѣшеный вскочилъ,
И псу священному, о ужасъ! наступилъ
На божескую лапу....
Скорѣе въ руки посохъ, шляпу,
Скорѣй изъ Мемфиса бѣжать
Отъ гнѣва старцевъ разъяренныхъ,
Отъ крокодиловъ, псовъ и луковицъ священныхъ,
И между Грековъ просвѣщенныхъ
Любезной мудрости искать.
На первомъ кораблѣ онъ полетѣлъ въ Кротону.
Въ Кротонѣ бьетъ челомъ смиренно Агапону,

Мудрѣйшему изъ мудрецовъ,
Жестокому врагу и мяса и бобовъ —
(Ихъ въ гнѣвѣ Пиѳагоръ, его учитель славный,
Прокляпьемъ спрашнымъ поразилъ,
За пѣмъ, чпо у него желудокъ неисправный
Бобовъ и мяса не варилъ —).
— Ты мудроспи ко мнѣ, мой сынъ, пришелъ учипься?
У Грека спарецъ вопросилъ
Съ усмѣшкой хипрою; и шакъ, пропу садипься
И слушапь пѣнье Сферъ: пы слышишь? Ничего!
— А видишь ли въ девяпомъ мірѣ
Духовъ лепающихъ въ Эѳирѣ? —
"И менѣе пого! —
— Увидишь, попоспись пы года при, чепыре,
Да лѣпъ съ десяпокъ помолчи;
Тогда, мой сынъ, погда обнимешь бреннымъ взоромъ
Всѣ пайной мудроспи лучи;
Обнимешь, я шебѣ клянуся Пиѳагоромъ.... —
"Согласенъ, шакъ и быпь! —
Но Греку шупка ли и день не говоришь?...
А десяпь лѣпъ молчапь, молчапь, да все поспишься,
За чѣмъ? чпобъ мудрецомъ,
Съ морщиннымъ опъ поспа и мудроспи челомъ,
Въ Аѳины возвращишься?
"О нѣпъ!
(Чрезъ супки возопилъ голодный Филалепъ:)
Юпиперъ далъ мнѣ умъ съ разсудкомъ

Не для того, чтобъ я ходилъ съ пустымъ желудкомъ;
Я мудрости такой покорнѣйшій слуга;
Прощайте жь навсегда Кропонски берега!
Сказалъ, и къ Этнѣ путь направилъ;
За дѣломъ! чтобъ на ней узнать, за чѣмъ и какъ
Изношенный башмакъ
Философъ Эмпедоклъ предъ смертью тамъ оставилъ?
Узналъ, и съ вѣстью сей
Онъ въ Грецію скорѣй
Съ усталой опъ заботъ и праздности душою;
Повсюду гость среди людей,
Вездѣ за трапезой чужою,
Нашъ странникъ обходилъ
Поля, селенія и грады,
Но счастія не находилъ
Подъ небомъ щастливымъ Эллады.
Спѣша изъ края въ край, онъ игры посѣщалъ,
Забавы, зрѣлища, ристанья,
И даже прорицанья
Безъ вѣры вопрошалъ;
Но, хижину отцовъ не рѣдко вспоминалъ,
Въ ненастье по лѣсамъ бродя съ своей клюкою,
Какъ червемъ, тайною снѣдаемый тоскою.
При томъ же кошелекъ
У Грека спалъ легокъ;
А ночью, какъ онъ шелъ черезъ Лаконски горы —

*

Отбили у него
И остальное воры.
Щастливъ еще, что жизнь не отняли его!
Но жизнь безъ денегъ, что? мученье несперпимо!
Такъ думалъ Филалетъ,
Тащась полунагой въ степи необозримой.
Три раза солнца свѣтъ
Смѣнялся мракомъ ночи,
Но странника не зрѣли очи
Ни жила, ни стези: повсюду степь и степь,
Да горъ въ дали туманной цѣпь —
Илотовъ и воровъ ужасныя жилища.
Что дѣлать въ горѣ! что начать!
Придется умирать
Въ пустынѣ, одному, безъ помощи, безъ пищи.
Нѣтъ, боги, нѣтъ,
Терзая грудь вопилъ нещастный Филалетъ:
Я знаю, какъ покинуть свѣтъ!
Не стану голодомъ томиться!
И межь кустовъ рѣку завидя въ далекѣ,
Онъ бросился къ рѣкѣ,
Топиться!
Что, что ты дѣлаешь, слѣпецъ?
Нещастному вскричалъ Скептической мудрецъ,
Памфилъ сѣдобородой,
Который надъ водой любуяся природой,
Одинъ съ клюкой тихонько брелъ,

И, къ щастью, странника нашелъ
На краѣ гибельной напасти. —
Топишься хочешь ты? Согласенъ; но сперва
Повѣдай мнѣ, твоя спокойна ль голова?
Разсудокъ ли тебя влечетъ въ рѣку иль страсти?
Разсудокъ: но его что намъ вѣщаетъ гласъ?
Что жизнь и смерть равны для насъ.
Равны: такъ не за чѣмъ топиться.
Дай руку мнѣ, мой сынъ, и не стыдись учиться
У старца, чѣмъ мудрецъ здѣсь можетъ быть
щастливъ. —
Кто жить совѣтуетъ, всегда краснорѣчивъ:
И нашъ герой остался живъ.
Въ разсѣлинахъ скалы, висящей надъ водою,
Въ тѣни привѣтливой смоковницъ и оливъ,
Построенъ былъ шалашъ Памфиловой рукою,
Гдѣ старецъ десять лѣтъ
Провелъ въ молчаніи глубокомъ,
И въ вѣчность проницалъ своимъ орлинымъ окомъ,
Забывъ людей и свѣтъ.
Вотъ намъ-то ужинъ иль обѣдъ
Простой, но очень здравый,
Находитъ Филалетъ:
Орѣхи, жолуди и травы,
Большой сосудъ воды, и только. Боже мой!
Какъ сладостно искать для трапезы такой
Въ ушѣхахъ мудрости приправы!

И такъ въ томъ дива нѣтъ, что съ пустникомъ
Памфилъ
Объ Апараксіи (*) тотчасъ заговорилъ.
Все призракъ! подъ конецъ хозяинъ заключилъ:
Богатство, честь и власти,
Болѣзнь и нищета, несчастія и страсти,
И я, и ты, и цѣлый свѣтъ,
Все призракъ! — Сновидѣнье!
Со вздохомъ повторялъ унылый Филалетъ;
Но глядя на сухой обѣдъ
Вскричалъ: я голоденъ! — И это заблужденье,
Все грубыхъ чувствъ обманъ; не сомнѣвайся въ
томъ. —
Недѣлю попостясь съ брадатымъ мудрецомъ,
Нашъ призракъ Филалетъ рѣшился изъ пустыни
Отправиться въ Аѳины. —
Пора, пора блеснуть на площади умомъ!
Пора съ Философомъ разстаться,
Который насъ не даромъ научилъ,
Какъ жить и въ жизни сомнѣваться.
Услужливый Памфилъ
Монетъ съ десяток самъ бродягѣ предложилъ,
Котомкой съ желудьми сушоными ссудилъ,
И въ часъ румянаго разсвѣта
Самъ вывелъ по тропамъ излучистымъ Тайгета
На путь Аѳинскій, Филалета.

(*) Душевное спокойствіе.

Вотъ странникъ нашъ идетъ и день и ночь одинъ;
Проходитъ Арголиду,
Коринѳъ и Мегариду;
Вотъ Аттика, и вотъ дымъ сладостный Аѳинъ,
Керамикъ съ рощами... предмѣстія начало...
Тамъ... воды Иллиса!.. Въ немъ сердце задрожало:
Онъ Грекъ: что мудрено ль, что родину любилъ;
Что землю цѣловалъ съ горячими слезами,
Въ восторгѣ, внѣ себя, съ деревьями, съ домами,
Заговорилъ!...
Я самъ, друзья мои, дань сердца заплатилъ,
Когда, волненьями судьбины
Въ отчизну брошенный изъ дальныхъ странъ чужбины,
Увидѣлъ наконецъ Адмиралтейскій шпицъ,
Фонтанку, этотъ домъ... и сколько милыхъ лицъ,
Для сердца моего единственныхъ на свѣтѣ!
Я самъ... Но дѣло все теперь о Филалетѣ,
Который очутись на каѳедру спѣшитъ
И ждетъ опять денницы
На милой площади Аттической столицы.
Замѣтьте, милые друзья,
Что Греки снаряжать тогда войну хотѣли,
Съ какимъ царемъ, не помню я;
Но знаю только то, что риторы гремѣли,
Предвѣстники народныхъ бѣдъ;
Такъ рѣчью ихъ сразить желая Филалетъ,

Всѣхъ раньше на помостъ погибельный взмостился.
И вопъ блеснулъ Авроры свѣтъ,
А съ нимъ и шумъ дневный родился,
Народъ зашевелился.
Въ Аѳинахъ, какъ вездѣ, часъ упра, часъ суетъ.
На площадь побѣжалъ ремесленникъ, Поэтъ,
Поденьщикъ, говорунъ, съ товарами купчина,
Софистъ, Архонтъ и Фрина
Съ толпой невольницъ и Сиренъ,
И бочку прикатилъ насмѣшникъ Діогенъ;
На площадь всякъ идетъ для дѣла и безъ дѣла;
Нахлынули, вся площадь закипѣла.
Вы помните, бульваръ кипѣлъ въ Парижѣ такъ
Народа праздными толпами,
Когда по немъ леталъ съ нагайкою козакъ,
Иль сѣверный Амуръ съ колчаномъ и стрѣлами.
Такъ точно весь народъ толпился и жужжалъ
Передъ оратарскимъ амвономъ.
Знакъ данъ. Начинай! Рой шумный замолчалъ,
И Риторъ возвѣстилъ высокопарнымъ тономъ,
Что Аттикѣ война
Погибельна, вредна;
Потомъ — велерѣчиво, ясно,
По пальцамъ доказалъ, что въ мирѣ быть...
опасно. —
Что жь дѣлать? закричалъ съ досадою народъ. —
— Что дѣлать? сомнѣваться.

Сомнѣнье мудрости есть самый зрѣлый плодъ.
Я вамъ совѣтую, граждане, колебаться
И не мириться и не драться!...
Народъ всегда нетерпѣливъ.
Сперва нашъ краснобай услышалъ легкій ропотъ,
Шушуканье, а тамъ поближе громкій хохотъ,
А тамъ... Но онъ стоитъ уже ни мертвъ, ни живъ,
Разинувъ ротъ, потупивъ взгляды,
Мертвѣе во сто разъ, чѣмъ мертвецы баллады.
Еще проходитъ мигъ —
Ну что же? продолжай! Оракоръ все ни слова;
Отъ страха — гдѣ языкъ!
За то, какой въ толпѣ поднялся страшный крикъ!
Какая туча тамъ гопова!
На каѳедру летитъ градъ яблоковъ и фигъ,
И камни ужь свистятъ надъ жертвой...
И жалкій Филалетъ, избитый, полумертвой,
Съ ступени на ступень въ отчаяньи летитъ
И падаетъ безъ чувствъ подъ вѣрную защиту
Въ объятія отверсты... къ Клиту! —
И такъ тщеславнаго спасаетъ бѣдный Клитъ,
Простякъ, неграмотный, презрѣнный,
Въ Аѳинахъ дни влачитъ безъ славы осужденный!
Онъ, онъ, прижавъ его къ груди,
Нахальныхъ крикуновъ толкаетъ на пути,
Однимъ грозитъ, у тѣхъ пощады проситъ,

И брата своего, какъ старика Эней,
Къ порогу хижины своей
На раменахъ доноситъ.
Какъ брата въ хижинѣ лелѣетъ добрый Клитъ!
Не сводитъ глазъ съ него, съ нимъ сладко говоритъ,
Съ простымъ, но сильнымъ чувствомъ.
Предъ дружбой ничего и Гиппократъ съ искусствомъ!
Въ три дни страдалецъ нашъ оправился и всталъ
И брату кинулся на шею со слезами;
А братъ, гостей назвалъ
И жертву воскурилъ предъ отчими богами.
Весь домикъ въ суетахъ! жена и рой дѣтей
Веселыхъ, рѣзвыхъ и пригожихъ,
Во всемъ на мать свою похожихъ,
На пиршество несутъ для радостныхъ гостей
Простый, но щедрый даръ наслѣдственныхъ полей,
Румяное вино, янтарный медъ Гимета,
И чаша поднялась за здравье Филалета!
Пей, ѣшь и веселись нежданный сердца гостъ!
Всѣ гости за одно съ хозяиномъ вскричали;
И что же? Филалетъ, забывъ народа злость,
Бѣды, проказы и печали,
За чашей круговой опять заговорилъ,
Въ воспоргѣ, о тебѣ, великолѣпный Нилъ!
А дней черезъ пяток, не болѣ,
Наскуча видѣть все одно и то же поле,
Все тѣ же лица всякой день,

Нашъ Грекъ, повѣрившись, какъ въ клѣткѣ спосковался!

Онъ началъ по лѣсамъ прогуливать ужь лѣнь,
На горы ближнія взбираться,
Бродитъ всю ночь, весь день шататься;
Попомъ, Аѳины спалъ тихонько посѣщать,
На милой площади опять
Зѣвать,
Съ Софистами о томъ, объ этомъ толковать;
Попомъ... провѣдавъ онъ опъ спарыхъ грамотѣевъ,
Что въ мірѣ есть страна,
Гдѣ вѣчно царствуетъ весна,
За розами побрелъ — въ снѣга Гиперборeевъ.
Напрасно Клитъ съ женой ему кричали въ слѣдъ
Съ домашняго порога:
Братъ милый, воротись, мы просимъ, ради Бога!
Чего тебѣ искать въ чужбинѣ? новыхъ бѣдъ?
Откройся, что тебѣ въ отечествѣ не мило?
Иль дружество тебя, жестокій, огорчило?
Останься, милый братъ! останься, Филалетъ!
Напрасныя слова. — Чудакъ не воротился —
Рукой махнулъ... и скрылся.

Батюшковъ.

Аглаія, ежемѣсячное изданіе. Спб. (М. 1815), стр. 75—91.

ПОДРАЖАНІЕ АРІОСТУ.

(La Virginella è simile alla rosa.)

Дѣвица юная подобна розѣ нѣжной,
Взлелѣянной весной подъ сѣнію надежной:
Ни спадо алчное, ни взоры пастуховъ
Не знаютъ тайнаго сокровища луговъ;
Но вѣтеръ сладостный, но рощи благовонны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

К. Батюшковъ

С. От. на 1826 г., стр. 63, тетати

КЪ МАШѢ.

О! радуйся, мой другъ, прекрасная Марія!
Ты прелестней полна, любови и ума.
Съ тобою Граціи, ты Грація сама.
Пусть Парки ввѣкъ прядутъ тебѣ часы златыя.
Амуръ тебя благословилъ!
А я — какъ Ангелъ говорилъ.

Z.
В. Е. 1810 г. 49 № 9, с. 286

В.С.

ИЗЪ АНТОЛОГІИ.

Сопъ меда съ молокомъ —
И Маинъ сынъ тебѣ на долго благосклоненъ!
Алкидъ не такъ-то скроменъ:
Дай двѣ ему овцы, дай козу и съ козломъ;
Тогда онъ на овецъ прольетъ благословенье
И въ снѣдь не даспъ волкамъ!
»Храню къ богамъ почтенье;
А стада не отдамъ
На жертвоприношенье — — —
Скажите: что за честь,
Когда не волкъ его, Алкидъ изволитъ съѣсть?«

В. С. Вѣст. ч. 52, №14, с. 124.

НА СМЕРТЬ ЛАУРЫ.

(Изъ Петрарка *).

Колонна гордая! о лавръ вѣчно-зеленый!
Ты палъ! — и я на вѣкъ лишенъ твоихъ прохладъ!
Ни тамъ, гдѣ Индъ живетъ лучами опаленный,
Ни въ хладномъ Сѣверѣ для сердца нѣтъ отрадъ!...
Все смерть похитила, все алчная пожрала,
Сокровище души, покой и радость съ нимъ!
А ты, земля, во вѣкъ корысть не возвращала,
И мертвый нѣмъ лежитъ подъ камнемъ гробовымъ!
Все тщетно предъ тобой, и власть и волхованье;
Таковъ Судьбы завѣтъ!...Почто жь мнѣ долѣ жить?...
Увы! Чтобъ повторять въ часъ полночи рыданья
И слезы вѣчныя на хладный камень лить!
Какъ сладко, жизнь, твое для смертныхъ обольщенье!
Я въ будущемъ мое блаженство основалъ;
Тамъ приснань видѣлъ я, покой и упѣшенье,
И — все съ Лаурою въ минуту потерялъ!

(*) Сонетъ: Rotta è l'altra colonna e'l verde lauro.

ИЗРЕЧЕНІЕ МЕЛЬХИСЕДЕКА.

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
За чѣмъ онъ шелъ долиной скорбной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ РЕЙНЪ.

1814.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ РЕЙНЪ.

Межь шѣмъ, какъ воины вдоль идутъ по полямъ,
Завидя вдалекѣ швои, о Реинъ, волны,
Мой конь, веселья полный,
Опъ спроя опдѣлясь, спремится къ берегамъ;
На крыльяхъ жажды прилетаетъ,
Глопаетъ хладную спрую,
И грудь успалую въ бою
Желанной влагой обновляетъ...

О радосшь! я спою при Реинскихъ водахъ!
И жадные съ холмовъ въ окресшносшь брося взоры,
Привѣшствую поля и горы,
И замки рыцарей въ шуманныхъ облакахъ,
И всю спрану, обильну славой,
Воспоминаньемъ древнихъ дней,
Гдѣ съ Альповъ, вѣчною спруей
Ты льешься, Реинъ величавой!

Свидѣшель древносши, собышій всѣхъ временъ,
О Реинъ, шы поилъ несчешны легіоны,
Мечемъ писавшіе законы

Для гордыхъ Германа кочующихъ племенъ;
Любимецъ щастья, бичь свободы,
Здѣсь Кесарь бился, побѣждалъ,
И конь его переплывалъ
Твои священны, Реинъ, воды.

Вѣка мелькнули: міръ Крестомъ преображенъ;
Любовь и честь въ душахъ суровыхъ пробудились.—
Здѣсь витязи вооружились
Копьемъ за жизнь сиропъ, за честь прелестныхъ женъ;
Тутъ совершались ихъ турниры,
Тутъ бились храбрые — и здѣсь
Не умеръ, мнится, и поднесь
Звукъ сладкой Трубадуровъ лиры.

Такъ, здѣсь подъ тѣнію смоковницъ и дубовъ,
При шумѣ сладостномъ нагорныхъ водопадовъ,
Въ тѣни цвѣтущихъ селъ и градовъ
Воспоргъ живетъ еще средь избранныхъ сыновъ.
Здѣсь все питаетъ вдохновенье:
Простые нравы праотцовъ,
Святая къ родинѣ любовь
И праздной роскоши презрѣнье.

Все, все, и видъ полей, и видъ священныхъ водъ,
Туманной древности и Бардамъ современныхъ,

Для чувствъ и мыслей дерзновенныхъ
И силу новую и крылья придаетъ.
Свободны, горды, полудики,
Природы вѣрные жрецы,
Тевтонски пѣли здѣсь пѣвцы.....
И смолкли ихъ волшебны лики.

Ты самъ, родитель водъ, свидѣтель всѣхъ временъ,
Ты самъ, до нашихъ дней, спокойный, величавый,
Съ паденіемъ народной славы,
Склонилъ чело, увы! познавъ и стыдъ и плѣнъ...
Давно ли брегъ твой подъ орлами
Аттилы новаго стенялъ,
И ты, — уныло протекалъ
Между враждебными полками?

Давно ли земледѣлъ, вдоль красныхъ береговъ,
Средь виноградниковъ завѣтныхъ и священныхъ,
Полки встрѣчалъ иноплеменныхъ
И ненавистный взоръ Заренискихъ сыновъ?
Давно ль они, кичася пили
Вино изъ синихъ хрусталей,
И кони ихъ, среди полей
И зрѣлыхъ нивъ твоихъ бродили?

И часъ судьбы насталъ! Мы здѣсь, сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы съ свободой и съ громами,

Стеклись съ морей покрытыхъ льдами,
Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валовъ,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала!...

Стеклись, нагрянули, за честь твоихъ гражданъ,
За честь твердынь и селъ и нивъ опустошенныхъ,
И береговъ благословенныхъ,
Гдѣ расцвѣло въ тиши блаженство Россіянъ;
Гдѣ Ангелъ мирный, свѣтозарный,
Для странъ полуночи рожденъ
И Провидѣньемъ обреченъ
Царю, отчизнѣ благодарной.

Мы здѣсь, о Рейнъ, здѣсь! ты видишь блескъ мечей!
Ты слышишь шумъ полковъ, и новыхъ коней ржанье,
Ура побѣды и взыванье
Идущихъ, скачущихъ къ тебѣ богатырей.
Взвивая къ небу прахъ летучій,
По трупамъ вражескимъ летятъ,
И вотъ — коней лихихъ поятъ,
Кругомъ заставя долъ зыбучій.

Какой чудесный пиръ для слуха и очей!
Здѣсь пушекъ свѣтла мѣдь сіяетъ за конями,
И ружья длинными рядами,
И спяги древніе средь копій и мечей;
Тамъ шлемы воевъ оперенны,
Тяжелой конницы строи,
И легкихъ всадниковъ рои —
Въ пекучей влагѣ опраженны;

Тамъ слышенъ спукъ сѣкиръ, и палъ угрюмый лѣсъ —
Костры надъ Рейномъ дымятся и пылаютъ,
И чаши радости сверкаютъ,
И клики воиновъ восходятъ до небесъ!
Тамъ рапникъ рапника объемлетъ;
Тамъ точитъ пѣшій шпыкъ спальной;
И конный грозною рукой
Крылатый дротикъ свой колеблетъ;

Тамъ всадникъ, опершись на свѣтлу спаль копья,
Задумчивъ и одинъ, на берегѣ высокомъ
Стоитъ, и жаднымъ ловитъ окомъ
Рѣки излучистой послѣдніе края.
Быть можетъ, онъ воспоминаетъ
Рѣку своихъ родимыхъ мѣстъ —
И на груди свой мѣдный крестъ
Невольно къ сердцу прижимаетъ...

Но шамъ гоповишся, по манію вождей,
Безкровный жершвенникъ средь гибельныхъ професвъ,
И Богу сильныхъ Маккавеевъ
Колѣнопреклоненъ служишель олшарей:
Его, шумя, прiосѣняешъ
Знаменъ оишизны грозный лѣсъ,
И солнце юное съ небесъ
Олшарь сіяньемъ осыпаешъ.

Всѣ крики бранные умолкли, и въ рядахъ
Благоговѣніе внезапу воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь и рашники чело склонили въ прахъ:
Поюшъ Владыкѣ вышней силы,
Тебѣ, Подашелю побѣдъ,
Тебѣ, незаходимый Свѣшъ!
Дымяшся мирные кадилы.

И се подвигнулись — валишъ за спроемъ спрой!
Какъ море шумное, волнуешся все войско,
И эхо вшоришъ кликъ геройской,
Досель неслышанный, о Реинъ, надъ шобой!
Твой спонешъ брегъ госпеприимной,
И мосшъ подъ воями дрожишъ!
И врагъ, завидя ихъ, бѣжишъ —
Опъ глазъ вдали шеряясь дымной!..

О

ГРЕЧЕСКОЙ

АНТОЛОГІИ.

Мы надѣемся, что любителямъ Отечественной Словесности пріятно будетъ найти здѣсь помѣщеннымъ маленькое, вышедшее въ 1820 году въ весьма не многомъ числѣ экземпляровъ, сочиненіе *о Греческой Антологіи:* въ немъ стихи принадлежатъ Батюшкову и, можетъ быть, лучшіе, какіе онъ написалъ, а объясненіе, равно какъ и все изданіе, приписываютъ нѣкоторымъ молодымъ Литераторамъ, соединеннымъ дружбою и любовью къ просвѣщенію, нынѣ занимающимъ важныя должности на поприщѣ Государственной службы.

О ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГІИ.

Въ числѣ несмѣтныхъ сокровищъ Древней Литературы, до нынѣ у насъ неприкосновенныхъ, находится богатая руда Греческой Антологіи. Подъ именемъ Антологіи разумѣемъ мы собраніе мелкихъ стихотвореній, включая въ сіе число надписи и лирическіе отрывки. Собраніе сіе содержитъ всѣ эпохи Греческой Поэзіи. Оно огромно: но кто бы не пожелалъ, что бы оно было еще огромнѣе? Если все, что означаетъ нравственное бытіе народа, занимавшаго первое мѣсто въ мірѣ, имѣетъ право на наше любопытство: то Антологія должна почитаться драгоцѣннѣйшимъ памятникомъ. Посредствомъ Антологіи, мы становимся современниками Грековъ, мы раздѣляемъ ихъ страсти, мы открываемъ даже слѣды тѣхъ быстрыхъ, мгновенныхъ впечатлѣ-

ній, которые, какъ слѣды на пескѣ въ развали-нахъ Геркуланума, заставляютъ насъ забывать, что двѣ тысячи лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ Древнихъ. Посредствомъ Антологіи участвуемъ въ празднествахъ, въ играхъ, слѣдуемъ за гражда-нами на площадь, въ театръ, во внутренность домовъ: однимъ словомъ, мы съ ними дышемъ, живемъ. Самая глубокая ученость едва ли можетъ составить изъ осколковъ Греціи слабое изобра-женіе гражданской жизни древнихъ. Здѣсь откры-вается намъ богатая и блистательная картина, представляющая въ цвѣтѣ жизни, въ полной юности, сей чудесный народъ, котораго благо-творная Природа надѣлила всѣми совершенствами ума, всѣми прелестями красоты и вкуса.

Не мы одни, Русскіе, мало занимались Анто-логіею. Въ Германіи, въ сей колыбели Филологіи, прежде Гердера никто не помышлялъ о красотахъ и достоинствѣ оной. Здравая критика возникла не болѣе пятидесяти лѣтъ, и только съ сего времени сдѣлалась любимымъ предметомъ лучшихъ Нѣмецкихъ Филологовъ. Французскіе Литераторы и Ученые, — выключая не многихъ, — оставили Антологію почти безъ вниманія. Мы знаемъ нѣ-сколько подражаній Вольтера (мастерски перева-денныхъ Дмитріевымъ); но вообще сей изобиль-ный источникъ Поэзіи и по нынѣ въ неизвѣстно-

сти или въ небреженіи. Виною сего полагаю великое затрудненіе въ самомъ чтеніи Антологіи. Она требуетъ необыкновеннаго знанія Греческаго языка. Разнообразность діалектовъ, гибкость въ выраженіяхъ и оборотахъ — и самая неисправность печатнаго текста — препятствовали узнать въ совершенствѣ сіе прекрасное произведеніе. Поэты, желавшіе подражать красотамъ Антологіи, чувствовали, сколь опасна борьба съ Греками (переводить ее въ прозѣ и помышлять не должно!). Французы, лишенные риѳмической просодіи, должны были довольствоваться подражаніемъ. Нѣмцы старались всѣми силами перенесть въ языкъ свой метрическія формы Древнихъ: переводы Гердера и Якобса вѣрны, но, можетъ быть, не довольно гибки, не довольно игривы. Желая познакомить Читателей нашихъ съ Антологіею, предлагаемъ здѣсь переводъ нѣкоторыхъ эпиграммъ; переводъ вольный, но, по мнѣнію нашему, напоминающій подлинникъ.

Надобно объяснить съ точностію то, что Греки понимали подъ словомъ *Эпиграмма*. Мы называемъ эпиграммою краткіе стихи сатирическаго содержанія, кончащіеся острымъ словомъ, укоризною, или шуткою. Древніе давали сему слову другое значеніе. У нихъ каждая небольшая піеса, размѣромъ элегическимъ писанная, (т. е. гекзаме-

тромъ и пентаметромъ), называлась эпиграммою. Ей все служитъ предметомъ: она, то поучаетъ, то шутитъ, и почти всегда дышетъ любовію. Часто, она не что иное, какъ мгновенная мысль, или быстрое чувство, рожденное красотами Природы или памятниками художества. Иногда Греческая эпиграмма полна и совершенна: иногда небрежна и некончена... какъ звукъ, въ дали исчезающій. Она почти никогда не заключается разительною, острою мыслію, и, чѣмъ древнѣе, тѣмъ проще. Этотъ родъ Поэзіи украшалъ и пиры и гробницы. — Напоминая о ничтожности мимоидущей жизни, эпиграмма твердила: смертный, лови мигъ улетающій! рѣзвилась съ Лаисою, и улыбаясь кротко и незлобно, слегка уязвляла невѣжество и глупость. Испанный Протей, она принимаетъ всѣ виды; и когда мы, къ ея плѣнительной живости, прибавимъ неизъяснимую прелесть совершеннѣйшаго языка въ мірѣ, языка обработаннаго превосходнѣйшими Писателями: тогда только можемъ имѣть понятіе ясное и точное, съ какимъ восхищеніемъ, съ какою радостію, любитель Древности перечитываетъ Греческую Антологію.

Но, дабы почувствовать въ полной мѣрѣ сіи красоты нѣжныя, тонкія, и, такъ сказать, убѣгающія, необходимо нужно знать не только языкъ

Греческій, но должно вникнуть глубоко въ самый геній сего народа, единственнаго во всѣхъ отношеніяхъ.

Сіе сочетаніе ума и воображенія, столь гибкаго и богатаго, съ природою Юга, столь роскошною и изобильною, должно обратить на себя все вниманіе наше.

Поэзія Древнихъ объясняется небомъ, землею и моремъ Италіи и Греціи. Мы, жители Сѣвера, посредствомъ сильнаго напряженія ума, а не быстраго чувства, постигаемъ тѣ пламенныя впечатлѣнія, которыя Природа производитъ на Югѣ... И можемъ ли мы вполнѣ постигнуть сіе благоговѣніе къ солнцу, сіе страстное желаніе прохлады, свѣжести, ночи? сіе сожалѣніе о лѣтахъ юности, въ землѣ столь счастливой, сію любовь къ наслажденіямъ, сіе искреннее восхищеніе при видѣ красоты; сіе чувство, коимъ Греки одарили и цвѣты и растѣнія; однимъ словомъ, сіе дивное согласіе между всѣми существами міра, отъ кого и бездушная природа пріемлетъ движеніе и жизнь? Древніе ограничивались внѣшними окружающими ихъ предметами и пренебрегали вносить свѣтильникъ опыта въ мрачную глубину души человѣческой: все призывало ихъ ко внѣшнимъ предметамъ Природы благотворной. Насъ, напротивъ того, все отталкиваетъ отъ нихъ, все принуж-

дается обращать вниманіе на самихъ себя. Для Древнихъ жизнь была *все:* для насъ самая жизнь есть только переходъ къ другому, совершеннѣйшему бытію. Они устремляли неизмѣримую силу своего генія на кратковременное поприще настоящаго: насъ, можетъ быть пронивъ воли, сердце увлекаетъ въ невидимый, но извѣстный край, *гдѣ другое солнце, другое небо* насъ ожидаютъ. Поэзія Древнихъ, при возвышенномъ своемъ полетѣ, не могла выступить за предѣлы ихъ гражданской жизни. Въ новѣйшихъ временахъ, все, что носитъ печать Поэзіи, принадлежитъ къ такому высокому порядку вещей, что самая Поэзія паритъ и теряется въ области безконечнаго.

Сіе опасупленіе отъ главнаго предмета не совсѣмъ безполезно: ибо необходимо нужно объяснить прежде всего, чѣмъ именно Поэзія Древнихъ различествуетъ отъ нашей. Кто не имѣетъ яснаго понятія о семъ различіи, тотъ не долженъ мечтать, что имѣетъ ключь къ сокровищамъ Словесности Древнихъ. Въ особенности Антологія потеряетъ всю свою цѣну, если мы не станемъ смотрѣть на нее глазами Древнихъ. Чѣмъ вѣрнѣе и ближе она изображаетъ всѣ подробности ихъ нравственнаго бытія, тѣмъ болѣе она требуетъ вѣрнаго и опытнаго взгляда. Если Исторія народа не ограничивается повѣствованіемъ о вой-

нахъ или родословною владѣльцевъ; если народный духъ, обычаи, нравы, составляютъ драгоцѣннѣйшую часть историческихъ преданій: то можно смѣло сказать, что безъ Антологіи и Аристофана мы не знали бы Грековъ, и многое у нихъ осталось бы вѣчною загадкою.

Упоминая здѣсь объ Аристофанѣ, почитаю нужнымъ представить мои мысли: по чему Древніе такъ часто нарушали законы благопристойности и оскорбляли стыдливый слухъ? Давно уже почитаютъ Аристофана самымъ необузданнымъ Сатирикомъ. Онъ конечно заслужилъ сіе нареканіе; но сужденіе это не должно быть ограничено и рѣзко. Точное понятіе о Комикѣ Аттическомъ прольетъ нѣкоторый свѣтъ на самую Антологію. Замѣтимъ одну странность: Греки не писали для женщинъ, но были скромнѣе въ мысляхъ и выраженіяхъ, чѣмъ новѣйшіе писатели, коихъ творенія читаются и тѣмъ и другимъ поломъ. Я не хочу утверждать, чтобы нѣсколько эпиграммъ въ Антологіи и большая часть комедій Аристофановыхъ не отличались необузданною свободою; но нагота въ Антологіи, особливо въ Аристофанѣ, походитъ на наготу Греческихъ статуй: она не возбуждаетъ чувства. Привычка называть всѣ вещи, всѣ предметы, настоящимъ и естественнымъ ихъ именемъ, притупляетъ вооб-

раженіе. Сія грубость можетъ даже соединиться съ нѣкоторымъ просвѣщеніемъ, совершенно противнымъ нашему искусству выражать все полусловами, и развращать сердце, не оскорбляя слуха и вкуса. Въ Аристофанѣ мы видимъ безпечную наготу дикаря; мы видимъ Опанину,

Où l'amour sans pudeur n'est pas sans innocence!

Слишкомъ утонченное просвѣщеніе и грубое первоначальное невѣжество дикихъ, часто походятъ другъ на друга, и, почти равны относительно къ законамъ строгой нравственности. Но кто не коротко знакомъ съ Греками, тотъ конечно съ удивленіемъ замѣтитъ, что они, посреди самыхъ отвратительныхъ заблужденій чувственности, сохранили весь свой аттицизмъ, и, если смѣю сказать, всю свою *грацію*. Не льзя и думать безъ удивленія, что постыдный порокъ — которому дали они свое имя — не только не внушалъ имъ словъ грубыхъ, но внушалъ самыя нѣжныя и красивыя выраженія. Короче: сладострастная Поэзія Грековъ походитъ на нашу, какъ пламенныя наслажденія Аплета на прихоти изнеможеннаго Сибарита.

Слѣдующій отрывокъ изъ Гераклида Понтійскаго показываетъ намъ въ нравахъ Аѳинянъ самое странное сочетаніе силы и слабости, роско-

ши, любви къ наслажденіямъ, и твердости духа. Вопреки общему мнѣнію, поставляющему бѣдность, строгость нравовъ и умѣренность, основаніемъ каждаго республиканскаго правленія, Гераклидъ приписываетъ роскоши и сладострастію Аѳинянъ, ихъ могущество и храбрость. »Цари и владѣльцы,« говоритъ онъ, »располагающіе всѣми благами жизни и узнавшіе ихъ по собственному опыту, предпочитаютъ роскошь: ибо ею возвышается духъ. Предающіеся нѣгѣ и сладострастію всегда великодушны и великолѣпны, такъ напримѣръ, Персы и Меды. Болѣе всѣхъ они любятъ ушѣхи и суть храбрѣйшіе изъ варваровъ. Наслаждаться и жить роскошно: вотъ удѣлъ свободныхъ! ибо наслажденіе даетъ уму ясность и благородство. Трудиться должны одни рабы: отъ того и способности душевныя стѣсняются въ нихъ природою. Аѳины, утопая въ сладострастіи, процвѣтали и производили мужей великихъ. Подъ длинными пурпуровыми мантіями, въ позлащенныхъ и пестрыхъ одеждахъ, Аѳиняне являлись на площади. Они связывали волоса свои на шемѣ и украшали ихъ золотыми цикадами. Рабы носили складныя кресла, чтобы господа ихъ не были принуждены отдыхать на жесткомъ мѣстѣ. Вотъ каковы были побѣдители при Марафонѣ и рушители всѣхъ силъ Азіи!«

Можно не согласиться съ теоріею Гераклида; но признаться должно, что сей отрывокъ драгоцѣненъ въ отношеніи къ жизни Грековъ, которая намъ еще до сихъ поръ несовершенно извѣстна. Герои Марафона изнѣженные и роскошные! — Какая странность! — Размышляя о свойствѣ Грековъ, мы всегда поражаемся неожиданными противоположностями. Чтобъ узнать ихъ характеръ, надобно долго наблюдать за ними: надобно учиться Исторіи ихъ, не столько въ Дѣописателяхъ, сколько въ Поэтахъ.

Исторія Антологіи извѣстна. Ученые знаютъ Мелеагра Сирійскаго, Константина Кефаласа и монаха Плануда. Между новѣйшими критиками никто не трудился надъ нею столь прилѣжно, какъ Г. Якобсъ въ Готѣ. Онъ издалъ лучшіе до нынѣ комментаріи съ новымъ изданіемъ Аналектовъ Брунка, и сверхъ того напечаталъ вѣрный списокъ съ такъ называемой *Палатинской рукописи*, изъ Гейдельберга въ Римъ, изъ Рима въ Парижъ, а теперь изъ Парижа обратно въ Гейдельбергъ перенесенной. Печатныя изданія Антологіи многочисленны; первое явилось во Флоренціи въ 1494 году. Расположеніе эпиграммъ въ сихъ изданіяхъ не одинаково. Приводя ихъ, я стану держаться порядка Аналектовъ Брунка: ибо сіе изданіе болѣе извѣстно любителямъ Словесности.

Произведеніями Мелеагра Гадарскаго открывается Антологія. Онъ имѣетъ на сіе преимущество какъ Поэтъ и первый ея собиратель. Мелеагръ жилъ во время послѣдняго изъ рода Селевкидовъ, вступившаго на престолъ въ 3 годъ 170 Олимпіады. Въ его стихахъ единогласно находятъ чистоту, красивость и смѣлость въ выраженіяхъ, рѣдкую чувствительность и воображеніе пылкое. Вотъ какимъ образомъ оплакиваетъ онъ смерть любовницы:

Въ обители нечтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слезъ,
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,
И горесть, какъ ты, минутныхъ розъ.
Ахъ! тщетно все! Изъ вѣчной сѣни
Ни чѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни;
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе; все хладно, все молчитъ;
Надгробный факелъ мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что вы сдѣлали властители небесъ?
Скажите, что краса такъ рано погибаетъ!
Но ты, о мать — земля! съ сей данью горькихъ слезъ,
Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими, и успокой въ гостепріимной сѣни!

Эта эпиграмма Мелеагра написана въ строгомъ и чистомъ вкусѣ Древности: или онъ того, что Поэтъ съ намѣреніемъ слѣдовалъ примѣру Древнихъ, или потому, что языкъ истиннаго

чувства самъ собою принимаетъ видъ проспоты непритворной. Въ Поэзіи Древнихъ голосъ сердечной чувствительности поражаетъ насъ, какъ унылый звукъ посреди игривой и очаровательной музыки. Но у нихъ любовь чаще, нежели думаютъ, находитъ языкъ глубокой страсти и плѣнительной нѣжности. Приведемъ въ примѣръ эпиграмму Асклепіада Самосскаго, современника Теокритова; но о которомъ мы болѣе ничего не знаемъ.

Свидѣтели любви и горести моей,
О розы юныя, слезами омоченны!
Красуйтеся въ вѣнкахъ надъ хижиной смиренной,
Гдѣ милая таится отъ очей.
Помедлите вѣнки! еще не увядайте!
Но если явится: пролейте на нее
Все благовоніе свое,
И локоны ея слезами напитайте;
Пусть остановится въ раздумьѣ, и вздохнетъ.
А вы цвѣты благоухайте,
И милой локоны слезами напитайте!

Вотъ одна изъ прелестнѣйшихъ эпиграммъ во всей Антологіи! Ни что не можетъ сравниться съ очаровательными стихами подлинника. Повторимъ еще сказанное нами. Греки никогда не старались заострить конецъ эпиграммы. Всѣ предметы художествъ, всѣ явленія Природы, всѣ случаи гражданской жизни могли служить поводомъ

къ надписи. Иногда находимъ въ Антологіи картину безъ фигуръ (Tableau de genre), гдѣ Поэтъ, какъ живописецъ, изображаетъ нѣкоторыя мѣлкія подробности: но изображаетъ ихъ мастерскою кистію. Приведемъ для примѣра эпиграмму Гедила. Поэтъ входитъ въ великолѣпный чертогъ, видитъ остатки пиршества, осушенныя чаши, догарающіе свѣтильники, разбросанную одежду и цвѣты; повсюду слѣды веселія и роскоши; кругомъ глубокое молчаніе...

Свершилось: Никагоръ и пламенный Эротъ
За чашей Вакховой Аглаю побѣдили...
О радость! Здѣсь они сей поясъ разрѣшили,
Стыдливости дѣвической оплотъ.
Вы видите: кругомъ разсѣяны небрежно
Одежды пышныя надменной красоты;
Покровы легкіе изъ дымки бѣлоснѣжной,
И обувь спройная и свѣжіе цвѣты:
Здѣсь всѣ развалины роскошнаго убора,
Свидѣтели любви и счастья Никагора!

Гедилова жизнь мало извѣстна. Знаемъ только, что онъ жилъ въ царствованіе Птоломея Филадельфа; Древніе полагали, что онъ родился въ Аѳинахъ или въ Самосѣ. Собиратели Антологіи не заботились оставить намъ біографическихъ свѣдѣній о Стихотворцахъ, полагая конечно, что жизнь Поэта вся въ стихахъ его. Такъ напримѣръ,

находимъ мы въ Антологіи нѣсколько Антипаперовъ, и не можемъ отличить одного отъ другаго. Не льзя даже отдѣлить того, что принадлежитъ Антипатеру Сидонскому, отъ того, что писалъ Антипатеръ Ѳессалонійскій. Подъ именемъ перваго находится прелестная надпись, которую Якобсъ называетъ suave carmen.

ЯВОРЪ КЪ ПРОХОЖЕМУ.

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
Какъ любитъ мой полуисплѣвшій пень!
Я нѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь;
Завялъ; но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,
И пепелъ твой любилъ, оставшись на земли.

Другая надпись того же Антипатера заслуживаетъ здѣсь мѣсто по необыкновенному великолѣпію и живости красокъ. Она написана на разореніе Коринѳа Консуломъ Мумміемъ (отъ основ. Рима въ 609 году). Поэтъ предполагаетъ, что Нереиды, дочери Океана, сѣтуя на развалинахъ величественнаго Коринѳа, поютъ:

Гдѣ слава, гдѣ краса, источникъ золъ твоихъ?
Гдѣ сильны мужья и граждане счастливы?
Гдѣ зданья пышныя и храмы горделивы,

Мусія, золото, сіяющіе въ нихъ?
Увы! погибъ на вѣкъ Коринѳъ сполновѣнчанный!
И самый пепелъ ихъ развѣянъ по полямъ.
Все пусто: мы одни взываемъ здѣсь къ богамъ,
И стонетъ Алкіонъ одинъ, въ дали шуманной!

У Древнихъ божества морскія имѣли свойство мягкосердія и сострадательности. Въ трагедіи Есхиловой, Океаниды упѣшаютъ Промѳѳя, прикованнаго къ вершинѣ Кавказа. Любители Поэзіи, читая сей отрывокъ, вспомнятъ плачь Пророка на развалинахъ опустошеннаго Тира; они вспомнятъ также, что по разореніи Коринѳа, Муммій нашелъ отрока, который сказалъ ему нѣсколько стиховъ изъ Омера. Смыслъ сихъ стиховъ былъ: блаженъ тотъ, кто въ могилѣ!

Въ послѣднемъ стихѣ эпиграммы Антипатеровой сказано: σῶν ἀχέων ἀλκυόνες, что въ буквальномъ переводѣ значитъ: *мы* (Нереиды), *Алкіоны твоей горести*. Трудно было сохранить такое выраженіе, и самая мысль, кажется мнѣ, далека отъ натуры. Знаю, какъ опасно подчинять строгимъ и мѣлкимъ правиламъ нашего вкуса совершенную свободу Древнихъ; но въ этомъ случаѣ отступленіе позволительно. Сѣтующій Алкіонъ (въ естественномъ смыслѣ), кажется намъ, трогательнѣе холодной метафоры. Видъ моря, берегъ, загроможденный развалинами, бывшими нѣкогда Коринѳомъ

(et campus ubi Troja fuit), мертвое молчаніе, изрѣдка прерываемое спенаніемъ Алкіона: вся сія картина болѣе прогаетъ, болѣе поражаетъ, нежели метафора неожиданная, и, повторю еще, холодная.

Имена сочинителей большей части эпиграммъ совершенно неизвѣстны, и къ симъ безъимяннымъ принадлежатъ эпитафіи, надписи, стихи на случаи историческіе и проч. Нѣкоторые имѣютъ видъ разговора; въ слогѣ ихъ легкость, краткость и быстрота неподражаемая! Вотъ одна изъ оныхъ. Разговоръ, на улицѣ, молодаго человѣка съ дѣвушкою не строгихъ нравовъ:

Куда красавица? — За дѣломъ, не узнаешь. —
Могу ль надѣяться? — Чего? — Ты понимаешь. —
Не время. — Но взгляни: вотъ золото, считай. —
Не болѣ? шутишь! такъ прощай.

Я съ намѣреніемъ оставилъ для заключенія сей статьи одного изъ новѣйшихъ и, можетъ быть, изъ лучшихъ Стихотворцевъ Антологіи: Павла Силенціарія. Полагаютъ, что онъ жилъ въ седьмомъ вѣкѣ по Рож. Хр. Византійскіе Историки пишутъ, что онъ происходилъ изъ богатаго и знатнаго рода. Стихи его свидѣтельствуютъ, что онъ имѣлъ рѣдкое дарованіе, пламенное воображеніе, глубокую чувствительность, и былъ на-

пишанъ чтеніемъ древнихъ писателей. Любопытно отличать въ его стихахъ древнія мысли отъ новѣйшихъ. Павелъ, рожденный и воспитанный въ Христіанствѣ, долженъ былъ сохранить въ душѣ своей неизгладимую печать Религіи; но поэзія его болѣе принадлежитъ къ роду Поэзіи Древнихъ; всѣ ихъ формы строго соблюдены. Иногда вамъ кажется, что Павелъ есть современникъ Мимнерма; но вдругъ черта, совершенно неожиданная, открываетъ въ немъ болѣе сходства съ нѣжнымъ Петраркомъ, нежели съ пламенною Сафою. Вотъ его первая эпиграмма.

Сокроемъ навсегда отъ зависти людей
Восторги пылкіе и страсти упоенья;
Какъ сладокъ поцѣлуй въ безмолвіи ночей,
Какъ сладко тайное любови наслажденье!

Пятая эпиграмма Павлова представляетъ картину, полную жизни и движенія, и имѣетъ форму почти драматическую.

Въ Лансѣ нравится улыбка на устахъ,
Ея плѣнительны для сердца разговоры;
Но мнѣ милѣй ея потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очахъ.
Я въ сумерки, вчера, одушевленный страстью,
У ногъ ея любви всѣ клятвы повторялъ,
И съ поцѣлуемъ, къ сладострастью

На ложе роскоши пихонько увлекалъ...
Я таялъ, и Лаиса млѣла...
Но вдругъ уныла, поблѣднѣла,
И слезы градомъ изъ очей!
Смущенный я прижалъ ее къ груди моей;
Что сдѣлалось, скажи, что сдѣлалось съ тобою? —
Спокойся, ничего, безсмертными клянусь;
Я мыслію была встревожена одною:
Вы всѣ обманчивы, и я ... тебя страшусь.

Въ этихъ спихахъ узнаемъ мы нравы народа, привыкшаго возвышать цѣну наслажденій искуснымъ смѣшеніемъ впечатлѣній противоположныхъ. Греки давали иногда наслажденію томный видъ меланхоліи; спящую Смерти они не рѣдко спавили по среди пиршествъ и чашъ веселія.

Слѣдующая эпиграмма исполнена живости и жара. Поэтъ обращается къ постарѣлой красавицѣ.

Тебѣ ль оплакивать утрапу юныхъ дней?
Ты въ красотѣ не измѣнилась,
И для любви моей
Опять времени еще прелестнѣе явилась.
Твой другъ не дорожитъ неопытной красой,
Незрѣлой въ таинствахъ любовнаго искусства.
Безъ жизни взоръ ея спыдливой и нѣмой,
И робкой поцѣлуй безъ чувства.
Но ты, владычица любви,

Ты страсть вдохнешь и въ мертвой камень;
И въ осень дней твоихъ не погасаетъ пламень,
Текущій съ жизнію въ крови.

Мы принуждены были смягчить и, можетъ быть, ослабили нѣкоторыя выраженія: впрочемъ переводъ довольно вѣренъ.

Въ одной изъ своихъ надписей Поэтъ мастерски изображаетъ грусть преждевременной старости: печальный плодъ нескромнаго наслажденія жизни и страстей огненныхъ.

Увы! глаза потухшіе въ слезахъ,
Ланиты впалыя отъ долгаго страданья,
Родятъ въ тебѣ не чувство состраданья,
Жестокую улыбку на устахъ...
Вотъ горькіе плоды любови страстной,
Плоды ужасные мученій безъ отрадъ,
Плоды любви, достойные наградъ,
Не участи, для сердца столь ужасной...
Увы! какъ молнія внезапная небесъ,
Въ насъ страсти жизнь младую пожираютъ,
И въ жертву безотрадныхъ слезъ,
Коварныя, на вѣки покидаютъ.
Но ты, прелестная, которой мнѣ любовь
Всего, и юности, и счастія дороже,
Склонись, жестокая, и я.... воскресну вновь
Какъ былъ, или еще бодрѣе и моложе.

Что бы познакомить совершенно читателя

съ нашимъ Поэтомъ, избрали мы эпиграмму, которой мысли и оборотъ напоминаютъ Французскіе мадригалы.

Улыбка страстная и взоръ краснорѣчивый,
Въ которыхъ вся душа какъ въ зеркалѣ видна,
Сокровища мои... она,
Жестокимъ Аргусомъ со мной разлучена!
Но очи страсти прозорливы.
Ревнивецъ злой, спрашись любви очей!
Любовь мнѣ таинство быть счастливымъ открыла,
Любовь мнѣ скажетъ путь къ красавицѣ моей:
Любовь тебя читать въ сердцахъ не научила.

Заключу сіи выписки эпиграммою, которую почитаю лучшимъ произведеніемъ Павла. Она достойна примѣчанія и потому, что носитъ печать временъ новѣйшихъ. Не Петрарка ли слышимъ? не его ли страстные и одушевленные звуки; не та ли самая живость въ оборотахъ, которая плѣняетъ насъ въ краснорѣчивомъ любовникѣ Лауры?..

Изнемогаетъ жизнь въ груди моей остылой;
Конецъ боренію; увы! всему конецъ.
Киприда и Эротъ, мучители сердецъ!
Услышьте голосъ мой послѣдній и унылой.
Я вяну, и еще мученія терплю;
Полмертвый, но сгараю.
Я вяну: но еще такъ пламенно люблю,

И безъ надежды умираю!
Такъ, жертву обхвативъ кругомъ,
На олтарѣ огонь блѣднѣетъ, умираетъ,
И вспыхнувъ ярче предъ концомъ,
На пеплѣ погасаетъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

I.

(*Mélèagre. Br. Annall.* CIX. T. I. *pag.* 30).

Dans le séjour des morts reçois ma triste offrande,
Ces soupirs douloureux, ces regrets superflus,
Ces pleurs cruels, amers, que le tombeau demande,
De tendresse et d'amour doux et derniers tributs;
L'Erèbe ne rend plus ton ombre gémissante,
Tout est sourd à mes cris en ces lieux pleins d'horreur.
Qu' avez vous fait, grands dieux, de cette fleur charmante?
La poussière a flétri son éclat enchanteur:
Déesse vénérable, ô Terre bienfaisante,
Dans ton sein matérnel reçois-la sans douleur.

II.

(*Asclépiade. Br. Annall.* IV. T. I. *pag.* 24).

Sur le seuil de Phryné je suspends ces guirlandes:
Festons que j'ai tressés, que j'arrosai de pleurs,
Soyez de mon amour l'emblême et les offrandes,
Versez autour de vous vos suaves odeurs;
Mais si Phryné paraît, repandez sur sa tête
Ces pleurs, témoins discrets de mes longues douleurs:
Qu'un spectacle si doux la surprenne et l'arrête;
Fleurs, versez vos parfums, et faites en ce jour
Boire à ses blonds cheveux les larmes de l'amour.

III.

(*Hedyle. Br. Annall.* I. T. I. *pag.* 483).

Le vin, les doux propos, l'amour et Nicagore,
Ont vaincu d'Aglaé la crainte et les refus.
O vous, dont sa beauté s'embellissait encore,
Je vous vois en désordre, épars et confondus,
Vêtemens somptueux, frais et légers tissus,
Fleurs qui pariez sa tête, élégante chaussure,
Voile délicieux par l'amour inventé,
Ornemens d'Aglaé, débris de sa parure,
Témoins du doux sommeil et de la volupté.

IV.

LE PLATANE SEC AU VOYAGEUR.

(*Antipater. Br. Anall.* XXXVII. T. II. *pag.* 16).

De mon tronc desséché cette vigne sauvage
Est encor la grâce et l'appui ;
A ses fruits savoureux j'ai donné mon ombrage,
Je l'amais autrefois, elle m'aime aujourd'hui.
Si ton coeur est sensible et tendre,
Demande aux dieux, ô voyageur,
De trouver ici bas un ami dont le coeur
Appartienne encor à ta cendre.

V.

CHANT DES NÉRÉIDES

SUR LES RUINES DE CORINTHE.

(*Antipater. Br. Anall.* L. T. II. *pag.* 20).

Où sont et ta grandeur et ta beauté fatale,
Ta couronne de tours, tes temples, tes trésors,

Tes superbes palais, ta pompe orientale,
Et ces flots d'habitans répandus sur tes bords?
La guerre a tout détruit, malheureuse Corinthe,
Tout, jusqu'à tes débris; nous seules en ces lieux,
Filles de l'Océan, nous implorons les dieux,
Et le triste alcyon redit au loin sa plainte.

VI.

(*Anonyme. Br. Anall.* LXV. *Tom.* III. *pag.* 163).

Bon jour, la belle enfant, où vas-tu?—Que t'importe?—
Pourrait on espérer? — Qu'est-ce? — Une nuit — Le lieu? —
Chez toi. — Mais les présens? — Voici ce que j'apporte,
C'est de l'or.... tiens! — Ceci? tu plaisantes, adieu....

VII.

(*Paul le Silentiaire. Br. Anall.* I. T. III. *pag.* 71).

Cachons à tous les yeux les combats de Cypris,
Nos baisers, nos transports, ta feinte résistance;
Il est doux de jouir dans l'ombre et le silence,
Et les plaisirs cachés n'en ont que plus de prix.

VIII.

(*Le même. Br. Anall.* V. T. III. *pag.* 72).

Le souris de Laïs sans doute est plein de charmes;
Mais son regard baissé, ses yeux noyés de larmes,
Ont un attrait cent fois plus doux.
Hier tandis qu'à ses genoux
Je lui peignais l'excès de ma vive tendresse,
Tout à coup, au sein de l'ivresse,
Un long ruisseau de pleurs s'échappe de ses yeux;

Je la prends dans mes bras, je l'embrasse, la presse,
Je la prie en pleurant, j'interpelle les dieux:
„Parle, ô mon tendre amour!.. — Eh bien, me répond-t-elle,
„Apprends le motif de mes pleurs:
„Je tremble que l'amour ne te rende infidelle;
„Vous êtes tous volages et trompeurs.„

IX.

(*Le même. Br. Anall.* VIII. *Tom.* 3 *pag.* 73).

Pourrais-tu regretter l'inconstante jeunesse?
Tes traits n'ont rien perdu de leur vive beauté.
Crois-moi, mon aimable maîtresse,
Le temps, qui détruit tout, a pourtant respecté
Et tes appas et notre ivresse;
Une beauté novice est moins faite aux amours,
Son ardeur incertaine use de cent détours
Dont ne se sert jamais la nôtre;
Mais habile à jouir, savante en volupté,
Ton automne vaut mieux que le printemps d'une autre,
Ton hiver a des feux que n'a pas son été.

X.

(*Le même Br. Anall.* X. *Tom.* III. *pag.* 74).

Mes cheveux gris, mes yeux mouillés de larmes,
Ont excité ton sourire moqueur;
Ce sont les fruits de mes tendres alarmes,
De mes soucis mêlés de mille charmes,
Et des plaisirs qui consumaient mon coeur.
Mon front ridé, ma démarche incertaine,
Tout m'avertit de ma trop longue erreur;
Comme l'éclair de la flamme inhumaine

En dévorant s'enfuit l'âge trompeur;
Les noirs regrets succèdent à l'ivresse;
O toi, qu'Amour doua de mille attraits,
Donne à mes voeux le prix de la tendresse,
Et sur mon front, dans mon coeur, dans mes traits,
Avec l'amour renaîtra la jeunesse.

XI.

(*Le même. Br. Anall.* XXI. *Tom.* 3. *pag.* 77).

Hélas! ces doux propos, ces souris enchanteurs,
Ces regards éloquens où l'ame se déploye,
Des jaloux déchainés sont devenus la proye;
Il faut leur cacher tout, tout jusqu'à nos douleurs.
Toi, qu'un ennemi plaça près de ma belle,
Affreux Argus, je brave tes fureurs!
Nous saurons te cacher notre ardeur mutuelle;
L'amour ne t'apprit pas à lire dans les coeurs.

XII.

(*Le même. Br. Anall.* XVIII. T. 3. *pag.* 77).

La flamme de l'amour dans mon coeur est éteinte;
J'ai cessé de lutter, ô Vénus, mais je meurs,
Je meurs en t'adressant une inutile plainte,
Car du cruel Amour je ressens les fureurs;
Il se rit de mes maux, il insulte à mes peines,
Il coule avec mon sang, il brûle dans mes veines;
C'en est fait, je succombe! O regrets! ô douleurs!
En consumant l'offrande, ainsi la flamme avide
Diminue et pâlit, puis sur l'autel sacré
Se ranimant soudain, jette un éclat perfide,
Et s'éteint sans effort quand tout est dévoré.

Сверхъ сего нашли мя еще на обверпочномъ листѣ издаваемой нами рукописи, слѣдующую надгробную надпись, съ Греческаго переведенную:

Съ отвагой на челѣ и съ пламенемъ въ крови
Я плылъ — но съ бурей вдругъ предстала смерть ужасна:
О юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
Ввѣряйся челноку! Плыви!

ПРИМѢЧАНІЕ

КЪ ЭЛЕГІИ УМИРАЮЩІЙ ТАССЪ, СТРАН. 3.

Не одна Исторія, но Живопись и Поэзія неоднократно изображали бѣдствія Тасса. Жизнь его конечно извѣстна любителямъ Словесности: мы напомнимъ только о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя подали *мысль* къ этой Элегіи.

Т. Тассъ приписалъ свой *Іерусалимъ* Альфонсу, Герцогу Феррарскому: (o magnanimo Alfonso!..), и *великодушный* Покровитель, безъ вины, безъ суда, заключилъ его въ больницу С. Анны, т. е. въ домъ сумасшедшихъ. Тамъ его видѣлъ Монтань, путешествовавшій по Италіи въ 1580 году. Странное свиданіе въ такомъ мѣстѣ перваго Мудреца временъ новѣйшихъ съ величайшимъ Стихотворцемъ!.. Но вотъ что Монтань пишетъ въ *Опытахъ*: „Я смотрѣлъ на Тасса еще съ большею досадою, нежели сожалѣніемъ; онъ пережилъ себя; не узнавалъ ни себя, ни твореній своихъ. Они безъ его вѣдома, но при немъ, но почти въ глазахъ его, напечатаны неисправно, безобразно.“ — Тассъ, къ дополненію нещастія, не былъ совершенно сумасшедшій, и, въ ясныя минуты разсудка, чувствовалъ всю горесть своего положенія. Воображеніе, главная пружина его талантa и злополучій, нигдѣ ему не измѣняло. И въ узахъ онъ сочинялъ безпрестанно. Наконецъ, по усильнымъ просьбамъ всей Италіи, почти всей просвѣщенной Европы, Тассъ былъ освобожденъ. (Заключеніе его продолжалось семь лѣтъ, два мѣ-

сяца и нѣсколько дней). Но онъ не долго наслаждался свободою. Мрачныя воспоминанія, нищета, вѣчная зависимость отъ людей жестокихъ, измѣна друзей, несправедливость критиковъ; однимъ словомъ, всѣ горести, всѣ бѣдствія, какимъ только можетъ быть обремененъ человѣкъ, разрушили его крѣпкое сложеніе, и привели по терніямъ къ ранней могилѣ. Фортуна, коварная до конца, приготовляя послѣдній рѣшительный ударъ, осыпала цвѣтами свою жертву. Папа Климентъ VIII, убѣжденный просбами Кардинала Цинтіо, племянника своего, убѣжденный общенароднымъ голосомъ всей Италіи, назначилъ ему Тріумфъ въ Капитоліи: „Я вамъ предлагаю вѣнокъ лавровый, „сказалъ ему Папа: „не онъ прославитъ васъ, но вы его!“ Со временъ Петрарка (во всѣхъ отношеніяхъ щастливѣйшаго Стихотворца Италіи), Римъ не видалъ подобнаго торжества. Жители его, жители окрестныхъ городовъ, желали присутствовать при вѣнчаніи Тасса. Дождливое осеннее время и слабость здоровья Стихотворца заставили отложить торжество до будущей весны. Въ Апрѣлѣ все было готово, но болѣзнь усилилась. Тассъ велѣлъ перенести себя въ монастырь Св. Онуфрія; и тамъ — окруженный друзьями, и братіей мирной обители, на одрѣ мученія, ожидалъ кончины. Къ нещастію, вѣрнѣйшій его пріятель, Костанцини, не былъ при немъ, и умирающій написалъ къ нему сіи строки, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, видна вся душа Пѣвца Іерусалима: „Что скажетъ мой Костанцини, когда узнаетъ о кончинѣ своего милаго Торквато? Не замедлитъ дойти къ нему эта вѣсть. Я чувствую приближеніе смерти. Никакое лѣкарство не излѣчитъ моей новой болѣзни. Она совокупилась съ другими недугами, и, какъ быстрый потокъ увлекаетъ меня.... Поздно теперь жаловаться на

фортуну, всегда враждебную (не хочу упоминать о неблагодарности людей!). Фортуна торжествуетъ! Нищимъ я доведенъ ею до гроба, въ то время, какъ надѣялся, что слава, приобрѣтенная на перекоръ врагамъ моимъ, не будетъ для меня совершенно безполезною. Я велѣлъ перенести себя въ монастырь С. Онуфрія, не потому единственно, что врачи одобряютъ его воздухъ, но для того, чтобы на семъ возвышенномъ мѣстѣ, въ бесѣдѣ Святыхъ отшельниковъ, начать мои бесѣды съ Небомъ. Молись Богу за меня, милый другъ, и будь увѣренъ, что я, любя и уважая тебя въ сей жизни, и въ будущей — которая есть настоящая — не премину все совершить, чего требуетъ истинная, чистая любовь къ ближнему. Поручаю тебя благости небесной, и себя поручаю. Прости! — Римъ. — С. Онуфрій. „ — Тассъ умеръ 10 Апрѣля на пятьдесятъ первомъ году, исполнивъ долгъ Христіанскій съ истиннымъ благочестіемъ.

Весь Римъ оплакивалъ его. Кардиналъ Цинтіо былъ неутѣшенъ, и желалъ великолѣпіемъ похоронъ вознаградить упрашу Тріумфа. По его приказанію — говоритъ Жингене въ *Исторіи Литературы Италіанской* — тѣло Тассово было облечено въ Римскую тогу, увѣнчано лаврами и выставлено всенародно. Дворъ, оба дома Кардиналовъ Альдобрандини, и народъ многочисленный провожали его по улицамъ Рима. Толпились, чтобы взглянуть еще разъ на того, котораго Геній прославилъ свое столѣтіе, прославилъ Италію, и который столь дорого купилъ поздняя, печальныя почести!...

Кардиналъ Цинтіо (или Чинціо) объявилъ Риму, что воздвигнетъ Поэту великолѣпную гробницу. Два Оратора приготовили надгробныя рѣчи, одну Латинскую, другую

Итальянскую. Молодые Стихотворцы сочиняли стихи и надписи для сего памятника. Но горесть Кардинала была непродолжительна, и памятникъ не былъ воздвигнутъ. Въ обители С. Онуфрія, смиренная братія показываетъ и нынѣ путешественнику простый камень съ этой надписью: Torquati Tassi ossa hic jacent. Она краснорѣчива.

Да не оскорбится тѣнь великаго Стихотворца, что сынъ угрюмаго Сѣвера, обязанный *Іерусалиму* лучшими, сладостными минутами въ жизни, осмѣлился принесть скудную горсть цвѣтовъ въ ея воспоминаніе!

ПРИМѢЧАНІЕ

къ Элегіи Гезіодъ и Омиръ, стран. 79.

Эта Элегія переведена изъ Мильвуа, одного изъ лучшихъ Французскихъ Стихотворцевъ нашего времени. Онъ скончался въ прошломъ (*) годѣ, въ цвѣтущей молодости. Французскія Музы долго будутъ оплакивать преждевременную его кончину: истинные талланты нынѣ рѣдки въ отечествѣ Расина.

Многіе Писатели утверждали, что Омиръ и Гезіодъ были современники: нѣкоторые сомнѣваются, а иные и совершенно оспориваютъ это предположеніе. Отецъ Гезіодовъ, какъ видно изъ Поэмы *Труды и Дни*, жилъ въ Кумахъ, откуда онъ перешелъ въ Аскрею, городъ въ Беотіи, у подошвы горы Геликона: тамъ родился Гезіодъ. Музы, говоритъ онъ въ началѣ *Θеогоніи*, нашли его на Геликонѣ и обрекли себѣ. Онъ самъ упоминаетъ о побѣдѣ своей въ пѣснопѣніи. Архидамій, Царь Евбейскій, умирая, завѣщалъ, чтобы въ день смерти его ежегодно совершались погребальныя игры. Дѣти исполнили завѣщаніе родителя и Гезіодъ былъ побѣдителемъ въ пѣснопѣніи. — Плутархъ, въ сочиненіи своемъ, *Пиръ Семи Мудрецовъ*, заставляетъ разсказывать Періандра о состязаніи Омира съ Гезіодомъ. Послѣдній оспалися побѣдителемъ, и въ знакъ благодарности Музамъ, посвятилъ имъ треножникъ, полученный въ награду.— Жрица Дельфійская предвѣщала Гезіоду кончину его; пред-

(*) Это писано въ 1817 г.

вѣщаніе сбылось. Молодые люди, полагая, что Гезіодъ соблазнилъ сестру ихъ, убили его на берегахъ Евбеи, посвященныхъ Юпитеру Немейскому.

Кажется, не нужно говорить объ Омирѣ. Кто не знаетъ, что первый въ мірѣ Поэтъ былъ слѣпъ и нищій?

Намъ Музы дорого цаланты продаютъ!

Конецъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ БАТЮШКОВА.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ посчастливилось пріобрѣсти рукописный сборникъ стихотвореній Батюшкова. Рукопись писана въ листъ, весьма красивымъ почеркомъ, и имѣетъ слѣдующій эпиграфъ:

Et malheur à tout nom, qui propre à la censure,
Peut entrer dans un vers sans rompre la mesure!...

Мы сличили ее съ печатными изданіями стихотвореній Батюшкова и нашли много варіантовъ; изъ числа этихъ варіантовъ позволяемъ себѣ указать только на болѣе важные:

Въ стихотвореніи «Мои Пенаты» одиннадцать печатныхъ стиховъ:

Покойся, другъ прелестный,
Въ объятіяхъ моихъ! и проч.

(см. въ изданіи Смирдина, стр. 142) — въ рукописи читаются такъ:

О Лила, другъ мой милый!
Душа души моей!
Тобою вѣкъ унылый,

Средь шума и людей,
Среди уединенья,
Средь дебрей и лѣсовъ,
Средь скучнаго томленья
Печали и трудовъ,
Тобой, богиня, ясенъ!
И этотъ уголокъ
Не будетъ одинокъ!

За тѣмъ измѣнены на стр. 143-й стихи 12—18: *)

. . . Парнасскія царицы,
Спускайтеся ко мнѣ!
Пусть тѣни и призраки
Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
Разрушивъ тлѣнъ и мраки
Эреба и гробовъ,
Какъ жители эфирны,
Воздушною стезёй
Слетятъ на голосъ лирный
Бесѣдовать со мной.

На стр. 144, стихи 10—21:

Перомъ изъ крыльевъ Леля
Здѣсь пишетъ Карамзинъ,
Пріемникъ Мармонтеля,
Въ таблицахъ Мнемозинъ
Любовны приключенья
Дѣвицъ и свѣтскихъ дамъ
И сладки откровенья
Чувствительнымъ сердцамъ.
За ними Сильфъ прекрасной....

*) Ссылки вездѣ сдѣланы на смирдинское изданіе Сочиненій Батюшкова 1850 года. Въ рукописи стихотвореніе это озаглавлено: *Къ Пенатамъ.*

На стр. 146—7 подъ буквами *Ж.* и *В.* надо читать: *Жуковскій* и *Вяземскій*, а вмѣсто стиховъ:

Даръ Вакха передъ нами;
Вотъ кубокъ—наливай!

встрѣчаемъ слѣдующій варіантъ:

Шампанское рѣками
Въ сей кубокъ наливай!

«Сонъ Могольца»,, стр. 192, стихъ 4-й:

Пилъ радость вѣчную, удѣлъ боговъ самихъ,
И сладко спалъ на лонѣ Гурій.

«Ложный страхъ», стр. 191, стихъ 15-й:

Богъ любви за все ручался...

«Петину», стр. 165, стихъ 16-й:

Я геройскими руками...
Фляжку съ водкой осаждалъ.

стр. 166, стихъ 2-й:

День мечтаю... ночью плачу

стр. 167, стихъ 2-й:

Вопреки святымъ отцамъ;

«Отвѣтъ», стр. 156, стихъ 12-й:

И счастливъ въ уголку простомъ!

стр. 157, послѣдній стихъ:

Насытившись, оставлю міръ.

«Воспоминаніе 1807-го года» напечатано въ изданіи Смирдина на стр. 30—32, а конецъ этой піесы, неизвѣстно почему, попалъ въ самое начало книги и помѣщенъ вслѣдъ за стихотвореніемъ «Къ друзьямъ» (стр. 5—6).

стр. 5, стихъ 7-й:

Тебя, которую я зрѣлъ передъ собою
У ложа горькихъ мукъ, отчаянья и слезъ,
Какъ утѣшителя, какъ вѣстника небесъ...

стр. 6, послѣдніе стихи измѣнены такъ:

Воспоминанія! лишь вами окрыленный,
Къ ней мыслію лечу,
И въ часъ полуночи туманной,
Мечтой очарованной,
Я слышу въ вѣткѣ, принесшемъ на крылахъ
Цвѣтовъ благоуханье,
Эмиліи дыханье;
Я вижу въ облакахъ
Ее, текущую воздушною стезею...
Раскинуты власы красавицы волною
Въ небесной синевѣ;
Вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ блистаетъ на главѣ
И перси дышутъ подъ покровомъ...
«Души моей супругъ!
(Мнѣ шепчетъ горній духъ)
Тамъ въ теремѣ готовомъ,
За быстрою Двиной,
Увижуся съ тобой.
Теперь прости!» И я, обманутый мечтой,
Въ восторгѣ сладостномъ къ ней руки простираю,
Касаюсь ризъ ея... и тѣнь лишь обнимаю!

«Вчееръ», стр. 82, два послѣдніе стиха:

Супруга, рой дѣтей оратая встрѣчаютъ
И брашны сельскія поспѣшно предлагаютъ.

«Къ Жуковскому» (*), стр. 158, стихи 4—8:

(*) Въ рукописи подъ этимъ стихотвореніемъ помѣта: «іюня 1812-го. С. П-бургъ.»

Да будетъ Фебъ съ тобой —
И богъ, и покровитель!
Будь счастливъ нашъ Орфей,
Харитъ любимецъ скромной!
Какъ юный соловей
Въ сѣни дубравы темной....

стр. 159, стихъ 11-й:

Ты счастливъ, мой поэтъ;

на стр. 161 вмѣсто *Свистова* читается: *Хлыстовъ*.

«Посланіе Г. В-му» въ рукописи обозначено *Графу Вельегорскому;* о стихотвореніи «Дружество» замѣчено: *Изъ Біона*, о стихотвореніи «Источникъ» — *Персіянская идиллія*; въ «Посланіи къ Гнѣдичу» (стр. 69—70) прибавлены въ концѣ слѣдующіе четыре стиха:

Нѣтъ, болтаючи съ друзьями,
Славы я не соберу;
Чуть не весь ли и съ стихами,
Вопреки тебѣ, умру!

Въ піесѣ «Счастливецъ» также есть лишняя строфа; вслѣдъ за десятымъ четверостишіемъ читаемъ:

Сердце спитъ, и нѣмъ душою
Тратитъ жизнь на суеты;
Днемъ не вѣдаетъ покою,
Ночью страшныя мечты!

Кромѣ того, въ рукопись нашу занесены три стихотворенія, до сихъ поръ не встрѣчавшіяся въ печати;

1.

М.. Л..вой..... іюня.

Ты хочешь: горсткой ѳиміама
Чтобъ жертвенникъ я твой почтилъ;
Для Грацій Муза неупряма,
И я имъ лиру посвятилъ.

Я вижу вкругъ тебя толпятся
Вздыхатели (шумливой рой!),
Какъ пчелы на цвѣтокъ стремятся,
Иль легки бабочки весной.

И Марсъ высокой, въ битвахъ смѣлый,
И Селадонъ плаксивый тутъ,
И юноша еще незрѣлый
Тебѣ сердечну дань несутъ.

Иной, я видѣлъ, здѣсь вздыхаетъ,
Другой какъ мраморной стоитъ,
Болтунъ сорокой не болтаетъ—
Теперь краснѣетъ и молчитъ.

Труды искусныя Арахны,
Сотканные въ углу тайкомъ,
Не столь для мухъ игривыхъ страшны,
Какъ твой для насъ волшебный домъ.

Но я одинъ, прелестна Хлоя,
Тебѣ лишь дань не заплачу;
Скорѣй, скорѣй, шаги удвоя,
На тройкѣ въ Питеръ улечу.

2.

Книги и журналистъ.

Кротъ мыши прошепталъ: «подруга! ну зачѣмъ
На пыльномъ чердакѣ своемъ

Царапаешь, грызешь и книги раздираешь,
А крошки въ нихъ ума и пользы не сбираешь?»
— Что нужды? мышь въ отвѣтъ, ума ли я ищу?
Я ѣсть хочу!

Не знаю—въ прокъ ли то, но баснь сія уликой
Тебѣ, обрызганный чернилами Аристъ!
Зубами ты живешь, голодной журналистъ;
Да нужды жить тебѣ не видимъ мы великой.

3.

Русской витязь.

«О хлѣбъ-соль русская! о прадѣдъ Филаретъ!
О милые остатки—
Упрямство дѣдушки и ферези прабабки!
Безъ васъ спасенья нѣтъ;
А вы, а вы забыты нами...»
Вчера горланилъ Фирсъ съ гостями,
И сидя у меня за лакомымъ столомъ,
Въ восторгѣ пламенномъ, какъ истый витязь русской,
Съѣлъ соусъ, съѣлъ другой, а тамъ *сальмисъ* французской,
А тамъ шампанскаго хлебнулъ съ бутылку онъ,
А тамъ подвинулъ стулъ и сѣлъ играть въ бостонъ.

Извѣстное *шуточное* стихотвореніе Батюшкова «Видѣніе на берегахъ Леты» впервые было напечатано въ изданіи Смирдина 1850 года, но съ значительными пропусками; нѣкоторые изъ этихъ пропусковъ (но не всѣ) были дополнены г. Дмитріевымъ въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти» (Москвитян. 1854, №№ 15—16, стр. 170—171). Нашъ списокъ полнѣе, и кромѣ того представляетъ нѣсколько любопытныхъ варіантовъ;

вмѣсто несвязныхъ и отрывочныхъ указаній мы печатаемъ это стихотвореніе сполна, чтобы такимъ образомъ читатель могъ избѣгнуть непріятной обязанности рыться въ трехъ различныхъ изданіяхъ. *)

Видѣніе на берегахъ Леты.

Вчера, Бобровымъ утомленный,
Я спалъ, и видѣлъ странной [1]) сонъ!
Какъ будто свѣтлый [2]) Аполлонъ,
За что̀—не знаю [3])—прогнѣвленный,
Поэтамъ нашимъ смерть изрекъ;
Изрекъ—и всѣ упали мертвы,
Невинны Аполлона жертвы!
Иной изъ нихъ окончилъ вѣкъ,
Сидя на чердакѣ высокомъ,
Въ издранномъ шлафоркѣ широкомъ,
Нагъ, голоденъ и утомленъ
Упрямой рифмой къ *свѣтлу небу*;
Другой, въ Цитеру принесенъ,
Красу умильную, какъ Гебу,
Хотѣлъ для насъ насильно.... пѣть,
И палъ безъ чувствъ въ концѣ эклоги.
Вездѣ, о милосерды боги!
Вездѣ пируетъ алчна Смерть,

*) Въ числѣ рукописей, доставшихся намъ отъ П. П. Б-ва, есть между прочимъ и списокъ «Видѣнія». Варіанты нашей рукописи разнятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ рукописью г. Аѳанасьева. Мы считаемъ не лишнимъ привести ихъ. Ред. Б. З.

1) Чудный
2) Казалось будто
3) Не знаю чѣмъ-то

Косою острой быстро машетъ,
Богату ниву аду пашетъ,
И губитъ Фебовыхъ дѣтей,
Какъ вѣтръ осенній злакъ полей!
Межъ тѣмъ въ Элизіи священномъ,
Лавровымъ лѣсомъ осѣненномъ,
Подъ шумомъ Касталійскихъ водъ,
Пѣвцовъ нечаянный приходъ
Узналъ почтенный Ломоносовъ,
Херасковъ—честь и слава Россовъ,
Самолюбивой Фебовъ сынъ,
Насмѣшникъ, грозный бичь пороковъ—
Замысловатый Сумароковъ
И Мельпомены другъ—Княжнинъ.
И ты сидѣлъ въ толпѣ избранной,
Стыдливой Граціей вѣнчанной,
Пѣвецъ прелестныя мечты,
Между Психеи (*) легкокрылой
И бога нѣжной красоты;
И ты тамъ былъ наѣздникъ хилой
Строптива дѣвственницъ сѣдла,
Трудолюбивый, какъ пчела,
Отецъ стиховъ Телемахиды;
И ты, что̀ сотворилъ обиды [4])
Венерѣ дѣвственной, Барковъ!
И ты, о мой пѣвецъ незлобной,
Хемницеръ, въ басняхъ безподобной!
Всѣ словомъ, коихъ богъ пѣвцовъ
Вѣнчалъ безсмертія лучами,

(*) Психею, думу или мечту, древніе изображали въ видѣ бабочки или крылатой дѣвы, обнявшейся съ купидономъ. *Примѣчан. поэта.*

4) И ты, стыдливости обиды
Творящій, Аретинъ-Барковъ;
И ты, *звѣрей* пѣвецъ незлобный

Сидѣли тамъ оливъ въ тѣни,
Обнявшись съ прежними врагами;
Но спорили еще они
О томъ, о семъ, и не безъ шума.
(И въ раѣ [5]), думаю, у насъ
У всякаго своя есть дума,
Разсудокъ свой, и вкусъ, и глазъ!)
Садились всѣ за пиръ богатой—
Какъ вдругъ Маіинъ [7]) сынъ крылатой,
Низсланный вышнимъ божествомъ [8]),
Сказалъ сидящимъ за столомъ:
«Сюда на берегъ тихой Леты
«Бредутъ покойные [9]) поэты;
«Они въ рѣкѣ сей погрузятъ
«Себя и вмѣстѣ юныхъ чадъ.
«Здѣсь опытъ будетъ правосудный:
«Стихи и проза безразсудны
«Потонутъ въ мигъ... такъ Фебъ судилъ!»
Сказалъ Эрмій—и силой крылъ
Отъ ада къ небу воспарилъ.
«Ага! фонъ-Визинъ молвилъ братьямъ,
«Здѣсь будетъ встрѣча не по платьямъ,
«Но по заслугамъ и уму.»
—Да много ли, въ отвѣтъ ему
Кричалъ смѣяся Сумароковъ,
Пѣвцовъ найдете безъ пороковъ?
Поглотитъ Леты всѣхъ струя,
Поглотитъ всѣхъ, иль я—не я!

---

[5]) И въ *адъ*
[6]) И *глазъ*.
[7]) Маины
[8]) Въ Елизій, толкъ своимъ жезломъ.
«Я присланъ вышнимъ божествомъ
[9]) За мной идутъ толпой

«Посмотримъ, продолжалъ въ полгласа
Поэтъ, проклятый отъ Парнасса,
Егда прійдутъ....» Но вотъ они! *)
Подобно какъ въ осенни дни
Поблекши листвія древесны,
Что буря въ долахъ разнесла,
Такъ тѣнямъ симъ ни-вѣсть числа!
Идутъ толпой въ ущелья тѣсны, [10])
Къ рѣкѣ забвенія стиховъ;
Идутъ подъ бременемъ трудовъ,
Безгласны, блѣдны приступаютъ,
Любезныхъ дѣтищей купаютъ...
И болѣе не зрятъ въ волнахъ!
Но тутъ Миносъ пѣвцамъ на страхъ,
Старикъ угрюмый и курносый,
Чинитъ расправу [11]) и вопросы:
«Кто ты? вѣщай!»—Я тотъ поэтъ,
По счастью очень плодовитой,
(Былъ тѣни маленькой отвѣтъ)
Я тотъ вѣнками розъ увитой
Поэтъ, философъ, педагогъ,
Который задушилъ Виргилья,
Окоротилъ Алкею крылья;
Я здѣсь! *Сего бо хощетъ Богъ*
И долгъ священныя природы... *) [12])

---

*) Смотри VI пѣснь Энеиды. *Прим. поэта.*

10) Идутъ въ ущелья ада тѣсны,
Стеня подъ бременемъ трудовъ,
Къ рѣкѣ забвенія... стиховъ.

11) Чинитъ жестокіе допросы:

*) Смотри тѣнь Кука. *Прим. поэта.*

12) Послушаніе, взятое изъ *прекраснаго* сочиненія г-на Мерзлякова—Тѣнь Кукова, котораго никто не понимаетъ да и нѣтъ нужды. *Прим. поэта.*

«Кто-жъ ты, болтунъ?»—Я... Мерзляковъ! [13])
«Ступай и окунися въ воды!»
—Иду... во мнѣ вся мерзнетъ кровь...
Душа всего... душа природы...
Спаси... спаси меня любовь!
Авось!... «Нѣтъ, нѣтъ, болтунъ несчастной!
Довольно я съ тобою вылъ [14]),
Сказалъ ему Эротъ прекрасной,
Который тутъ съ Психеей былъ;
Ступай!» Пошелъ [15])—и нѣтъ педанта!
—Кто ты? спросилъ допрощикъ тѣнь,
Несущу связку фоліанта.
«Увы, я цѣлу ночь и день
«Писалъ, пишу, и вѣчно буду
«Писать!... все прозой *безъ ероевъ*!
«Невиненъ я... На эту груду
«Смотри: здѣсь тысячи листовъ,
«Священной пылію покрытыхъ,
«Печатью мелкою убитыхъ,
«И нѣтъ *ера* ни одного!
«Да я...»—Скорѣй купать его!
Но тутъ явились лица новы
Изъ бѣлокаменной Москвы.
Какія странныя обновы!
Отъ самыхъ ногъ до головы
Обвиты платья ихъ листами,
Гдѣ [16]) прозой дѣтской и стихами
Иной кладбище, мавзолей,
Другой журналъ души своей,

---

[13]) «Я Мер—зля—ковъ!»
[14]) Амуръ въ стихахъ его на 40 страницахъ плачетъ. *Прим. поэта.*
[15]) Нырнулъ
[16]) Тотъ

Другой Меланію, Зюльмису [17]),
Глафиру, Хлою, Милитрису,
Луну, Веспера, голубковъ,
Барановъ, кошекъ и котовъ *)
Воспѣлъ въ стихахъ своихъ унылыхъ,
На всякой ладъ, для женщинъ *милыхъ*.
(О вѣкъ желѣзный!) а онѣ
Не только въ явѣ, но во снѣ
Поэтовъ не видали бѣдныхъ!
Изъ этихъ лицъ уныло-блѣдныхъ
Одинъ, причесанной въ тупей,
Поэтъ присяжной, князь вралей,
На судъ явилъ творенья новы.
«Кто ты?»—Увы, я пастушокъ,
Вздыхатель завсегда готовый;
Вотъ мой вѣнокъ и посошокъ [18]),
Вотъ мой букетъ цвѣтовъ тафтяныхъ,
Вотъ списокъ всѣхъ красотъ упрямыхъ,
Которыми дышалъ и жилъ,
Которымъ я насильно милъ;
Вотъ мой баранъ [19]), моя Аглая...
Сказалъ, и тягостно зѣвая,
Съ просонья въ Лету проскользнулъ!
«Уфъ! я усталъ, подайте стулъ;
Позвольте мнѣ, я очень славенъ!
Безсмертенъ я — пока [20]) забавенъ!»
—Кто-жь ты? «*Я русской и поэтъ!*

---

[17]) А сей Меланію, Зюльмиру,
Мелису, Хлоюшку, Глафиру

*) Это все, даже и кошки воспѣты въ Москвѣ; ссылаюсь на журналы. *Примѣч. поэта.*

[18]) Вотъ даръ Ельвиринъ—посошокъ,

[19]) Вотъ мой Амуръ,

[20]) Безсмертенъ, важенъ и забавенъ!»

Бѣгомъ [21]) бѣгу, лечу за славой;
Мнѣ врагъ—чужой разсудокъ здравой [22]);
Для русскихъ правъ мой толкъ кривой,
И въ томъ клянусь моей душой!»
—Да кто-же ты? «Жанъ-Жакъ я русской,
Расинъ, и Юнгъ, и Локкъ я русской!
Три драмы русскихъ сочинилъ
Для русскихъ... Нѣтъ ужь [23]) силъ
Писать для русскихъ драмы слезны!
Труды мои всѣ безполезны;
Вина тому развратъ умовъ.» [24])
Сказалъ, въ рѣку—и былъ таковъ!
Тутъ Сафы русскія печальны,
Какъ бабки наши повивальны,
Несли расплаканныхъ дѣтей.
Одна—прости Богъ эту даму!—
Несла уродливую драму,
Позоръ для ада и мужей [25]),
У коихъ сочиняютъ жены.
«Вотъ мой Густавъ, герой влюблённый...»
—Ага! судья дѣвицѣ сей [26]);
Названья этого довольно!
Сударыня! мнѣ очень больно,
Что вы, забывъ послѣдній стыдъ,
Убили драмою Густава.
Въ рѣку! въ рѣку!... О жалкій видъ!
О тщетная поэтовъ слава!

---

21) Иду, бѣгу и т. д.
22) Разсудокъ мой не очень здравой,
Но русское люблю душой
23) Нѣтъ ужь *боль* силъ
24) Причиной—порча нравовъ въ томъ—
Сказалъ, и бухъ въ рѣку потомъ!
25) Позоръ себѣ, позоръ мужей
26) Ага! сказалъ судья дѣвицѣ сей—

Исчезла Сафо нашихъ дней
Съ печальной драмою своей.
Потомъ и двѣ другія дамы,
На дамъ живыя эпиграмы [27]),
Нырнули въ глубь туманныхъ водъ.
«Кто ты?» — Я винососный [28]) тѣній;
Поэмы три да сотню одъ,
Гдѣ всюду ночь, гдѣ всюду тѣни,
Гдѣ *роща ржуща, ружій ржоть*, *)
Писалъ съ заказу Глазунова,
Всегда на срокъ... Что вижу я?
Здѣсь рѣетъ между водъ ладья,
А тамъ въ разрывахъ черна крова
Уранія, душа сихъ сферъ,
И всѣ Титаны ледовиты,
Прозрачной мантіей покрыты,
Слезятъ!... Изсякнулъ изувѣръ
Отъ взора пламенной Эгиды!»
Одинъ отецъ Телемахиды
Слова сіи умѣлъ понять.
На томъ брегу рѣки забвенья
Стояли тѣни въ изумленьи
Отъ рѣчи сей. «Изволь купать
Себя и всѣхъ своихъ уродовъ,
Сказалъ, не слушая доводовъ,
Угрюмой ада судія,
Да всѣхъ поглотитъ васъ струя!»

---

27) Схватившись за покровъ ее
Со всѣмъ имъ въ неприличномъ видѣ,
Скажу пѣвицамъ не къ обидѣ,—
Нырнули и т. д.

28) «Я *винословный* Геній,

*) Этотъ стихъ взятъ изъ сочиненій Боброва—я ничего не хочу присвоивать. *Примѣч. поэта.*

Но вдругъ на адской берегъ дикой
Призракъ чудесной и великой
Въ обширномъ дѣдовскомъ возкѣ
Тихонько тянется къ рѣкѣ;
На мѣсто клячей запряженны
Тамъ люди, въ хомуты вложенны,
И тянутъ кое-какъ [29]) гужомъ.
За нимъ, какъ въ осень трутни праздны,
Крылатымъ въ воздухѣ полкомъ
Летятъ толпою [30]) тѣни разны
И тамъ и сямъ. По слову: *стой!*
Кивнула блѣдна тѣнь главой
И вышла съ кашлемъ изъ повозки.
«Кто ты? спросилъ ее Миносъ,
И кто сіи?» На сей вопросъ:
—Мы всѣ съ Невы [31]) поэты росски,
Сказала тѣнь. «Но кто сіи
Несчастны, въ клячей превращенны?»
«—Сочлены юные мои;
Любовью къ славѣ вдохновенны,
Они Пожарскаго поютъ
И топятъ [32]) старца Гермогена;
Ихъ мысль на небеса вперенна,
Слова-жъ изъ Библіи берутъ;
Стихи ихъ хоть немного жестки,
Но истинно варяго-росски.
«Да кто ты самъ?» — *Я также членъ*;
Кургановымъ писать ученъ;
Извѣстенъ сталъ не пустяками,
Терпѣньемъ, потомъ и трудами.

---

[29]) И кое-какъ тащатъ гужомъ;
[30]) Летятъ *отвсюду*
[31]) Мы *академіи*
[32]) И *тянутъ*

Азъ есмь зѣло *Славенофилъ!*
Сказалъ, и Прологъ растворилъ [33]у.
При словѣ семъ въ блаженной сѣни
Поэтовъ приподнялись тѣни;
Пѣвецъ «Любовныя Ѣзды»
Осклабилъ взоръ *усмѣшкой блудной*
И рекъ: «О мужъ, умомъ нескудной,
Обрѣтшій рѣдки красоты
И смыслъ въ моей Деидаміи,
Се ты! се ты!..»—Слова пустыя!
Угрюмой судія сказалъ
И въ Лету путь имъ показалъ.—
Къ рѣкѣ подвинулись толпою,
Ныряли всячески въ водахъ;
Тотъ книжку потопилъ въ струяхъ,
Тотъ цѣлу книжицу съ собою.
Одинъ, одинъ Славенофилъ,
И то повыбившись изъ силъ,
За всю трудовъ своихъ громаду,
За твердой умъ и за дѣла [34]у
Вкусилъ безсмертія награду.
Тутъ тѣнь къ Миносу подошла
Неряхой и въ нарядѣ странномъ:
Въ широкомъ шлафоркѣ издранномъ,
Въ пуху, съ косматой головой,
Съ салфеткой, съ книгой подъ рукой.
«Меня въ расплохъ, она сказала,
Въ обѣдъ нарочно смерть застала;
Но съ вами я опять готовъ
Еще хоть съизнова отвѣдать
Вина и адскихъ пироговъ;

---

[33]) Сказалъ и *кормчую разкрылъ!*
[34]) Любовь къ отчизнѣ и дѣла
Поставлены съ Тредьяковскимъ къ ряду.

Теперь же часъ, друзья, обѣдать.
Я вамъ знакомой, я—Крыловъ.» *)
—Крыловъ! Крыловъ! въ-одно вскричало
Собранье шумное духовъ,
И эхо глухо повторяло
Подъ сводомъ адскимъ: *Здѣсь Крыловъ*!
«Садись сюда пріятель милой;
Здоровъ ли ты?»—И такъ, и сякъ.
«Ну, что-жь ты дѣлалъ?»—Все пустякъ!
Тянулъ тихонько вѣкъ унылой,
Пилъ, сладко ѣлъ, а болѣ спалъ.
Ну вотъ, Миносъ, мои творенья;
Съ собой я очень мало взялъ:
Комедіи, стихотворенья,
Да басни всѣ. «Купай! купай!»
О чудо! всплыли всѣ, и вскорѣ
Крыловъ, забывъ житейско горе,
Пошелъ обѣдать прямо въ рай.
Еще продлилось сновидѣнье;
Но ваше длится ли терпѣнье
Дослушать до конца его?
Болтать, друзья, не осторожно:
Другаго и обидѣть можно,
А Боже упаси того!

—

Сообщилъ *А. Аѳанасьевъ.*

*) Крыловъ познакомился съ духами чрезъ Почту. *Примѣч. поэта.*

Изъ 20 № Библ. Зап. 1861.

Печатать позволяется. Москва. 28 Апрѣля 1862 г.
Ценсоръ Н. Гиляровъ-Платоновъ.

Типографія Грачева и К°.

Государственный Исторический Музей Библиотека
Пушкинский Дом Библиотека Академии Наук СССР
159003

Мечта

О сладострастная мечта, дворы ночи молчаливой!
Сойди ко мне с небес в туманных облаках
Иль в лунном образе сатурны боязливой
Со снежной белизною в пламенных очах!
Ты в душу страстную поэта
Лучем проникнув света
Горишь как очи твои ярки и красишь плечо его.
Любимица чистых сестр, любимица грез
И горести сладостна бываешь:
Он в горести мечтает.
То вдруг он пренесен в небесные края,
Где вихри мутные, ревет гроза,
Он тень Сатурнова, отпрянув туманного,
По небу звездному идет пламенным океаном.
То в чашей радости в руках
Он с гирляндой цветов поет и пляшет в облаках,
И кровавы мутный твой безмолвствует вампир
И это в данный час вчерну повторяет.
О сладострастная мечта! ты красишь зимний день
И вьюги и ночь печальную вплетаешь.
Зеркалом по снегам летаешь
И между облачных лилий являешь мирам Ты
Божия ты, мечта! дворы твои безлунные
Синими невасильками в снегах.
Цветами руки брызжешь,
Вакхи пурпуры на деревах,
Украсишь молодой. — Какие утешенье
Украсить вакханочек,
Сквозь прозрачный на день веселых роз!...
Подруг ли поверим, мрачных взоры слез? —
Сыграй ты в роковую ужину,
Сядь на пиковую госпожу,

Задумайся, вздохни — и друг души твоей
Отметь рукою пролетающей, как тучками,
Со трепещущих вторым, второй весной,
Как Ницца легкая полей
Цветами пестрыми и яркозеленью,
Цветами по груди вздымающейся твоей.
Стократ ты счастливы мечтанием игривым!
Мечтанье сеет вдруг и всходы и цветы.
И подлесок синий влаги
Не менее прелестей сокрыл Аквилона
Любовь его горит во сладостных мечтах.
А ты, любимец Аполлона,
Лежащий на цветах
В таинственных сладострастных мечтах Ницце и нимфах Греции,
Ты в тенях сладостно мечтаешь,
Мечтанье среди тишины и шумных, веселых
И смерть угрюмую — цветами увенчаешь.
Найдешь ли в Ницце ты
Печальных кипарисов и сосен мрачных
Кто очи брызнет слезой?
Отец мой Ницца радость
Ницца как бабочка от вечных ноябрей. (1)
Для них прохлады Ницца и в знойных природы;
Им дышит не покой опасный в хороводы,
Для них, как для сатиров,
Весна бог прелестей и Ницца бог цветов.
Увы! но от покоя нежатся и мечтанья.
Изнежит Грацию любовника;
Как вечные лучи на темных облаках
Вечный на скалах
Дни сладки опасные;
Сладко на цветах
В безгласности валяться.
Весенних пор
Лишь бабочка летает,
Амуров нравный рой
Мороза не боится.
Красавиц жертвы
Не менее сами цветов
Бог тучный отворит сокрытый сладострастия. (1)
Цветы мечта! Живи, живи со мной,
Не свет, не славы шепот пустой
Даров твоих мне не заменят!
Цветы пусть дорого у нас бывают,
Любая прядь твоей у брюнетки дороже,
Не шалостью певцов
Утешен сарацина сын, мирт, вольность и спокойство.
Души покров свивая:
Идя тайной тропой
Блаженство находить — мечтой,
Их сердцу нашептать дерзновенна:
Как бабочка весенняя
Летать с травы на цветок
Сидя порхать рассеян —
Так жизнию свою пой Дмитриев свивает
Цветами!... Он мечтает

К. Б—ков.

(1) Новая и прекрасная мысль. — Ред.
(1) и (2) Мысль не совсем ясно и не очень счастливо выражена. — Ред.

"Любитель Словесности" Ежемесячное изд. Николаем Остолоповым. Спб. 1806, т. III (№ 9, сент. 1806 г.), стр. 216–219.

М. Любовь Слов. 1806 г. 3:

Кампиана на выд. 1 любопытный? реш. 152–3.

Кн. Дорид (Сперанский). 154.

Шах Мамонтов Бегичев (прод.) г. 2м3

Упреси Аполлону (213) В. или Гнед.?